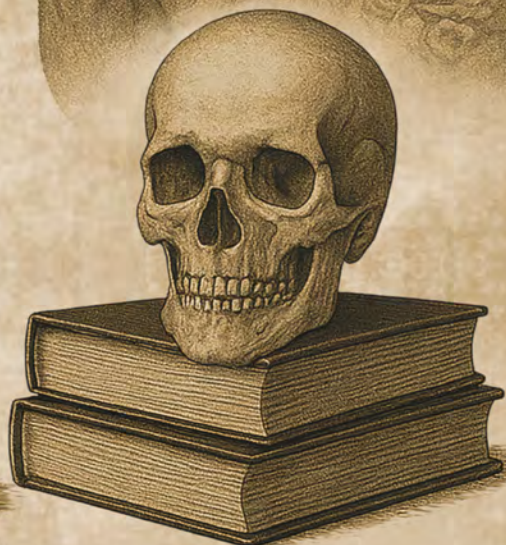

АЛЕКСЕЙ КЫЛАСОВ

ПОЛИТИКА ТЕЛА

антропология,
история,
философия

Алексей Кыласов

Политика тела:

антропология, история, философия

Москва

Издательство "Человек"

2025

УДК 141.319.8

ББК 87.52

K11

Рецензенты:

Антипов А. В., кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН

Китов Е. П., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Кыласов А.В.

K11 Политика тела: антропология, история, философия. /Алексей Кыласов. – М.: Человек, 2025. – 352 с.

ISBN 978-5-6052413-7-9

В эссе представлен нарратив политики тела, в основе которого эллинизация, выраженная в тезаурусе архитектуры, науки, медицины, искусства и спорта. Автор исходит из того, что основные очаги цивилизаций, где возникли самобытные стили зданий, скульптур, гимнастики и врачевания, сложились в границах ойкумены эллинов. В своих рассуждениях автор использует путевые заметки и цитирует научные работы по антропологии, истории, медицине, этнологии, cultural studies и sport studies.

Шрифт основного текста: Arsenal, лицензия Copyright 2012 The Arsenal Project Authors (andrij.design@gmail.com)

Шрифт заголовков: Montserrat, лицензия Copyright 2011 The Montserrat Project Authors (<https://github.com/JulietaUla/Montserrat>)

 В соответствии с ФЗ от 29.12. 2010 №436-ФЗ

УДК 141.319.8

ББК 87.52

ISBN 978-5-6052413-7-9

© Кыласов А.В., 2025

© Дизайн и вёрстка: Онлайн-сервис верстки книг,
Метранпаж, Москва, Россия, 2025
<https://app.metranpage.com/>

© Оформление, издание. Издательство «Человек», 2025

© Обложка: Кыласов А.В., ChatGPT, 2025

Отказ об ответственности

Заявление об отказе от ответственности вызвано тем, что в тексте этой книги содержатся исторические факты, действия и события, упоминание которых сейчас запрещено или отнесено к запрещённой экстремистской деятельности, согласно законодательству РФ. Автор не ставит целью их пропаганду, а упоминает их исключительно в контексте всестороннего исследования телесности и её регулирования государством, религией и обществом. Книга не рекомендуется особо впечатлительным лицам и лицам моложе 18 лет.

Оглавление

Отказ об ответственности	3
Предисловие	7
Жизнь и смерть в теле	27
Мёртвое тело	65
Эллинское тело	99
Постэллинское тело	123
Персия	128
Индия	135
Бактрия	145
Китай	151
Согдиана	157
Малая Азия	169
Рим и Европа	175
Гимнастические практики	189
Преображение тела	229
Иран	237
Индия	238
Китай	244
Шотландия	247
Мир фитнеса	249

Допинг	252
Трансформация	258
Тело в политике	277
Библиографический список.....	327

Предисловие

Замысел этого эссе возник в диалоге о *телесной демократии* с Хеннингом Айхбергом (1942–2017). Начавшись в парижском кафе Aux Ministères, он продолжился по электронной почте. Мы рассуждали о том, что телесные практики создают уникальные образы каждого «демоса» (δῆμος), где «кратос» (κράτος) есть формула власти над телом (Eichberg 1998).

Вообще, власть над телом — это первая из властей, превосходящая все остальные, поэтому её природа сакральна и благополучие тела воспринимается как *харизма* (χάρισμα) — дарование. Недаром стало привычным то, что люди твердят о немощи и болезнях как «каре богов», а о здоровье и силе как «даре богов». Исходя из этого, логично предположить, что вся история рассуждений о власти над телом началась с *теократии* (власти богов).

Вотивным практикам благодарений богам или духам за здоровье в теле наши предки придавали особое значение, потому что им хотелось выжить в бесконечных

войнах, а по возможности и победить, что привело к появлению ещё одной власти над телом — *стратократии* (власти военных), при которой ценность мужчин (от бога) определялась готовностью воевать, а женщин (от бога) — рожать, как в известном *сарказме* (*σαρκασμός*) «бабы ещё нарожают», когда речь идёт о массовой гибели воинов.

Выжившая и разбогатевшая в войнах *аристократия* (власть знати) всячески старалась обособиться от народа — собственно, так появились занятия, предназначенные только для знати — политика, экономика, медицина, гастрономия, искусство и агональные практики, позднее превратившиеся в спорт. А народ так и остался со своими мечтами о лучшей жизни в убогих лачугах с грошами в карманах, знахарями, выпивкой со жратвой и с исконными забавами, распоряжение которыми оставалось в руках *охлократии* (власти толпы).

Обслуживание аристократии привело к появлению множества сопутствующих профессий и, как следствие, *технократии* (власти мастеров), разделившей политику на партии, экономику на сектора, медицину на специализации, искусство на жанры, приём пищи на банкет и фуршет, соревнования на виды спорта, а мир на метрополии и колонии.

Постоянное стремление мира к комфорту и обустройству метрополий привело к глобальному евроремонту. Но в единообразии высоких стандартов урбанизированного быта всё равно сохранилась ностальгия по изначальным этнокультурным различиям — именно с неё началось поощрение всевозможных «этно» в кухне, музыке, моде, дизайне, педагогике, спорте и многом другом, что привело к появлению *этнократии* (власти этносов), создающей представления о традициях прошлого, как о чём-то реальном, воображаемом в настоящем.

Результатом индоктринации разных властей над телом стало их подчинение *киберократии* — универсальной власти отчётности и контроля, название которой хоть и звучит вполне актуально на фоне тотальной цифровизации, но пришло к нам из глубокой древности — эту функцию «обратной связи» провидчески описал ещё Аристотель.

В конце концов, все эти «кратии» породили регламенты и установки того, что можно считать **политикой тела**. В прошлом она заключалась в надзоре и принуждении к предписаниям власти относительно гендерных и транскультурных манифестаций телесности, а сейчас она претендует ещё и на органы человека, предвещая неизбежное торжество трансгуманизма. Но главной целью политики тела было и остаётся подчинение человека государству. Впрочем, на этом построено всё, что было и есть в политике, по словам камерунского философа Ашиля Мбембе,

от которого я услышал в 2005 году в ЮНЕСКО, а потом прочитал в его статье, что *«политика — это смерть, которая живёт человеческой жизнью»* (Мбембе 2025).

Вслед за Мбембе американский культуролог индийского происхождения Арджун Appadurai добавил, что политика не только забирает жизни людей, но и продолжает бесцеремонно управлять их телами после смерти, постепенно *«смещая ось публичной культуры к некрополитике»* (Appadurai 2021). Метафоры Мбембе и Appadurai создают современное представление о том, что тело человека превратилось в трансперсональное средство коммуникаций между жизнью и смертью — прошлым и настоящим. Именно в этом контексте политика тела привела к появлению институционального контроля прижизненных и посмертных репрезентаций тела.

Наиболее полная ретроспектива этих репрезентаций представлена в трёхтомной «Истории тела» — сборнике статей французских, британских и американских антропологов, культурологов и социологов (История тела 2012). Смена репрезентаций происходит под воздействием религии, искусства, медицины и народной культуры, а кардинальные повороты в восприятии тела произошли под воздействием научных открытий, становления спорта и появления досуга.

Казалось бы, после такого всестороннего исследования не стоит и подступаться к истории тела, но всё же это не так. По прочтении у меня возникло немало вопросов к выборке исторических фактов, ограниченных пространством западноевропейской культуры. Безусловно, Европа оказала решающее воздействие на развитие знаний о теле, но дело в том, что в «Истории тела» осталось необъяснённым обратное влияние на Европу (названное впоследствии *ориентализмом*) переосмысленных и вернувшихся к ней европейских же практик из Ост-Индии и Вест-Индии. Именно эта недосказанность в дихотомии Запада и Востока побудила меня к деконструкции эллинизма – ядра не только европейской культуры, но и первопричины перемен на Востоке, где задолго до ориентализма возникло то, что мы сейчас называем *оксидентализмом* – встраивание Востока в мир прогресса и технологий Запада.

Интересно, что первоначальные заимствования эллинской культуры происходили на Востоке без воздействия олимпийской веры колонизаторов. Методологически это можно объяснить обращением к контринтуитивному *décloture* французского философа Жан-Люка Нанси (1940–2021) с его утверждением о том, что сама **вера** обеспечивает выход из религии (Nancy 2005). Ведь именно религиозная вера создает внекофессиональный дух экуменизма в современном обществе и предчувствие всеобщего духовного просветления New Age, питающего

пострелигиозную надежду современников на лучшее. В этом её близость к тому, что эллины называли *парусия* (*παρουσία*), и что является ключом к пониманию заимствований без веры.

Между тем, для самих эллинов без олимпийской *веры* были немыслимы архитектурные, изобразительные, гигиенические, гимнические, агональные и целительские практики. Но все эти практики легко перенимали другие народы, вынося олимпийскую веру за скобки. Ярким примером служит «возрождённый» Кубертенем олимпизм без веры в богов Олимпа. Единственное, что оставалось и остаётся от олимпийской веры — это стремление к идеальной форме во всех эллинистических заимствованиях. Сами эллины это стремление называли «калос кэ агатос» (*καλὸς καὶ ἀγαθός* — хороший и благой), а мы называем эллинизмом *калокагатия* (*καλοκαγαθία*). Именно в этом ожидании идеала сохранилась *парусия* утраченной олимпийской веры, только уже безо всякой надежды на её возвращение в том религиозном смысле, как латинский *advent*.

Общие идеалы телесности привели к неизбежному обобществлению тел в настоящем, в котором возникло то, что было немыслимо в прошлом. И сейчас политика тела позволяет нам беспрепятственно делиться любыми его частями. Опять же, по выражению Нанси, мы «представляем собой сообщество тел, протяжённых в пространстве,

но не образующих неделимого целого, что доказывается трансплантацией органов» (Nancy 2005: 23).

На этом фоне определение *сферы* политики тела остаётся в аксиоме того, что тело — всегда есть объект чьей-то воли, и его обладатель субъектен только через него. Неслучайно все наши измышления о богах изоморфны телесно. Не говоря уже о том, что мёртвое тело продолжает оставаться во власти политики тела, которая устанавливает права и регламенты на распоряжение *cosa della vita* человека, его наследством, останками и памятью о нём. Такова экзистенция.

Кроме того, мы наделяем категориями телесности всё, что нас окружает. Например, крупнейшие бизнес-структуры называем «транснациональные корпорации», где само слово «корпорация» происходит от латинского «согро-го» (образовывать тело). Телесность в этом конкретном случае иллюстрирует бизнес-процесс управления, когда боссы вынуждены справляться с коллективом также, как любой из нас с собственным телом, чтобы заставить его работать, перестать болеть, похудеть или стать более привлекательным.

В свою очередь тело тоже пытается нас убедить в том, что надо чаще его лелеять, давать больше времени для отдыха, чаще мыть руки, не есть дурной пищи, не заплывать за буйки и так далее. Таким образом, нужно

признать, что не только у человека есть власть над телом, но и у тела есть власть над каждым из нас. Например, когда мы хотим чем-нибудь заняться, а тело нам не даёт это сделать просто потому, что у него, видите ли, нет сил. Поэтому с давних пор нам известен дуальный предикатив о том, что нужно прислушиваться к своему телу, и оно само нам подскажет, как поступать в любой ситуации. В этом же заключён один из базовых принципов римского права — диспозитив о том, что суд не должен выходить за пределы требований сторон (*iudex ne eat ultra petita partium, ultra petita non cognoscitur*).

Французский философ Жан-Жозеф Гу, рассуждая об этой взаимной детерминации, ссылается на объяснение *ну-мизматики* (*νόμισματος*) Аристотеля — о том, что деньги стали универсальным средством обмена, и делает важное уточнение: целью любого обмена является удовлетворение потребностей человека, а значит, любая цель заключена в его теле, именно оно формирует *номинал* всего, что мы приобретаем за деньги или делаем сами (Goux 1973: 85); что вполне сочетается с ещё более ранним тезисом Протагора (490–420 до н.э.) о том, что *человек есть мера всех вещей*.

Исходя из этого, телесная демократия как *процесс* представляет собой воплощение *аутопоэзиса* (*αὐτός + ποίησις*) — самопостроения системы, отвечающей за готовность каждого тела к удовлетворению его же

потребностей, согласно теории самореферентности немецкого социолога Никласа Лумана (1927–1998) (Луман 2004). При этом тела всех живых непременно должны удовлетворять заветам мёртвых, а знания о мёртвых не должны противоречить планам живых.

В этих неизбежных сопоставлениях живых и мёртвых (артефакты, культурная память, наследие) меня не покидало ощущение, что я разглядываю калейдоскоп. И в какой-то момент телесные конфигурации меня увлекли настолько, что я был готов отбросить рациональный аспект возникающих магических композиций. Всё дело в том, что тело является главным источником коммуникаций, ведь на долю голосовой паралингвистической информации приходится лишь 38%, остальное же – невербальная коммуникация плюс запахи и звуки (Морозов и др. 2008).

Тем не менее, мы стремимся всему дать название, найти слова для всего. А вербализацию всей информации тела называют *когнитивной лингвистикой*, фиксирующей названия каждой позы, жеста, касания, гримасы, взгляда и всей гаммы внутренних ощущений, к которым добавляются звуковые интонации и звукоподражание. В результате, все эти «жестикуляции», по мнению французской исследовательницы семиотики Юлии Кристевой, «ставят под сомнение философские основы современной лингвистики», поскольку она считает, что «для семиотической науки настало время аннексировать жесты»,

чтобы «инкорпорировать их продуктивность» в речевые конструкции (Кристева 2013: 34).

Тем более, что каждый из нас продолжает считать самым весомым из аргументов тот, что понятен без слов. Ведь несмотря на множество языков, которыми обзавелось человечество, мы всякий раз уподобляемся первобытному человеку, когда силимся подобрать наиболее убедительные (как нам кажется) позы и сопровождаем их подобающими жестами, благодаря чему первобытные практики коммуникации сохраняют свою актуальность даже в *невербальной семиотике постмодерна*.

Мало того, готовясь к разговору, мы заранее сочиняем свои высказывания и мысленно представляем, как будем их произносить. А заодно подбираем такую одежду, которая нам позволит произвести нужное впечатление на собеседника. В результате появилось так много разной одежды, что все созданные людьми наряды можно представить как всеобщее нескончаемое дефиле, в котором легко узнаются священники, военные, врачи, политики, спортсмены, женихи и невесты, а заканчивается это дефиле особыми одеяниями покойников.

Стоит отметить, что интерес к вестиментарным кодам одежды прошлых эпох не угасает. Итальянский философ Джанни Ваттимо (1936–2023) увидел в этом причуды современного человека, который «рождён чрезмерно

историчной культурой и который, наподобие туриста, бродит по саду истории и, словно в магазине театрального реквизита, всё время примеряет на себя разные костюмы» (Ваттимо 2002: 80).

Разумеется, начало этой примерки на себя затеряно во временах бессловесности первобытного человека, когда позы и жесты сопровождались эмоциональными выкриками. Швейцарский психолог Жан Пиаже (1896–1980) обнаружил это состояние в доречевом периоде у детей, назвав его сенсомоторным (Пиаже 1932). Следовательно, каждый из нас обладает внушительным опытом примитивной коммуникации, воспроизводящейся всякий раз в аутентичном виде, судя по позам и жестам на наскальных рисунках, в чём позволяет нам убедиться метод *визуальной антропологии*.

Далее, не вдаваясь в подробности глоттогенеза (теории происхождения языка), следует обратиться к главному выводу российско-американского лингвиста Романа Jakobson (1896–1982) о том, что изначально экспрессивные *фонемы* первобытных людей превращались в *морфемы* (минимальные единицы значений языка), и только затем складывались в простейшие фразы интерактивных ритуалов (Якобсон 1996: 43). Но при этом он озадачил нас, заставив задуматься: как же раньше люди думали совсем без слов? И почему их называли *homo sapiens*, если у них ещё не было речи?

Британские оккультисты Анни Безант (1847–1933) и Чарлз Ледбитер (1854–1934), судя по всему, тоже задались этим вопросом (только чуть раньше) и пришли к выводу, что в основе всего *мыслеформы*. Парадоксально, но их мистический вывод оказался вполне научным — релевантным философскому постулату рационального познания мира — *cogito ergo sum* французского философа Рене Декарта (1596–1650). В своей книге «Мыслеформы: данные ясновидческого исследования» (1901) они описали процесс возникновения визуальных образов в разных эмоциональных состояниях человека (Безант, Ледбитер 2005).

Проведённые ими эксперименты по воздействию музыки Вагнера, Гуно и Мендельсона на возникновение мысленных образов вдохновили русского композитора Александра Николаевича Скрябина (1871–1915) к созданию творческого концепта «светомузыки». В партитуру симфонической поэмы «Прометей (Поэма огня)» (1910) он включил партию света (*tastiera per luce*), в которой описал последовательность включения света, изменения цвета и интенсивности освещения прожекторами зрительного зала во время исполнения музыки. Сейчас без этого атрибута «подсветки тела» не обходится ни одно шоу.

А увлечение «мыслеформами» художников привело к сатисфакции ранее оскорблявших публику абстрактных

образов и появлению самостоятельного жанра живописи — сюрреализма.

Но главное — колебания в мозге, о которых стало известно ранее — после экспериментов с «животным электричеством» (dell'elettricità animale) итальянского анатома и физиолога Луиджи Гальвани (1737–1798), тоже стали изображать «мыслеформами» — рисунками электроэнцефалограмм. Сейчас такие «рисунки» применяют в мониторинге лечения и в диагностике таких функций мозга, как восприятие, память, адаптация к нагрузкам и других. Кроме того, идея мыслеформ предвосхитила *виртуальную реальность*, которая создаётся в киберпространстве нашим воображением, и *дополненную реальность*, возникающую с помощью 3D-очков или под воздействием чипов, вживлённых в мозг человека.

Здесь надо сказать, что мыслеформы — это лишь один из примеров неожиданных воплощений телесности в изобретениях, многие из которых поначалу казались сумасбродными и далёкими от науки. Задолго до Безант и Ледбитера в этом отметились:

— Аристотель с физиогномикой, предвосхитившей технологию распознавания людей по лицам и позам при помощи искусственного интеллекта;

- Парацельс с идеей искусственного вынашивания плода предвосхитил экстракорпоральное оплодотворение;
- Кардек с эзотерическим погружением во внутренний мир человека предвосхитил удаленное общение между людьми (включая общение с умершими) посредством социальных сетей.

На фоне прорывов в познании тела довольно контрастно выглядит то, что периодически и вполне обыденно мы используем жесты и выкрики, когда нас переполняют эмоции. Появилась даже шутка о том, что так гораздо быстрее доходит до собеседника, ведь жесты мы видим со скоростью света, а слышим слова всего лишь со скоростью звука. Выходит, мы легко возвращаемся в состояние бессловесности первобытного человека, вопреки утверждению Пиаже о том, что бываем в нём только в детстве. Так что, когда нам приспичит, мы легко обнуляем всю эволюцию словесных форм выражения мыслей и чувств, непринуждённо возвращаясь к «заводским установкам» дикой природы, названным *невербальной коммуникацией*.

Впрочем, такого рода интерактивные ритуалы невербальной коммуникации вовсе не так примитивны, как это может нам показаться на первый взгляд, поскольку культура *топонимики* начала складываться именно с подражательных поз человека по отношению к объектам

природы: растениям, животным и окружающему ландшафту. Это отметил французский антрополог Клод Леви-Строс (1908–2009), наблюдавший за неконтактными с современной цивилизацией коренными народами Бразилии (Леви-Строс 1962), и заключил, что природные объекты в представлении первобытного человека обладали магической силой и становились тотемами.

Первобытные люди верили, что принятие знаковых поз, посвящённых объектам природы, способствует успеху в разных делах — охоте, сборе растений, приготовлению пищи, уходу за больными, разведению огня, изготовлению орудий и чему угодно другому. Со временем эти позы дополнились украшениями и аксессуарами из растений, костей и камней; а потом и одеждой из шкур животных и тканей из растительных волокон; и всё это вместе положило начало нескончаемому *дефиле телесных манифестаций*.

При этом сам тотемизм тоже эволюционировал, и сейчас он присутствует даже в публикациях учёных: в начале любого научного текста ритуально упоминаются исследователи, внёсшие вклад в изучение выбранной темы. С одной стороны, их имена демонстрируют осведомлённость автора, а с другой стороны, они словно бусы из именных заклинаний, служат амулетами в вернакулярном обряде защиты от возможных нападков со стороны коллег, внезапно усомнившихся в компетентности автора.

Следуя этому правилу, мне тоже пришлось изготовить такие «бусы», нанизывая имена учёных на нить повествования. Но я это сделал с добавлением «живых» тканей — реплик из разговоров с ними. Будучи экспертом ЮНЕСКО по традиционным играм и спорту, на протяжении многих лет я проявлял интерес ко всем заседаниям Социогуманитарного сектора ЮНЕСКО, благодаря чему получил возможность общения с выдающимися мыслителями, чьи имена составляют мемориал тех самых тотемных заклинаний в современных академических публикациях по гуманитарным наукам.

Символично, что на одном из таких заседаний в парижской штаб-квартире ЮНЕСКО, где я впервые присутствовал, было принципиально важное для этого эссе обсуждение темы «Вызовы бесчеловечности: какие будут ценности общества XXI века?», в котором принимали участие Арджун Аппадураи, Жан Бодрийяр, Джанни Ваттимо, Вольфганг Вельш, Жан-Жозеф Гу, Юлия Кристева, Мишель Маффесоли, Ашиль Мбембе, Поль Рикёр и Петер Слотердайк. Разумеется, все они здесь процитированы.

Тематическое продолжение той конференции случилось два года спустя, когда там же — в штаб-квартире ЮНЕСКО — французский философ Ален Бадью говорил об эстетике как предвосхищении этики, что тело *«само по себе является производителем истин»*, и привёл в пример метафорическую связь, вызванную рождением образа

птицы в танце: мы искренне верим в реальность не только тела самого танцора, но и в реальность созданного его телом образа птицы. Таким способом Бадью представил новое содержание эстетики воображаемого, которое он назвал *инэстетика* (*inesthétique*). Установленная им связь между конечностью эстетических форм и бесконечностью проявления истин в комбинациях образов создаёт искомые теоретические основания для осмысления образов тела в этом эссе (Бадью 2014).

Что же касается описания множественности манифестаций тела, то их порождает игра воображения, в которой чередуются эстетические представления разных народов о гармонии и дисгармонии, согласно определению французского антрополога Жильбера Дюрана (1921–2012). Здесь надо отметить, что Дюран был одним из основателей Центра исследований воображения и семинаров «Эранос» (*Ἐρανός*), где обсуждали телесные практики шествий и построений, акробатики древних культов, йоги и медитации. В этом центре, по его словам, «создавали новую антропологическую школу для осмысления способности тела *homo sapiens* символизировать и развивать символическое воображение» (Дюран 1960).

Так получилось, что перед знакомством с Дюраном я услышал доклад его ученика — французского социолога Мишеля Маффесоли, в котором он утверждал, что инструментальную деятельность тела сопровождает

коммуникативная, возникающая в повседневных навыках питания, общения, манере одеваться и перемещаться в пространстве. Взгляды Маффесоли сформировались в Высшей школе телосложения (ENSEP) Университета Декарта Париж V, где его коллегами были Бернар Андриё, Жорж Вигарелло и Пьер Парлеба, с которыми впоследствии довелось общаться и мне.

Но, пожалуй, самой важной из встреч в ЮНЕСКО я считаю ту, которая состоялась в 2005 году на праздновании 60-летия организации, когда выступал с юбилейной лекцией Клод Леви-Строс, чей метод структурной антропологии стал ключевым в работе над этим эссе. Из всей его речи я приведу лишь вопрос, заданный им самим в качестве постановки научной проблемы, в ответе на который он предложил и способ её решения:

«Как примирить постулируемое единство объекта антропологии с разнообразием его отдельных манифестаций? Придётся отбросить для этого само понятие цивилизации, означающее набор общих, универсальных и передаваемых способностей, оно должно уступить место понятию культуры, взятому в новом смысле, означающему множество образов жизни, постигаемых в форме конкретных проявлений — техники, морали, обычаев, институтов, верований, производных от наблюдаемых ценностей, а не от надуманных на основе заданных или предполагаемых истин».

В этом высказывании Леви-Строса заключена суть структурной антропологии, теоретический концепт которой постоянно подвергался переосмыслению, о чём сам он иронично поведал собравшимся на банкете после своего выступления. Он сетовал на то, что слишком долго живёт, потому что после триумфа *структурализма* (Роман Якобсон, Жак Лакан, Жан Пиаже) увидел не только *постструктурализм* (Луи Альтюссер, Жиль Делёз, Феликс Гваттари) и *неструктурализм* (Мишель Фуко, Жак Деррида, Ролан Барт), но даже *пост-неструктурализм* (Джорджо Агамбен, Славой Жижек, Никлас Луман). Этим перечислением он пожелал молодым учёным делать научные открытия как можно позже — желательно ближе к концу жизни, дабы не видеть грядущих метаморфоз, что было воспринято всеми как анекдот, поскольку было сказано Леви-Стросом накануне его столетнего юбилея.

Впрочем, с пожеланием мэтра вполне можно согласиться, если принять во внимание многократно повторяемую максиму в телеграм-канале «Philosophy Today» Вячеслава Данилова о том, что философы живут долго. А ещё ирония заключалась в том, что после кончины Леви-Строса появились новые репрезентации структурализма: антиструктурализм, гиперструктурализм, неоструктурализм, параструктурализм, суперструктурализм, ультраструктурализм и, вполне возможно, последует продолжение этого списка. Что же касается меня, то я этого делать не буду, несмотря на огромное желание быть отнесённым

к последователям Леви-Строса в изложении политики тела.

А сам по себе мой интерес к политике тела возник в ходе многолетних исследований спортивных и доспортивных практик физической активности, благодаря чему у меня скопился довольно большой массив этнографических данных и эмпирических материалов по результатам включённых наблюдений во многих странах мира. Кроме того, я собрал библиотеку научной литературы, законодательных актов и регламентов двигательной активности разных народов.

В итоге возникла идея создать нарратив *политики тела*, в основе которого эллинизация, выраженная в тезаурусе архитектуры, науки, медицины, искусства и спорта. Всё дело в том, что основные очаги цивилизаций, где возникли самобытные стили зданий, скульптур, гимнастики и врачевания, сложились именно в границах ойкумены эллинов. В рассуждениях об этом я использую путевые заметки и цитаты научных работ по антропологии, истории, медицине, этнологии, cultural studies и sport studies.

Жизнь и смерть в теле

В том, что тело и есть *raison d'être*, убедились еще первобытные люди, поняв, что жизнь ощущается исключительно благодаря телу. А когда в теле становится что-то не так, мы всякий раз чувствуем приближение смерти. Возможно, совсем скоро нам удастся понять: почему наше тело приходит в негодность и как увеличить срок его годности?

Но пока мы этого не поняли, а усвоили только то, что жизнь выходит за рамки ощутимого и осознаваемого нами времени. Итальянский философ Джорджо Агамбен приводит разницу понимания жизни на примере эллинистических представлений:

«*Zoe* (ζωή), означавший сам факт жизни, общий для всех живых существ (будь то животные, люди или боги), и *bios* (βίος), указывавший на правильный способ или форму жизни индивида либо группы» (Агамбен 2011: 7).

Зои (ζωή) в значении вечной жизни семантически соотносится как с понятием вечности бытия и всепоглощающего времени *хронос* (χρόνος), так и с понятием вечного небытия *танатос* (θάνατος). *Биос* (βίος) же используется в обозначении жизни конкретных существ, наделённых лишь краткосрочным пребыванием в статусе живых, который эллины называли *кайрос* (καιρός). Каждой из краткосрочных жизней была уготована отдельная (свойственная только ей) смерть. При этом *кайрос* понимался ещё и как аллегория удачи, которая стала символом участия атлетов в Олимпийских играх. Исходя из этого, Аристотель соотносит *кайрос* со смыслом жизни, назвав его *телос* (τέλος).

Тот же смысл придают смерти в христианстве, называя её «усупение», когда подводят итоги всей жизни у смертного одра, чтобы понять: в чем преуспел новопреставленный?

Используя концепт *телоса*, Аристотель создал учение о *телеологии* (τέλειος и λόγος) — выявлении высших предназначений. Сейчас это учение используют в объяснении самых разных *феноменов* (φαινόμενον). Например, *телос* бизнеса — это богатство, *телос* войны — это победа, *телос* искусства — шедевр, *телос* политики — разграничение, *телос* религии — апофеоз (ἀποθέωσις) и многое другое.

Само же понятие *биос* Аристотель соотносил не только с людьми, но и с животными, чтобы их отличать

от растений — *фитон* (φυτῶν), у которых «нет иного [жизненного] дела, кроме как производить другое, подобное самому себе, что происходит через семя». Он считал, что животные отличаются от растений тем, что испытывают «наслаждения, [получаемые] как от соития, так и вследствие родов и выкармливания детей». Хотя дальше по тексту он все же говорит и о «растительной жизни» (φυτῶν βίος), когда описывает вегетацию растений (Аристотель 1996: I-7).

Венгерский филолог Карл Кереньи (1897–1973) сделал важное уточнение о том, что слово ζωή означает бесконечную — неохарактеризованную жизнь, а слово βίος, наоборот, конечную — охарактеризованную, от которой в греческом языке происходит слово «биография» (Кереньи 2007: 20).

А вот другое греческое понятие, связанное с βίος, которое нам известно как «биология» (βιολόγος), поначалу вовсе не означало «науку о жизни» — это был комедийный жанр выступлений актёров, представлявших разнохарактерные миниатюры. Этот жанр сохранился до наших дней в стендап-шоу комиков. А начало этому жанру положил ученик Платона и Аристотеля — философ Теофраст (372–288 до н.э.), сделавший описание в трактате «Характеры» 30 человеческих типов, среди которых бахвал, болтун, брюзга, грубиян, крахобор, льстец, суеверный, тупой и другие (Теофраст 1974).

А вот естественно-научный термин «биология» появился только в XIX веке, хотя первым его ввёл в научный оборот в 1797 году немецкий физиолог и анатом Теодор Георг Август Роозе (1771–1803) в книге «Основы учения о жизненной силе». А в 1802 году этот термин использовали независимо друг от друга французский зоолог Жан Батист Ламарк (1744–1829) в книге «Исследования об организации живых тел» и немецкий естествоиспытатель Готфрид Рейнхольд Тревиранус (1776–1837) в книге «Биология, или философия живой природы для натуралистов и врачей».

Другим направлением эллинской мысли в осмыслении жизни стали рассуждения о природе её продления. Первоначально зарождение жизни эллинам виделось в *панспермии* (πανσπερμία) — смеси семян всего живого, занесённым на землю из космоса *метеорами* (μετέωρος) — падающими звёздами. Анаксагор (500–428 до н.э.) видел в каждом семени миниатюрную копию взрослого тела организма и потому называл сам процесс размножения *гомеомерией* (ομοιομερία). Римляне этот процесс называли *преформизм*. Следуя этой *аксиоме* (ἀξίωμα), Гиппократ полагал, что в человеческом *эмбрионе* (ἔμβρυον) уже текут «жизненные соки» или *гуморы* (χυμοί) — кровь, лимфа, чёрная и желтая желчь, и дальнейшее развитие тела обеспечивается получением влаги и воздуха из материнского лона, которое покидает насытившийся эмбрион, выросший до предельного размера (Гиппократ 1994).

Свою гуморальную теорию о *четырёх* жидкостях Гиппократ соотнес с тем, как мы по-разному себя чувствуем в *четыре* времени года, а также с воздействием на человека *четырёх* стихий — воздуха, воды, огня и земли, из соединения которых происходит сама жизнь, по Алкмеону (V до н.э.) и Эмпедоклу (490–430 до н.э.). Римский врач Клавдий Гален (129–216) предположил, что в организме человека происходит *красис* (κράσις — смешение) *четырёх* гуморов Гиппократа в разных пропорциях, предопределяющих 13 темпераментов (Гален 2022: 365). Спустя восемь веков, византийский врач Аэций Амидийский (502–572) сократил количество темпераментов до *четырёх*, связав «жизненные соки» с *четырьмя* типами тел по Гиппократу — горячими, холодными, влажными и сухими:

- *холерик* (χολή — желчь) — горячий, сухой, стихия огня;
- *сангвиник* (лат. sanguis — кровь) — горячий, влажный, стихия воздуха;
- *флегматик* (φλέγμα — мокрота) — холодный, влажный, стихия воды;
- *меланхолик* (μέλαινα χολή — чёрная желчь) — холодный, сухой, стихия земли.

Здесь я хочу особо отметить, что привязанность древних греков к числу «четыре» в теоретических построениях

была настолько явной, что я бы назвал ее *тетраманией*. Эллины даже записывали свои мысли на скрепленных между собой *четырёх* дощечках, которые называли *тетрадион* (τετράδιον), а мы вслед за ними называем *тетрадь*. Но вершиной *тетрамании* стал *тетраграмматон* (τετραγράμματον), проникший от эллинов (а не наоборот) в Еврейские писания — Библию, где имя бога написано нечитаемой *тетраграммой* — комбинацией из одних согласных. А вдохновил иудеев на такую хитрость нечитаемый *тетраморф* (τετράμορφος) из мифологии эллинов — крылатая четырёхсоставная Колесница, которая позже упомянута в видении пророка Иезекииля в Библии.

Надо сказать, что *тетрамания* проникла во все сферы жизни эллинов, её начали использовать даже в методологии исследований. Например, трактат Клавдия Птолемея (100–170 н.э.) об астрологии и математике называется «Тетрабиблос» (Τετράβιβλος) (Клавдий Птолемей 1996).

В четверичности сомневался только Аристотель. Он считал, что у сердца *три* желудочка. А ещё он подверг критике четырёхсоставную гуморальную теорию Гиппократов о том, что всё живое с рождения просто увеличивается по заданному образу (гомеомерия), питаясь соками гумора. В своём трактате «О возникновении животных» он привёл в пример процесс стадийного развития цыплёнка, утверждая, что формирование и рост всех частей тела, как у родителя того же пола, начинается только

после вылупления из яйца, и это нельзя назвать простым увеличением копии взрослой курицы, как в *гомеомерии* Анаксагора и Гиппократов. Поэтому Аристотель назвал этот процесс *эпигенезом* (ἐπιγένεσις) — развитием после рождения (Аристотель 1996).

Теории *эпигенеза* Аристотеля понадобилось два тысячелетия для всеобщего признания. И все эти годы шла непрерывная генерация множества затейливых заблуждений. Яркий пример — «Естественная история» Плиния Старшего (23–79 н.э.), в которой собраны вперемешку теории, сплетни и домыслы обо всём на свете в форме *энциклопедии* (ἐγκύκλιος παιδεία), как сказал об этом сам автор.

В XVI веке появилась «Книга, повествующая о порождении естественных вещей» Теофраста Парацельса (1493–1541), где он описал «величайшее и прекраснейшее чудо и мистирию Господню» о том, что человек может быть рождён и выращен «не естественным путём от женщины, но искусством и мастерством опытного Алхимика». От рассуждений о том, что под воздействием умеренного жара «яйца могут созреть в сосуде или же в золе и стать живыми птицами», он перешёл к предложению «поместить сперму в запечатанном сосуде из тыквы в конское брюхо (*venter equinus*)». Парацельс был уверен, что это приведёт к появлению эмбриона, который следует питать «эликсиром человеческой крови и так содержать

на протяжении сорока недель», после чего непременно возникнет «настоящее живое дитя, все члены которого будут такие же, как у ребёнка, рождённого женщиной, только намного меньшего размера. Оно называется гомункулом» (Парацельс 2005: 301–303).

Несмотря на то, что свидетельств об экспериментах Парацельса нет, его идеи преформизма, основанного на гомеомерии Анаксагора, ещё столетие оставались релевантными в медицинской науке и продолжали будоражить умы учёных вплоть до XVIII века. Даже голландский изобретатель микроскопа Антони ван Левенгук (1632–1723), обнаружив в 1677 году в семенной жидкости сперматозоиды, умудрился разглядеть в оплодотворённой ими яйцеклетке «миниатюрного человечка», которого вслед за Парацельсом назвал «гомункулом» (Дворецкий 2018). Впрочем, ван Левенгук изначально был озабочен поиском «микроскопических» копий всевозможных «анималькулей» («зверушек» — от лат. *animalculum*).

Конец этим видениям положил немецкий физиолог Каспар Фридрих Вольф (1734–1794), защитивший в 1759 году диссертацию «*Theoria generationis*», в которой обосновал постулаты современной эмбриологии, методологически восходящей к эпигенезу Аристотеля. Хотя надо отметить, что об идеях Парацельса об оплодотворении *in vitro* всё равно не забыли, поскольку они, можно сказать, предвосхитили метод экстракорпорального оплодотворения.

Но как бы ни трактовалось продление жизни, сам факт рождения человека был веками связан с идеей креационизма об онтологической связи со святым духом, поскольку считалось, что человек создан по образу и подобию богов не только в античных верованиях, но и в современных религиях:

«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему» (Быт. 1: 26).

При этом сама суть этой декламации остаётся необъяснённой в канонических текстах, где всё ограничивается констатацией:

«И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2: 7).

Христианская идея «частицы бога» в каждом смертном поначалу воспринималась неоднозначно, поскольку противоречила представлению о бестелесности святого духа, который почему-то выбрал «одного из нас», на что указал в своей критике финикийский философ Порфирий (233–306 н.э.). В трактате «Против христиан» (Porphyry 303) он рассуждает о странной сингулярности святого духа, выбравшего только «одного из Нас» (Быт. 3:22), чтобы создать богочеловека в Святой Троице — Отец, Сын и Святой Дух. Здесь надо отметить, что критика Порфирия

вызвала неуёмный гнев императора Феодосия II (401–450 н.э.), повелевшего уничтожить все манускрипты Порфирия дважды: в 435 году н.э. и после выявления оставшихся копий повторно в 448 году н.э. (Digeser 1998).

Позже креационистская идея полностью возобладала в средневековой науке, став общепризнанным постулатом метафизики. А вот идея вездесущего святого духа была отброшена фундаментальной наукой только в эпоху Модерна. Но и к ней снова вернулись после того, как британский физик Питер Хиггс (1929–2024) в исследованиях материи открыл квазичастицу «бозон». Американский физик Леон Ледерман (1922–2018) назвал бозон Хиггса «частицей бога», задавшись при этом риторическим вопросом в своей книге «Частица Бога: если Вселенная — это ответ, то в чём же вопрос?» (Lederman, Teresi 1993). Рассуждая почему-то о «злодейской природе» этой «чёртовой частицы» (Goddamn Particle), он иронично указал на несомненную связь своей книги с «другой, гораздо более старой книгой», повествующей о Начале начал (Книге Бытия).

Таким образом, дискурсивно восторжествовала не только культурная, но и научная парадигма креационизма, и мы по-прежнему, сталкиваясь с фактом смерти живых существ (людей, зверей, птиц, рыб, насекомых), обыденно говорим, что они «испустили дух». Но это вовсе не означает (да и не означало никогда) абсолютного конца, потому

что после смерти начинается «другая жизнь» — потусторонняя, как её называли наши предки. Они верили, что все живые существа рано или поздно окажутся «на том свете», и потому для них была естественной связь с усопшими, благодаря чему возник феномен некромантии — общения с духами мёртвых.

Метафизические рассуждения о духах живых и духах мёртвых всколыхнули общество в середине XIX века с подачи Ипполита Ривая. Он создал оккультную доктрину спиритизма под псевдонимом Аллан Кардек (1804–1869)¹ и с её помощью, можно сказать, продолжает вести диалог с потомками. Во всяком случае, так мне показалось возле его могилы на парижском кладбище Пер-Лашез. Там множество букетов живых цветов и адресованных ему записок разной свежести, которые регулярно оставляют благодарные спиритисты со всего мира.

Основой его эзотерических рассуждений стало вполне респектабельное философское учение спиритуализма Лейбница. Свои пролегомены (προλεγόμενα) в «Книге духов» (1857) он начинает с критики материализма, в котором *«душа — следствие, а не причина»*, возникающая в любом живом организме. На противопоставлении

---

¹ Кардек был учеником и сотрудником Ивердонского института Иоганна Генриха Песталоцци (1746–1827) — гуманиста и основателя современной педагогики.

этому постулату он строит теоретический концепт своей доктрины, провозглашая, что

«душа — это основа разума, вселенский реагент, откуда каждое существо черпает свою порцию... во всей Вселенной существует лишь одна душа, которая распределяет искры между различными разумными существами во время их жизни; после смерти каждая искра возвращается к общему источнику, где она вливается в общий океан, как ручьи и реки возвращаются в море, откуда они вышли» (Кардек 2011: 21).

Текст «Книги духов» построен в виде диалогов, как у античных авторов. Следуя утверждению Платона о том, что душа нематериальна, Кардек заявляет о «прогрессивной трансмиграции» хаотично «блуждающих духов» (Там же: 203), общение с которыми возможно во время «спиритических посещений между людьми», включая души умерших людей, которые остаются «жить» автономно (Там же: 286), и далее он утверждает, что духов можно увидеть «вторым зрением», открывающимся в особой атмосфере спиритических сеансов (Там же: 300).

Единственное, что категорически исключал Кардек, будучи приверженцем эзотерического христианства — метемпсихоз (μετεμψύχωσις), поскольку не верил в переселение душ между людьми и, тем более, между людьми и животными:

«Мог бы Дух, оживляющий тело человека, воплотиться в животное? — Это означало бы регресс, а Дух не регрессирует. Река не возвращается к своему истоку» (Там же: 375).

Хотя эта метафора противоречит его же высказыванию о том, что все духи возвращаются «к общему источнику». Кроме того, вопреки христианскому вероучению Кардек утверждал, что душа сохраняет «свою индивидуальность после смерти» и продолжает существовать автономно. Но несмотря на явные противоречия и оккультизм, его доктрина буквально заворожила современников, среди которых Виктор Гюго, Теофиль Готье, Артур Конан Дойл и многие другие.

Впрочем, сама по себе спиритическая картина мира возникла задолго до Кардека, по утверждению британского этнолога Эдуарда Тайлора (1832–1917). Изучая предтечу всех религий, он ввёл понятие «анимизм», чтобы проследить

«глубоко присущее человеку учение о духовных существах, которое служит воплощением сущности спиритуалистической философии в противоположность материалистической» (Тайлор 2021: 264).

Это понятие он использует, чтобы объяснить происхождение анимистической «*философии дикарей*», схожей с наивным одушевлением вещей в сознании ребенка.

В его трактовке каждый «*фазис культурной эволюции*» порождает свои формы анимизма. Но его «*доводы в пользу естественного и постепенного развития религиозных идей*» оставляют необъяснённым сохранение магии в развитых обществах. Сетую на астрологию и оккультные практики современников в XX веке, он лишь констатирует, что

«поверхностная, существующая только в воображении аналогия ошибочно принимается ими за действительную связь» (Там же: 76).

Таким образом, мы по-прежнему имеем дело с устойчивой на всех этапах культурной эволюции общества интенцией: в живом теле — дух жизни, а в мёртвом теле — дух смерти. Диспозитив такого раздвоения заключается в том, что оба духа существуют одновременно, как это выразил в стихах американский поэт Эдгар Аллан По (По 1924):

*«Те Духи Смерти, что с тобой
Витали в жизни, — и теперь
Витают в смерти».*

В этом обыденном понимании дихотомии *духов жизни* и *духов смерти* поражает то, что древние мистические представления оказались предвестниками категориальных постулатов современной науки, поскольку сейчас нам достоверно известно, что в мёртвом теле действительно

начинается другая жизнь, хотя и на микроскопическом уровне — в виде работы микроорганизмов, занятых разложением трупа. И надо сказать, что эти зловредные вирусы и патогены (бактерии, грибковые, многоклеточные паразиты) присутствуют в нашем теле уже при жизни. Пусть не все из них, но всё же присутствуют.

Защищаясь от них, наше тело вырабатывает *антитела*, как назвал их в 1891 году немецкий врач Пауль Эрлих (1854–1915). Если принять во внимание жизнедеятельность антител внутри организма, то эта лексема для обозначения инвазивных биологических процессов создает антиномию сдвоенного тела. В результате возникает феномен постоянно «проживающего» внутри нас изоморфного антипода, состоящего из антител, без которых мы обречены на гибель. Исходя из этого, продуцирование антител организмом вполне можно считать материальным воплощением метафоры «дух жизни». А прекращение выработки в организме антител, равно как и гормонов, предвещает неминуемую смерть. И такая трактовка смерти вполне соответствует представлениям о прекращении *гуморальной регуляции* (по Гиппократу), выработки *антител* (по Эрлиху) или *гормонов* (по Уильяму Бейлису и Эрнесту Старлингу), а также прекращении *гомеостаза* (по Клоду Бернару).

Далее смерть запускает процесс самоуничтожения организма и служит воплощением мифа об Уроборосе — змее,

пожирающем самого себя с хвоста. Здесь интересно, что Парацельс обратил внимание на витальную сторону этого процесса:

«Ибо разложение есть высочайшая степень и первопричина порождения... Ибо разложение — это изменение и смерть всего на свете и разрушение первичной сущности всех естественных предметов, и от него происходит восстановление и новое рождение» (Парацельс 2005: 297–298).

Но, если Парацельс, наблюдая за разложением организмов, придавался грёзам об искусственном выведении человека *in vitro* (как мы рассмотрели ранее), то итальянский врач Джероламо Кардано (1501–1576), наблюдая за раздуванием трупа и умножением гнилостной биомассы в нём, задумался над сущностью разнонаправленных форм жизни, которые он обозначил цифровой абстракцией **отрицательных** чисел (посмертного увеличения массы тела), назвав их *вымышленными*, и **положительных** чисел (прижизненного увеличения массы тела), назвав их *действительными*. Вполне возможно, что к этому его подтолкнуло не только наблюдение за трупами, но ещё и обратное (отрицательное) летоисчисление «до нашей эры», введенное дикастерием Ватикана в качестве догмата религиозной бифуркации «от Рождества Христова».

Поначалу двойное летоисчисление велось от восшествия на престол в 284 году н.э. «нечестивого гонителя христиан» императора Диоклетиана (244–311 н.э.). Но спустя два с половиной столетия, скифский монах Дионисий Малый (470–544 н.э.) предложил сместить начало нашей эры к дате рождения Иисуса Христа (*Anni Domini Nostri Jesu Christi*), что практиковалось в некоторых епископствах Восточной Римской империи начиная со II века н.э. по свидетельствам Климента Александрийского и Евсевия Кесарийского. Метод летоисчисления Дионисия Ватикан принял в качестве официального календаря Святого Престола «от Воплощения Господа» (*ab Incarnatione Domini*), при этом первому году нашей эры (*Anno Domini*, AD) предшествовал 1-й год до нашей эры (*Ante Christum natum*, AC) с отрицательным возрастанием лет по мере удаления в прошлое.

Таким образом, инкарнация Богочеловека (Господа) в живом теле Иисуса Христа стала одним из важнейших символов телесной манифестации. Этот символ направил время вспять, провозглашая бессмертие — «смертию смерть поправ» (Тропарь Пасхи), и главной аллегорической фигурой стало распятие Христа на кресте, превратив мёртвое тело в образ жизни вечной.

Хотя надо отметить, что обратное летоисчисление применялось в поминальных обрядах множества верований задолго до христианства.

В **Древней Греции** отсчитывали 3-й день после смерти для проведения похорон, затем 9-й день для поминок и соблюдали траур 30 дней. Впоследствии отмечали *генесии* (τά γενέσια) в день рождения и день смерти, а также в общие дни поминовений *Некисии* (Νεκύσια) / *Немесии* (Νεμέσεια).

В **Древнем Риме** отсчитывали 8-й день после смерти для проведения похорон (exsequiae), затем 9-й день для *новемдialiи* (novemdialia) поминок с жертвоприношением, и соблюдали траур 30 дней. Впоследствии отмечали день рождения и день смерти, а также общие дни поминовений *Лемурии* (Lemuria) и родительские дни *Паренталии* (Parentalia).

В **Древней Персии** отсчитывали 3-й день после смерти для проведения обряда очищения покойника, которого укладывали в Дахме — башне молчания: мужчин в большом круге возле стен, женщин в среднем и детей в малом круге возле колодца, куда сбрасывали всю их одежду. Костные останки выносили из Дахмы дважды в году и зарывали в землю по периметру вокруг башни. Обряды поминовения проводились в Навруз в течение 30 лет после смерти.

В **Древней Индии** погребальная процедура *антьешти* состоит из четырёх этапов: первый — *прощание* с покойником в день смерти; второй — *кремация* на 2-й

день после смерти; третий — церемония *прета-кармы* на 3-й день с поминками возле сосуда с пеплом, который развеивали в одном из мест, связанных с памятью о покойном; четвёртый — обряд *шраддха* с 11-го по 31-й день после смерти для защиты душ умерших в тонком мире. Шраддха проводится и в каждую годовщину смерти.

В **Древнем Китае** родственники прощались с покойником и готовили его для прощания 2 дня, а на 3-й день укладывали в гроб и выставляли для прощания. Хоронили на 7-й день. В семьях с достатком вокруг гроба устраивали долгую панихиду на 10 дней (с третьего дня) и хоронили только на 12-й день после смерти. Траур длился 7 недель. В начале апреля в Китае отмечают День поминовения усопших Цинмин — праздник чистого света.

Во всех авраамических религиях принято отмечать даты, отсчёт которым ведётся со дня смерти:

- **в иудаизме** похороны в день смерти и затем семидневные поминки;
- **в католицизме** на 3-й день похороны и затем в 7-й и 30-й дни поминки;
- **в исламе** похороны в день смерти и затем на 3-й, 7-й и 40-й дни поминки;

— **в православии** на 3-й день похороны и затем на 9-й и 40-й дни поминки.

Аналогичный церемониал утвердился **в буддизме**, где на 3-й день похороны и затем в течение 49 дней траур.

Годовщины со дня смерти создают последовательную временную проекцию в текущей повседневности, потому что отсчёт со дня смерти представляет собой те самые отрицательные числа (вымышленные), по Кардано, которые служат для индикации постоянного увеличения срока отсутствия покойника в продолжающейся жизни. Но особый контраст такому отрицательному отсчёту придают дни рождения усопшего, которые продолжают отмечать положительными (действительными) числами. Таким образом, даты рождения и смерти покойника создают двойную эмпирическую темпоральность.

Взаимообусловленность положительного и отрицательно-го исчислений получила развитие в трудах французского философа Рене Декарта (1596–1650), обозначившего *отрицательные* корни уравнений «ложными», а *положительные* «действительными». Затем немецкий философ и математик Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716) стал использовать в вычислениях суммы как положительных, так и отрицательных чисел.

Швейцарский математик Леонард Эйлер (1707–1783), опираясь на опыт предшественников, привнес положительные и отрицательные значения чисел в расчёты бухгалтерии, начав использовать положительные числа для обозначения *дохода*, а отрицательные для обозначения *долга* и *расхода*.

А его современник прусский философ Иммануил Кант (1724–1804) предпринял метанаучное объяснение в работе «Опыт введения в философию понятия отрицательных величин» (Кант 1964). Рассуждая об этом понятии из математики, которое «в философии почти не встречается», Кант создает логическое представление о том, что отрицательные значения не отменяют положительные, а создают нечто противоположное. Особый интерес в его рассуждениях (в контексте темы этого эссе) вызывает образ тела:

«Сила, движущая тело в одну сторону, и равное стремление того же тела в противоположном направлении не противоречат друг другу и в качестве предикатов возможны в одном и том же теле одновременно» (Кант 1964: 85).

Пользуясь ещё одним заключением Канта в той же самой работе о том, что «всякое исчезновение есть отрицательное возникновение» (Там же: 105), мы получаем логическое объяснение отрицательному отсчету со дня

смерти (исчезновения). Помимо всего прочего, оно создаёт метафизическое понимание нашего интереса к прошлому — исчезнувшим временам и эпохам, поскольку сама попытка понять предков есть проникновение в их жизнь без отрицания своей — нечто напоминающее процесс переселения душ. Так археологи вполне рационально пытаются *вжиться* в пространство руин, а историки пытаются *понять* актуальное содержание хроник прошлого.

Итак, если жизнь и смерть существуют во временном континууме параллельно, то получается, что жизнь позволяет смерти проникать в неё постепенно, а смерть допускает диффузию — от реинкарнации в некоторых культах до оживления в исторической памяти посредством обрядов. Для иллюстрации проникновения *смерти в жизнь* прекрасно подходит процесс репликативного старения, в основе которого лежит необратимое сокращение длины хромосом на протяжении всей нашей жизни в результате *митоза* (μίτος — нить) — деления клеток.

Но есть и более быстрый процесс проникновения смерти в организм: при онкологии в поражённых опухолевых тканях идёт синтез теломеразы — фермента, который наращивает размеры раковых клеток, благодаря чему они могут делиться бесконечное количество раз, не теряя в размерах. Так опухолевые клетки (агенты альтернативной формы жизни) постоянно увеличивают объём

своей массы, которая постепенно убивает живые ткани и приводит к смерти организма.

В отличие от умерщвления, процесс оживления можно наблюдать только в диапаузе — периоде замедления жизненных процессов и метаболизма у растений и животных: *гибернации* в зимние заморозки и *эстивации* в летнюю засуху. Но это, скорее, глубокий сон, хотя и очень похожий на смерть, только без разложения трупа. После этого сна наступал *анабиоз* (ἀνα-βίωσις) — повторение жизни или воскрешение, как это называли эллины.

В этой связи интересно, что в микроструктурах отдельных органов жизнь сохраняется автономно, что демонстрируют микроорганизмы кишечника, которые сохраняют жизнедеятельность без доступа к кислороду даже после массового разложения мягких тканей, используя органические вещества трупа. Этот жизненный процесс в кишечнике может продолжаться несколько лет, но он не приводит к оживлению, вопреки утверждению русского биолога Ильи Ильича Мечникова (1845–1916) о решающем значении кишечной флоры для жизнедеятельности организма. Выходит, бифидобактерии, защищающие человека от болезнетворных микробов, живут сами по себе, несколько не заботясь о хозяине своего «дома», и его смерть для них ничего не меняет, вопреки теории врождённого иммунитета. Таким образом, вывод Мечникова верен

только для живых организмов и оказался опровергнут для мёртвых.

Медицинскую реанимацию при клинической смерти тоже нельзя в полной мере назвать оживлением, потому что тело не окончательно мертво по целому ряду физиологических признаков. В результате, нам остаются только символические примеры, когда происходит духовное оживление в поминальных обрядах. Именно символическое оживление содержится в поэтических и религиозных метафорах, согласующихся с концептами *духа жизни* и *духа смерти* философской антропологии.

Одной из ипостасей *духа жизни* является *жизненный дух*, придающий энергию жизни, он легко распознаётся в телесных манифестациях и выражается в визуальном преображении. Его наличие объясняется одухотворением или обретением сил в трудной жизненной ситуации. Проявлением такого состояния является распрямление осанки, выпячивание груди, поднятие подбородка, что расценивается как готовность двигаться (идти, бежать, прыгать, плыть, драться). Иными словами, свидетельствует о вселении некоей силы, существующей автономно, трансфер которой возможен только эзотерически. Эллины определяли такое состояние как самовоспроизводящийся *эгрегор* (ἐγρηγόρος — бодрствующий), которым людей наделяли ангелы, о чём упомянуто в Книге Еноха — одном из наиболее значимых апокрифов Ветхого Завета.

Но всё же чаще наличие *жизненного духа* в Древней Греции объясняли воздействием *демонов* (δαίμων – дух) – сверхъестественных существ, занимавших промежуточное положение между олимпийскими богами и человеком. В представлении эллинов именно демоны управляли поступками людей, создавая призывы к действиям или, наоборот, навлекая апатию, согласно «Даймонии» Сократа в изложении его учеников – Платона в «Диалогах» и Ксенофонта в «Воспоминаниях о Сократе» (Платон 2019, Ксенофонт 1935).

Здесь логично перейти от воодушевления к упомянутой апатии, которая является одной из ипостасей *духа смерти*. К её типичным проявлениям относят вялость, желание присесть или даже прилечь, чтобы в конце концов уснуть. А сон, как известно, представлялся нашим предкам маленькой смертью, что прекрасно иллюстрирует древнегреческий миф о братьях Танатосе (Θάνατος) и Гипносе (Ύπνος) – сыновьях богини ночи Нюкты (Νυκτός) и бога вечного мрака Эреба (Έρεβος). Танатос – бог смерти, а его брат Гипнос – бог сновидений. Их легко перепутать, потому что человек во сне напоминает мертвеца.

Ещё больше схожести с мертвецами возникает при потере сознания. Всё дело в том, что проблемы, приводящие к потере сознания, вызывают те же позотонические реакции тела, что проявляются при летальном исходе.

Современные медики используют эти позы как первичные признаки для определения причин наступления ригидности:

- *декортикационная поза*, или поза «мумии», с сомкнутыми на груди руками и сомкнутыми внутрь ступнями вытянутых ног говорит о проблемах в полушариях головного мозга или в среднем мозге;
- *поза децеребрации* с выкрученными кистями прижатых к телу рук и вытянутыми ногами, сомкнутыми внутрь ступнями, указывает на повреждение в области ствола мозга.

Поэтому лежащего человека, долго не подающего признаки жизни, называют «живой труп» в любом из состояний: *апатии* (ἀπάθεια — бесстрашие), *летаргии* (ληθαργία — долгое бездействие) или *коме* (κῆμα — глубокий сон). Но сам по себе сон никогда не воспринимался угрозой для жизни или каким-то опасным пограничным состоянием, скорее наоборот — его польза всячески превозносилась, а недосыпание считалось причиной многих недугов, благодаря чему возникло ироничное пожелание, которое выдают за древнюю мудрость: в любой непонятной ситуации нужно лечь спать.

В наше время даже возник постуральный предикатив с предписанием оптимальных поз для хорошего сна,

который разрабатывают во множестве лабораторий диагностики и лечения расстройств сна. Сотрудники таких лабораторий называют себя *врачами-сомнологами*, хотя такой профессии нет в списке врачебных специальностей. Сомнологи упорно пишут о том, какие заболевания могут спровоцировать позы во время сна. По их рекомендациям проектируют и производят ортопедические матрасы и подушки.

Но мало кто задается вопросом: почему позы во сне так сильно на нас влияют, а позы бодрствования не берутся в расчет для сравнения? Здесь достаточно вспомнить об изуверстве йогинов, замирающих в одной позе, чем они доводят себя до атрофии конечностей. А ещё лучше — принять во внимание выводы русского физиолога Ивана Михайловича Сеченова (1829–1905) о необходимости чередования нагрузок на рабочие органы: он называл это «активный отдых», который наилучшим образом влияет на самочувствие человека (Сеченов 1895).

Так может и во сне нам достаточно было бы просто крутиться в кровати, чтобы с пользой для тела выпасться? В такой постановке вопроса проблема поз во время сна выглядит уже совсем по-другому, а ещё становится очевидным, что сомнология на поверку оказывается одной из современных псевдонаук, которая находится в том же гомологическом ряду, что и ароматология, ки-незиология, подология и многие другие, появившиеся

в наукообразном дискурсе (полу)просвещённого общества, слепо верящего в науку.

Но вернёмся к тому, что спящие, согласно повериям, были во власти *духа смерти*, хотя и не являлись его воплощением. В разных культурах возникло множество образов *духа смерти*: Азраил в иудаизме и исламе, Морс в Древнем Риме, Нергал в шумеро-аккадской мифологии, Осирис в Древнем Египте, Танатос в Древней Греции, Эрлик в тенгрианстве, Яма в буддизме и другие. А сейчас в глобальной культуре осталось всего два универсальных образа, восходящих к архетипу Мрачного жнеца (Grim Reaper): скелет и старуха — оба в чёрных балахонах с косой. Их предтечей была аллегорическая фигура Мрачного жнеца, возникшая во время эпидемии чумы XIV века, когда трупы быстро *чернели* (чёрный балахон), а смерть буквально *выкашивала* (коса) людей.

Итак, тело в равной степени является вместилищем *духа жизни* и *духа смерти*, о чем Тайлор говорил следующее:

«Древние дикари-философы, вероятно, прежде всего сделали само собой напрашивавшееся заключение, что у каждого человека есть жизнь и есть призрак. То и другое, видимо, находится в тесной связи с телом: жизнь даёт ему возможность чувствовать, мыслить и действовать, а призрак составляет его образ, или второе «я». И то и другое, таким образом, отделимо от тела: жизнь

может уйти из него и оставить его бесчувственным или мёртвым, а призрак показывается людям вдали от него» (Тайлор 2021: 266).

Исходя из этого можно заключить, что тело есть не только *raison d'être*, но и натуральная первичная одежда жизни и смерти. Формы и размеры этой «одежды» меняются, как с годами, так и после смерти — с усыханием или разложением трупа. При жизни меняется объем (мышечный рельеф, размер талии и груди) и изменяются внешние признаки (волосной покров, загар, надрезы кожи, татуировки). Здесь надо отметить, что всё это кодифицируется общественными устоями.

Также тело визуально меняет одежда. Показательной в этом отношении является деятельность модельеров, которые неустанно твердят нам о том, что работают над созданием индивидуальности нашего образа, но на самом деле они занимаются типизацией существующих образов, потому что их работа сводится к созданию типологии внешнего вида разных групп или их ситуативного облачения. На этом же строится ключевая уловка в образовании, когда нам твердят о воспитании уникальной личности, а на самом деле нас усердно типизируют, внедряя в сознание общую матрицу знаний и паттерны поведенческих установок.

На фоне этих явно эзотерических технологий моды и образования вселение в тело кого-то другого уже не выглядит чем-то невозможным. Наши предки, наблюдая резкие изменения в человеке, эмпирически провозглашали, что «в тебя вселился бес». Причём во всех культурах есть некое существо, подобное бесу в славянской мифологии. Чаще всего оно антропоморфно, но содержит черты животного, вызывающего наибольшее раздражение — змеи, ящерицы, козла, обезьяны, собаки.

В Танзании такое существо воздействует только на мужчин, его называют *попобава* («летучая мышь» на суахили) — это половой член в виде карлика с одним глазом во лбу, острыми ушами, крыльями и когтями, который насилует спящих мужчин. Как мне рассказал об этом доктор Мусавенкоси Мдлули, об этом сне нужно рассказывать сразу же после пробуждения под угрозой повторного акта мужеложества² в сновидении.

Словом, повсеместно люди верят, что бес может завладеть чьим-то телом или даже вселиться. Открытость и незащищенность перед вторжением бесов не раз вдохновляла авторов на создание литературных и кинематографических фантазий на эту тему, причём не только о вселении бесов, но и переселении душ, что привело к появлению

---

² Общественное движение ЛГБТ запрещено на территории РФ.

легенды о совместном пользовании телами (bodysharing). Сейчас эта легенда воспринимается парадигмально, легко вписываясь в модный тренд экономики общего пользования (sharing economy). В немалой степени опривычиванию идеи обмена телами способствует донорство органов, индоктринально готовящее нас к неизбежности замены и общего пользования разными частями наших тел в недалёком будущем.

Фольклорным доказательством вселения в тело человека кого-то другого является внезапная смена пищевого рациона, когда человек начинает употреблять в пищу нечто необычное: бумагу, мел, уголь, лизать железо или даже есть испражнения. Это считается признаком того, что бес пожирает тело изнутри, потому что особые ингредиенты нужны ему, а не человеку. Отсюда возникает страх, вызванный вселением беса, который сопряжен с людоедством — пожиранием живого тела изнутри, состоянием болезненного умерщвления. Недаром в христианстве одержимых бесом людей называют «болящими», подвергая экзорцизму — обряду самоотречения, сопровождающемуся «отчиткой» молитв для изгнания бесов. Такие обряды практикуются во всех авраамических религиях, став довольно популярным сюжетом в литературе.

При этом людоедство по-прежнему будоражит сознание современников. Особенно в Нидерландах, где было привычным явлением поедание трупов казнённых. Как это

случилось в 1672 году с правительственными чиновниками — братьями де Витт–Корнелисом (1623–1672) и Яном (1625–1672). Художник Ян де Баен (1633–1702), написавший их прижизненные портреты, изобразил трупы братьев с вырезанными частями тел, которые съела толпа после их казни, в картине «Тела братьев де Витт» (1672). Позднее их казнь в подробностях описал в романе «Черный тюльпан» (1850) Александр Дюма-отец (1802–1870)³.

В наши дни в нидерландских журналистах Денисе Сторме и Валерио Зено проснулись гастрономические предпочтения предков — им захотелось попробовать человечины, и они совершили публичный акт каннибализма. Хирурги им вырезали небольшие кусочки мышечной ткани (одному на животе, а другому на ягодице) и заморозили. Затем в прямом эфире телешоу «Морские свинки» фрагменты их тел приготовил повар. Во время трапезы журналисты в прямом эфире сообщили публике, что их мясо вполне соответствует тому, что мы называем мясным блюдом, так как по вкусу совсем незначительно отличается от свинины, как та же свинина отличается от говядины или баранины (Mensenvlees 2011).

Разумеется, реакция на это событие была предельно поляризованной, потому что в осмыслении каннибализма

---

³ Надругательство над телами умерших, либо их уничтожение, преследуется по закону в РФ.

трудно избежать резонёрства, на котором построена этика глобальной цивилизации современного общества. В том же году, когда был проведён каннибальский эксперимент, французский философ Мишель Маффесоли написал, что

«цивилизацию резонёрства, построенную на управляемой истории и контрактных общественных связях, сменяет культура инстинкта, в которой мы хотим поспорить с предначертанным. Первая основывалась на проекте предсказуемости: проекте жизни, экономики, образования. Вторая делает ставку на случай, риск, авантюру» (Маффесоли 2012).

Культура инстинкта, по Маффесоли, возникает в ответ на безудержное окультуривание страстей и знаменуется возвратом к одичанию (*réensauvagement*), которое отнюдь не ведёт к утрате чувства принадлежности к современному обществу, а лишь обновляет эмоциональные паттерны совместных переживаний.

Сам же каннибализм в этом контексте является способом радикального отторжения «другой жизни» тела после смерти. Таким же отторжением является и кремация. Только кремируют тело безо всякого отвращения. Само наблюдение за уничтожением трупа в своем эссе об отвращении Кристева называет вуайеризмом:

необходимостью наблюдения перверсии — перехода отвратительного в ничто (Кристева 2003: 82).

Возможно поэтому к избавлению от трупов в огне сейчас прибегают повсеместно и жгут всех подряд — не только индуистов, но и буддистов, иудеев, мусульман, христиан и атеистов. Хотя, думаю, всё могло быть совсем по-другому, если бы сжигание производили не в закрытых камерах, а на открытом огне. Дело в том, что запах трупов на костре неотличим от аромата шашлыков на пикнике, что открылось мне в Варанаси (Индия). По этой причине приступы тошноты буквально одолевают туристов, оказавшихся вечером на набережной реки Ганг, где на Маникарника-гхате и Харишчандра-гхате на протяжении веков ежедневно проводят обряды открытой кремации. Такие обряды сопровождаются медитацией и последующим ритуальным каннибализмом *агхори*, которые не питаются больше ничем другим.

Впрочем, запах жареной человеческой плоти компенсаторно сочетается в Варанаси с небывалой популярностью вегетарианских блюд, разнообразие которых в этом городе превосходит все региональные кухни Индии, да и, пожалуй, всего мира. Такие контрасты пищевого поведения жителей Варанаси на фоне запахов человечины являются той самой перверсией, по Кристевой.

В завершение рассуждений о жизни и смерти в теле я приведу ещё одно собственное наблюдение о различиях мужчин и женщин, которое сделано было там же — в Варанаси. Глядя на погребальные костры, я видел, что тела мужчин просто ссыхаются на огне, превращаясь в пепел, в то время как женщины медленно плавятся, стекая на угли искрящимися струйками. Время сгорания тел у мужчин и женщин примерно одинаковое, только после сожжения от мужчин остаются кости грудины, а от женщин — кости таза, как самые крепкие части скелетов, что вполне соответствует анатомическим данным о половых различиях в строении тел: у мужчин есть большая грудная клетка и маленький таз, а у женщин — широкий таз и гораздо меньшая по объёму грудная клетка (Бутовская 2022).

Сюда же уместно добавить наблюдение римского историка Плиния Старшего (23–79 н.э.) в «Естественной истории»:

«Трупы мужчин плавают на спине, а женщин на животе, как будто сама природа бережёт их стыдливость даже после смерти» (Плиний Старший 2009: VII-77).

Хотя женщин, как и мужчин, хоронят всё же лицом вверх. Погребение лицом вниз считается нестандартным и чаще всего девиантным, как это установила шведский антрополог Каролина Арчини. Она провела исследование

600 скелетов из 250 подобных массовых захоронений по всему миру. Лицом вниз были захоронены в Мексике (между 1150 и 850 годами до н.э.) 74 служителя культа. В Швеции XI века викинги так выражали неприязнь к отказавшимся от веры предков первым христианам. Но больше всего обнаружено погребений *женщин*, обвинённых в колдовстве, и монахинь, нарушивших монастырский устав. Кросскультурный анализ Арчини позволил выявить, что такие захоронения указывают на две причины: 1) посмертное унижение или 2) апотропеический обряд от напастей, таких как заразные болезни, «дурной глаз», уродства по наследству или для предотвращения призраков экстравагантных людей (Arcini 2009).

Но иногда лицом вниз хоронили, как это ни странно, из уважения к воле покойника, что выявили сотрудники Института судебной медицины Бернского университета (Швейцария), обследовавшие около сотни таких погребений раннего Средневековья, обнаруженных археологами в Австрии, Германии и Швейцарии. Все эти захоронения находились на почётных местах — в самых центрах кладбищ и внутри храмов. Богатая одежда и драгоценности в руках мертвецов говорят об их почитании. Сопоставление с документами тех лет позволило сделать вывод о том, что такое положение тел было религиозной модой — завещанием тех, кто так погребён в знак смирения перед богом (Alterauge and others 2020).

Здесь же уместно сказать, что покойного мусульманина кладут в могиле на *правый бок*, головой в сторону Каабы. А вот в погребениях медного века в Мантуе (Италия) скелеты лежат на *левом боку* с прижатыми к груди коленями, а их головы повёрнуты на северо-запад. Так что, покойниками крутят как хотят, руководствуясь самыми разными верованиями и убеждениями, но если эти останки попадают в руки археологов, то их продолжают крутить даже после захоронения.

Мёртвое тело

Трупы служат прекрасным материалом для разного рода исследований. Разумеется, нет смысла ждать от кадавров того, что они сами расскажут нам о себе, хотя останки людей иногда и вправду способны поведать нам о жизни не хуже живых — и на этом держится вся биологическая антропология.

В использовании человеческих тел и их отдельных частей сложилось две парадигмы — обезличенного и мемориального восприятия. При этом в обезличенном восприятии останков американский религиовед Джозеф Кэмпбелл (1904–1987) выделяет внутреннюю (медицинскую) и инструментальную ценность мёртвого тела (Кэмпбелл 1998).

Примером обезличенного использования частей тела служат парики, лишённые указаний о бывших владельцах шевелюр. Сервис скупки волос у населения гарантирует обезличенное использование париков. Во всяком случае, вы вряд ли услышите от кого-то о том, что он носит парик из волос конкретного человека. А вот хранение

локонов, напротив, индивидуализировано и пронизано ностальгией. Трепетное отношение к этим прядям волос породило множество практических советов по хранению и уходу за ними. Из этой же серии советы по хранению детских молочных зубов.

Другим примером обезличенного использования (или внутреннего, по Кэмпбеллу) является демонстрация заспиртованных частей тел в познавательных целях. Поэтому надписи на колбах с персональными данными трупов в анатомических экспозициях кажутся нам избыточными. Такие образцы конкретных человеческих тел всё равно не пробуждают в нас горестных переживаний, вызванных мучительными воспоминаниями об их утрате, а служат образцами обезличенной анатомической пропедевтики для изучения тканей и органов человека.

Но есть и другой подход, когда человеческие останки становятся частью исторической и культурной памяти. Причём иногда без согласия на это самих покойников. Я был сильно удивлён, увидев экспозицию Музея Галилея во Флоренции, где демонстрируют в стеклянной колбе средний палец правой руки итальянского астронома Галилео Галилея (1564–1642). Удивительным образом эта инсталляция соответствует его фразе «И всё-таки она вертится!» (*еppur si muove*). Особенно в свете того, что Галилей прошёл через два суда инквизиции с вынужденным раскаянием, но остался верен своим убеждениям.

Получается, что он был настолько крут (используя современную лексику), что даже после смерти его средний палец остаётся поднятым вверх, поскольку сейчас этот жест воспринимается нами как выражение активного несогласия, и Галилей продолжает нас мотивировать к непокорности и бескомпромиссному заявлению личного мнения. Именно так считывается эта инсталляция, в описании которой сказано, что она создана для «прославления Галилея как героя и мученика науки»⁴.

Конечно, прославление через фрагментацию трупа⁵ сейчас выглядит довольно странно, но с этим уже ничего не поделаешь. Её устроили профессор медицины Университета Пизы Антонио Кокки (1695–1758) со священником и антикваром Франческо Гори (1691–1757). Они извлекли из трупа учёного большой и указательный пальцы, а также коренной зуб и пятый поясничный позвонок по заказу маркиза Винченцо Каппони (1691–1753), в семье которого хранились эти реликвии вплоть до начала XX века. А самую эксгумацию провели спустя 95 лет после смерти Галилея, когда в Ватикане изменилось отношение к его учению о гелиоцентрической системе. Тогда же тело Галилея было торжественно перезахоронено в базилике

---

⁴ Museo Galileo — Istituto e Museo di Storia della Scienza. URL: <https://www.museogalileo.it/>

⁵ Надругательство над телами умерших, либо их уничтожение, преследуется по закону в РФ.

Санта-Кроче в соответствии с его завещанием, а также завещанием его ученика — математика Винченцо Вивiani (1622–1703), оставившего на эту церемонию в будущем немалые личные средства.

А вообще, среди знатных людей в эпоху Возрождения посмертное расчленение было довольно модным⁶. Правда, в основном это касалось завещаний хоронить свои сердца в местах душевной привязанности. Так, в соответствии с завещанием, сердце польского композитора Фредерика Шопена (1810–1849) замуровано в Костёле Святого Креста в Варшаве, а сам он похоронен на кладбище Пер-Лашез в Париже. Сердце основателя олимпизма Пьера Кубертена (1863–1937) также захоронено отдельно — в специальном монументе возле руин древней Олимпии, а его могила находится на кладбище Буа-де-Во в Лозанне.

В наши дни на 63 сессии Генеральной ассамблеи Всемирной организации здравоохранения в 2010 году были приняты «Руководящие принципы по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов», в которых провозглашается, что

«клетки, ткани и органы могут быть изъяты из тел умерших в случае, если: (а) получено согласие в форме,

---

⁶ Надругательство над телами умерших, либо их уничтожение, преследуется по закону в РФ.

требуемой законом, и (b) нет оснований полагать, что умершее лицо возражало против такого изъятия».

Этот документ призван прекратить широко бытовавшую практику изъятия фрагментов тел умерших при захоронениях, а также торговли святыми мощами⁷. Пессимизм в отношении мощей возник не сразу, а при массовом вскрытии могил в целях реставрации, когда и обнаружили многочисленные смеси костных останков разных людей и даже животных. Совокупная масса таких мощей во многих случаях превосходила по весу и противоречила анатомии тех, кому их приписывали. Так, после вскрытия получалось, что люди из склепов обладали каким-то невероятным количеством ребер, рук, ног, пальцев, носов, зубов, ногтей и волос, а некоторые — ещё и хвостов⁸.

Но отбросив жульничество, хотелось бы обратить внимание на то, что подвергнутые демонстрации мощи святых всегда строго персонифицированы. Вот только цель такой демонстрации заключается не в побуждении к коллективным страданиям, а в пробуждении *катарсиса* (κάθαρσις), который надлежит испытать при чтении молитв с целью постижения духовных подвигов преставившихся.

---

⁷ Надругательство над телами умерших, либо их уничтожение, преследуется по закону в РФ.

⁸ Оскорбление чувств верующих преследуется по закону в РФ.

Главным объектом поклонения мощам в христианстве является Храм Гроба Господня в Иерусалиме, где по преданию был распят и погребён Иисус Христос. В исламе есть Мечеть волос Пророка в Кандагаре (Афганистан), в которой хранятся волосы пророка Мухаммеда. А ещё в Палате священных реликвий дворца Топкапы в Стамбуле (Турция) среди реликвий пророка Мухаммеда есть волосы из его бороды и футляр с фрагментом зуба, сломанного во время битвы при Ухде. Буддисты хранят после кремации Будды Шакьямуни остатки его костей и фрагменты одежды в ступах Индии, Китая, Мьянмы, Непала, Таиланда и даже возвели Храм Зуба Будды в городе Канди (Шри-Ланка).

Кроме того, буддистские монахи разработали пищевую технологию индивидуального изготовления мощей из собственного тела. Они практикуют прижизненную мумификацию с помощью особых диет, обеспечивающих постепенное обезжиривание и дегидратацию организма⁹.

Первым, согласно легенде, такой способ ухода из жизни осуществил японский монах буддийской школы сингон Кукай (774–835), остановив жизненные процессы за 21 день во время *дхьяна* (внутреннего созерцания) для того, чтобы войти в глубокое *самадхи* — открытие высшей

---

⁹ Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства преследуется по закону в РФ.

истины в ходе бесконечной медитации в ожидании будды Майтрея. Его тело находится в мавзолее под посмертным именем Кобо Даси, а рядом могилы ещё 200 тысяч монахов, образующих кладбище Окуно-ин в префектуре Вакаяма в Японии. Многие из этих монахов, как и другие буддисты по всему миру, пытались достичь такого же результата самомумификации, но получалось далеко не у всех, хотя каждый удачный случай «обретённого бессмертия» завершался торжественным внесением новой святыни в храм для вечного хранения мумии человека, достигшего Пробуждения.

Одним из самых известных среди буддистов, ушедших из мирской жизни таким образом, стал пандито Хамбо-лама XII Даши-Доржо Итигэлов (1852–1927), которого достали из склепа через 75 лет после входа в самадхи, согласно его завещанию. Убедившись в нетленности, его тело разместили в Благословенном дворце Хамбо-ламы Итигэлова, специально возведенном в Иволгинском дацане — центре Буддийской традиционной Сангхи России. В результате, по словам XXIV Пандито Хамбо-ламы Дамбы Аюшеева, сложилась уникальная ситуация двуламия сразу с двумя Пандито Хамбо-ламами во главе сангхи. Я благодарен им обоим за то, что однажды они мне позволили получить траверсивный опыт буддистской медитации в их присутствии.

В христианстве нетленные тела верующих тоже служат одним из доказательств истинной веры, но всё же святость достигается негастрономическим путём. Прославление в лике святых происходит после установления факта духовного подвига, описание которого должно соответствовать сюжетным канонам церковной агиографии, а нетленное тело при этом принимают только в качестве дополнительного аргумента.

Из всех частей тела чаще всего используют черепа. Первый случай такого использования черепа обнаружен в пещере Гофа, которая находится в ущелье Чеддар в графстве Сомерсет (Великобритания). Останки мадленской культуры позднего палеолита (17 000–12 000) подвергли тафономическому анализу и установили, что черепные коробки были намеренно очищены и преобразованы в чаши, что свидетельствует о ритуальных практиках, а не о пищевом каннибализме (Bello, Crété, Galway-Witham, Parfitt 2021).

Геродот в «Истории» подробно описывает как скифы делали колчаны для стрел из кожи врагов, а из черепов – ритуальные чаши, украшенные золотом, в которых было принято подавать угощение гостям (Геродот 1972: 203). Головы поверженных врагов также собирали аланы, гунны, сарматы и другие варвары. Результатом этих обычаев, продолжавшихся до XVII века, стали чаши из голов многих правителей: бухарского хана Мухаммеда

Шейбани, византийского императора Никифора I, латинского императора Балдуина I, камерунского короля Нге Нкена, князя Жерве де Базоша, князя киевского и новгородского Святослава Игоревича, короля гепидов Кунимунда, японского военачальника Адзай Нагамасы и других.

Но из всех правителей, подвергшихся отсечению головы, стоит особо отметить того, кто был ещё и выдающимся учёным — астронома и математика, правителя Мавераннахра Мирзо Улугбека (1394–1449), внука основателя империи Тимуридов — Тимура Тамерлана (1336–1405). Его казнь подтвердилась в ходе исследований захоронения тимуридов в мавзолее Гур-Эмир в Самарканде. Антрополог Михаил Михайлович Герасимов (1907–1970) установил, что удар был нанесён в области

«третьего шейного позвонка с отчётливо видимой поверхностью среза острым клинком. Следы удара этого клинка видны и на углах нижней челюсти, глубоко надрубленных и обломанных на значительном протяжении» (Герасимов 1949: 163).

После исследования черепа Герасимов восстановил облик лица Улугбека и его легендарного деда Тимура. Эта реконструкция головы Улугбека стала мистическим спутником моих прогулок, когда я жил в Самарканде. Тогда я работал проректором по науке в Международном

университете «Шёлковый путь» и часто прогуливался по Университетскому бульвару как раз до мавзолея Гур-Эмир и обратно. Этот бульвар отделяет от туземного города Русский Самарканд, где расположены три христианские церкви — православный Собор Святителя Алексия Московского, католическая церковь святого Иоанна Крестителя и армянская церковь Святой Богородицы. Поэтому у меня возникал образ *кефалофоров* (*κεφαλοφόρος*) — христианских мучеников, «носящих головы» в своих руках (видимо, с мыслями о праведном). Предтечей этих образов был миф об Усекновении главы Иоанна Предтечи (6 до н.э.–30 н.э.).

Однажды моим попутчиком был глава представительства ЮНЕСКО в Узбекистане, греческий дипломат Александрос Макаригакис, которому я поведал об этих мистических видениях. После чего мы с ним вспомнили мыслителя и первого епископа Афин Дионисия Ареопагита (I в.н.э.), который после обезглавливания в Лютеции Галлийской (ныне Париже), унёс в руках свою голову прочь из города в предместье, названное Сен-Дени в его честь.

Тот же сюжет мы вспомнили с французским дипломатом Максимом Жеренже, но уже о первом епископе Парижа (III в.н.э.), которого парижане тоже называют Сен-Дени (Saint Denis) и считают, что именно в его честь назван департамент французской столицы. Согласно легенде, обезглавленный на Монмартре епископ Дени прошёл

шесть километров на север, держа свою голову под мышкой, и упал только после того, как отдал её благочестивой женщине. Там его и похоронили, воздвигнув на месте погребения сначала церковь, а позднее базилику и аббатство Сен-Дени.

Променады с дипломатами обычно оканчивались «малыми Дионисиями» с вином из Багизагана — предместья Самарканда, где всерьёз считают, что производят его со времен Греко-Бактрии, а стандартов современной энологии достигли благодаря французам, установившим современное оборудование винодельни уже в наши дни. Про оборудование сказать ничего не могу, но только домашнее вино греков, грузин и болгар гораздо больше того узбекского напоминает об эллинском виноделии.

Возвращаясь к теме с мёртвыми головами, прежде всего стоит сказать об аборигенах Австралии маори, у которых вплоть до конца XIX века существовала традиция сохранения и почитания голов достойных людей, которых они называли *мокомокаи*. Этой чести удостаивались только избранные — те, у кого при жизни на лице были нанесены особые татуировки, означавшие высокий социальный статус. После отсечения головы из неё удаляли мозг и глаза, затем её вываривали и коптили на открытом огне. После высушивания на солнце головы становились семейными реликвиями, которые доставали только во время важных церемоний (Palmer, Tano 2007). Английские переселенцы

активно занимались скупкой таких голов в качестве сувениров. Сейчас, в соответствии с идеями постколониализма, у австралийцев возникли требования возврата этих ностальгических для семей аборигенов артефактов.

А настоящая охота за головами развернулась в Америке. Индейцы Северной Америки традиционно снимали скальпы с врагов, но после оккупации континента европейцами их самих подвергли той же процедуре. Новые власти назначали большие награды переселенцам за скальпы убитых индейцев¹⁰.

В Южной Америке — к востоку от Анд, в тропических лесах Амазонки, народы группы хиваро, по сей день обитающие на территории Перу и Эквадора, не ограничивались скальпами, а делали после сражений «сморщенные головы» врагов. Хиваро полностью снимали кожу вместе с волосами убитых врагов, затем по нескольку раз её вываривали в травах и наполняли горячим песком для просушивания, в результате чего она уменьшалась в размерах в несколько раз. Затем проводили пластику лица, включая надрезы и подтяжки, подобные тем, какие делают пластические хирурги при косметологических операциях. Готовый продукт называли *тсантса* (tsantsa), его использовали в интерактивных ритуалах отпугивания

---

¹⁰ Надругательство над телами умерших, либо их уничтожение, преследуется по закону в РФ.

врагов. Если по мнению владельца *тсантса* теряла магическую силу, то её просто выбрасывали. Такая практика изготовления «сморщенных голов» размером с кулак прекратилась только в конце XIX века, но западные коллекционеры продолжают охотиться за сохранившимися экземплярами, которые фигурируют во множестве голливудских фильмов.

Иногда черепа хранят с указанием имён тех, кому они принадлежали. Самое большое собрание таких персонифицированных черепов составляет 1200 штук, оно находится в церкви Марии-на-горе (Maria am Berg) в австрийском городе Халльштатт. Начиная с XVII века местные жители повторно используют могилы предков по причине нехватки земли на кладбище. Дело в том, что у них попросту нет места для нового кладбища на узкой территории между скалами и озером. При этом повторное захоронение допускалось в могилах возрастом не менее четверти века. Извлечённые черепа складывали прямо в местной церкви, а сами скелеты оставляли в земле. Сначала черепа только подписывали, но потом на них стали наносить ещё и орнаменты.

Прекращение этой традиции произошло уже в XX веке с появлением кремации, которая оказалась внезапным продолжением ещё более древней традиции этих же мест, зародившейся во времена *культуры полей погребальных урн* (1300–750 до н.э.), когда там практиковали

трупосожжение с захоронением праха в глиняных сосудах. Такие сосуды тоже подписывали, но главное — по форме они напоминали человеческие черепа, которые собирали внутри кургана, где они хранились так же, как в реликварии церкви Марии-на-горе.

А больше всего человеческих черепов, собранных в одном месте, сейчас находится в Катакомбах Парижа — системе подземных туннелей, образовавшихся в каменоломнях X века. Всё началось с того, что туда начали сбрасывать останки с кладбищ, которые ликвидировали при перепланировках города. В результате, к XIX веку там оказались останки 6 миллионов парижан. Общая площадь оссуария (лат. *ossuarium*) составила 11 000 квадратных метров. Сейчас катакомбы переданы Музею истории Парижа Карнавалё¹¹, сотрудники которого оборудовали 2 километра подземных ходов для экскурсий.

В наши дни вход в катакомбы строго регламентирован, хотя раньше среди костей мертвецов устраивали настоящие праздники плоти и чревоугодия — от дружеских попок до роскошных приёмов с изысканными угощениями от императора Наполеона III (1808–1873). Дошло даже до того, что в подземных галереях дворца Трокадеро открыли кафе «Катакомбы».

---

¹¹ Le musée Carnavalet — Histoire de Paris. URL: <https://www.carnavalet.paris.fr/>

Разумеется, не обошлось и без мистики. В окружении людских костей, выкопанных на кладбище Невинных, чернокнижник и эзотерик Николя Фламель (1330–1418) делал записи об алхимии. В 1407 году он воздвиг Аркаду Малой арки на улице Сен-Дени возле того самого кладбища Невинных, через которую предписывалось пройти тем, кто вознамеревался стать алхимиком. Это была особая церемония, подобная одной из тех, что описаны в *гримуаре* (grimoire) — книге заклинаний «Гептамерон», авторство которой приписывают астроному, врачу и философу Пьетро д’Абано (1250–1316). Связь с его книгой прослеживается ещё и в том, что он практиковал магию, но главное — он обладал философским камнем, за что дважды подвергся инквизиции. Вот и в «Книге иероглифических фигур» (Livre des figures hiéroglyphiques) Фламеля тоже содержится *«тайное описание благословенного камня, именуемого философским»*.

Но на этом история о философском камне в Париже внезапно обрывается, и возникает история одного из самых знаменитых философских черепов — Рене Декарта, который сейчас хранится тоже в Музее человека¹². Декарт скончался в Стокгольме и первоначально был похоронен там же, но в 1666 году его останки решили перезахоронить в парижской часовне аббатства Сен-Жермен-де-Пре.

---

¹² Muséum national d’Histoire naturelle. Musée de l’Homme. URL: <https://www.mnhn.fr/fr/musee-de-l-homme>

Руководивший эксгумацией посол Франции Симон Арно маркиз де Помпонн (1618–1699) почему-то решил изъять в личную коллекцию правый указательный палец философа, который «служил орудием писаний великих текстов», как он сам сообщает об этом. С этого и началась фрагментация тела Декарта.

В 1790 году часовню, где были захоронены останки философа, десакрализировали, превратив в фабрику по производству селитры, поэтому прах Декарта решили перенести в Пантеон, но так и не сделали этого. При этом в ходе эксгумации обнаружили, что многие кости скелета иссохли, но главное — не было черепа. А спустя 30 лет — в 1821 году череп Декарта появился на аукционе в Стокгольме. После векового пребывания в частных коллекциях его передали в парижский Музей человека, как сообщает в своем исследовании «Кости Декарта: скелетная история конфликта между верой и разумом» американский историк Расселл Шорто (Shorto 2008).

Впрочем, человеческие черепа появились в музеях Европы задолго до этого. Всё началось с жанра аллегорического натюрморта *ванитас* (лат. *vanitas* — тщеславие, суета) во фламандской живописи XVI–XVII веков. Имя жанру дала картина с черепом в центре композиции под названием «*Vanitas*» (1603) кисти голландского художника Якоба де Гейна II (1565–1629). Название картины апеллирует к тексту Экклезиаста в латинском переводе Библии

(Еккл. 1, 2): «*Vanitas vanitatum et omnia vanitas*» (суета сует, все суета). Это послание, основанное на концепции стоицизма, призывает жить *настоящим* (*carpe diem*), но *помнить о смерти* (*memento mori*).

Такие сюжеты не были редкостью, они встречались на протяжении всей истории искусства, но наибольший расцвет пришёлся на эпоху итальянского барокко, когда в картинах прятали тайный смысл — метафору в духе философско-литературной концепции «кончетто» (*concetto*), причём делали это максимально вычурно в эстетике маньеризма. Черепа в натюрмортах *ванитас* изображали на контрасте с предметами *жизни* (цветами, фруктами, часами, свечами, игральными костями, шахматами) и предметами *смерти* (мясом, рыбой, ножами, зеркалами, книгами, масками).

Надо отметить, что символическое значение черепов возникло не только в христианстве. В буддизме и индуизме из черепов монахов делали чаши *капала*, которые использовали в храмовых церемониях. Наряду с черепами в буддизме и индуизме часто использовались и другие кости человека.

Тибетская флейта *ганлин* делается из бедренной кости с обрезанным малым вертелом. Место обреза оправляется в металлический мундштук. Исполнение музыки на этом инструменте происходит в обряде *чог*

(отсечение) в местах сожжения трупов и символизирует отказ от чувств и ощущений на пути к *бодхи* (пробуждению) — осознанию вечности бытия и подлинной сущности мироздания. Интересно, что флейта звучит в басовом регистре и напоминает приглушенный рёв дикого зверя или, на мой слух, скорее эхо этого рёва в ущелье.

А вот древнейший образец флейты из человеческой кости был обнаружен в палеолитическом комплексе Хотык (Бурятия) и датирован возрастом 28–38 тысяч лет (Лбова 2005: 127).

Музыкальные инструменты из человеческих костей делали и в Мезоамерике. Антрополог Мэтью Тейлор из Университета Огаста (США) изучил найденные в Техасе 29 артефактов из человеческих костей — 27 из рук и ног и 2 из ребер. Все они относятся к доиспанскому периоду. Он распознал в них музыкальные инструменты типа трещёток и соотнёс их с современными инструментами *омичикауацтли* (*omichicahuaztli*), которые до сих пор используют индейцы в Мексике. Наблюдая за современным способом изготовления из костей животных, он указывает, что кость распиливается до медуллярной полости и затем надламывается. По всей поверхности наносятся зигзагообразные узоры. Тейлор отмечает, что такой процесс изготовления очень трудоёмкий, поэтому вряд ли такие инструменты могли быть обиходными,

они явно использовались только в ритуальных целях (Taylor 2025).

Интересно, что тexasские музыкальные «рашпили» сделаны из плечевой кости, а мексиканские аналоги из бедренных костей, что может свидетельствовать о культурном обмене, а также о культурных различиях внутри Ацтекской империи. Бедренные кости людей действительно активно использовались ацтеками в ритуальных целях, их применяли в качестве магических жезлов и музыкальных инструментов. Целая композиция из таких бедренных, а также больших и малых берцовых костей с насечками недавно была обнаружена на острове Ханицио озера Пацкуаро (Мексика). Находка доиспанского периода сделана на берегу, рядом с затонувшей лодкой тепари, на которой перевозили эти предметы в специальном ларце (Radley 2024).

Использование человеческих костей по всей Мезоамерике прекратилось после испанского завоевания. Теперь там совсем по-другому (хотя и не менее экзотично) относятся к человеческим останкам. Раз в год умерших родственников достают из склепов и наряжают на праздник кормления душ всех живых существ *Ханаль Пишан* (Hanal Pixán — на яз. майя «пища» и «душа»). Этот обряд во многом напоминает День мёртвых в Мексике и Хэллоуин в Великобритании.

Но есть и другие примеры. На Сулавеси в Индонезии у народа тораджи есть схожий обряд *Манене* (Ma'Nene), который проводят каждые три года в августе. Из могил достают погребённые останки родственников и наряжают в праздничную одежду, чтобы торжественно их пронести по деревне. А на Мадагаскаре раз в семь лет проводят обряд *Фамадихана* (Famadihana) — переворачивание костей, которое делают посреди недели в период сухого сезона с июня по октябрь, но не ранее чем через год после похорон. Тело покойника достают, оборачивают в новый саван и проносят во двор дома, где он жил, и там, рассаживаясь вокруг него, рассказывают о том, что произошло в его отсутствие, после чего уносят обратно и укладывают в могилу, но уже без пышного похоронного обряда, как в первый раз.

Впрочем, доставание из могил бытовало повсюду, но оно уступило место в большинстве культур постоянному захоронению, синонимичному *вечному покою*. А сам ритуал захоронения как постоянно воспроизводимая практика сложился ещё во времена неолита (6500–6000 гг. до н.э.), что стало известно после обнаружения древнейшего погребения в пещерах возле Берри-о-Бак (Франция).

Древние египтяне, судя по обнаруженным захоронениям в Гизе, принадлежавшим культуре Бадари (около 4150 года до н.э.), до возникновения мумификации тоже хоронили в саркофагах костные останки. Известны также

зороастрийские и согдийские оссуарии в Азии и пещерные могильники со следами ритуального людоедства в Австралии и Африке. Но особо выделяются богато украшенные горным хрусталем оссуарии доколумбовых цивилизаций Мезоамерики.

Впоследствии оссуарии часто становились украшением внутреннего убранства или крипты многих храмов, в том числе христианских: упомянутой *австрийской* церкви Марии-на-горе, *греческой* Гробницы Андреевского скита на Афоне, *египетской* церкви Успения Пресвятой Богородицы монастыря Святой Екатерины на Синае, *итальянской* церкви Санта-Мария-делла-Кончеционе в Риме, *палестинской* лавры Саввы Освященного в Вифлееме, *португальской* Часовни костей в Эворе, *чешской* церкви Костницы в Седлеце и многих других.

Кроме того, кости и черепа стали универсальным графическим символом, получившим название «Мёртвая голова» или «Адамова голова». Сейчас это символ старейшего тайного общества студентов Йельского университета; символ войсковых подразделений в разных армиях мира; символ на знаке опасности поражения током или радиацией или просто запугивания в соцсетях. Этот же символ изображали на пиратских флагах, который усилиями кинематографистов сейчас повсеместно называют «Весёлый Роджер».

А сама композиция из костей и черепа ещё раньше была символом воинов, погибших в походах. Их возвращение в таком виде было почётным, потому что воинов заклинали вернуться «со щитом или на щите». Именно так родственникам подносили их останки. Церемония такой передачи была архетипичной для всего древнего мира — от эллинов и римлян до персов и скифов.

С воинами же связан и самый необычный оссуарий. В 2011 году немецкие археологи обнаружили одну из братских могил воинов, погибших в битве при Лютцене 1632 года. Костные останки, спрессованные глиной, решено было достать одним большим куском из ямы, где они были захоронены. Изначально это сделали в обеспечение максимальной сохранности, чтобы исключить воздействие внешней среды при обычных раскопках.

Но после тафономического анализа их снова упаковали в глину, чтобы превратить в экспонат музея Лютцена — подвешенный стеклянный куб размером 3,5 на 4 метра и весом полторы тонны. Этот куб разместили в 2023 году в специальном ангаре для экспозиции «Лютцен 1632»¹³ возле замка Шлоссштрассе, где расположен музей битвы и кенотаф погибшего в том сражении шведского короля Густава II Адольфа (1594–1632).

---

¹³ Erlebnis Lützen. Schlacht bei Lützen 1632. URL: <https://erlebnis-luetzen.de/museum-luetzen-1632>

Оссуарий «Лютцен 1632» дополняет музей Фридриха Ницше (1844–1900), родившегося в тех же местах — в деревне Реккене под Лютценом. Поэтому кости в стеклянном кубе, как мне показалось, служат мистической иллюстрацией метафор речей Заратустры об *«игре в кости насмерть»* (О самопреодолении) и о том, что *«они охотно желали быть мёртвыми, и мы должны одобрить их волю!»* (О проповедниках смерти) (Ницше 1990). Полагаю, музей может воспользоваться моей идеей в оформлении экспозиции.

Наряду с костями и черепами широко использовалась кожа человека. Разумеется, большей частью в ритуальных целях. Антроподермическая выделка осуществлялась по той же технологии кожевенного дела, которая применялась для свежевания шкур животных. А началось это всё ещё у шумеров. В ассиро-вавилонских словарях есть термины «машку» (*mašku*) и «пару» (*pāru*), которые обозначают (живую) кожу и (мёртвую) шкуру (Minen 2020). Аналогичные словесные пары соматизмов сложились в Древней Греции и Древнем Риме: греческое «*χρῶς*» и латинское «*cutis*» означают кожу на живом теле, которую можно осязать (по Аристотелю), тогда как греческое «*δέρμα*» и латинское «*pellis*» означают омертвевшую кожу. Интересно, что подобное разделение существует во многих языках.

Наиболее ранние сведения об антроподермии найдены в клинописных источниках Месопотамии, где сообщается

об использовании кожи поверженных противников, на которую наносили тексты с описанием обстоятельств победы над ними, а затем вывешивали на городской стене (Alban 2005). Возможно, именно этот опыт привел к возникновению транскультурного феномена антроподермической библиопегии – книжного переплёта из человеческой кожи.

Самый большой обзор книг с антроподермическим переплётом представлен в книге Меган Розенблум «Тёмные архивы. Загадочная история книг, обёрнутых в человеческую кожу» (Розенблум 2022). В процессе работы над книгой она создала проект «Антроподермическая книга», где представлен ход её исследования с описанием 51 книги, из которых 32 книги всё ещё находятся в процессе исследования, 18 книг с доказанным фактом использования человеческой кожи и 14 книг с доказанным ложным позиционированием в таком качестве¹⁴. Как сообщает Розенблум, сложность анализа заключается в том, что существует проблема в различении кожи человека и животного, потому что структуры волосяных фолликул, хотя и разные у людей и животных, но и те и другие разрушаются при таксидермии. Пробы ДНК невозможны из-за множества прикосновений к исследуемому материалу.

---

¹⁴ Anthropodermic Book Project. URL: <https://anthropodermicbooks.org/>

Метод дактилоскопии тоже почти не дает результата из-за естественного стирания узоров кожи.

Так что установить точное количество книг с атроподермическим переплётом пока сложно. Но из тех, что выявлены по сведениям в исторических источниках, известно, что чаще всего человеческая кожа использовалась для печати и переплетов Библии и Декреталов (папских посланий). Есть предположение, что выпущенные в XV веке 45 экземпляров Библии Гутенберга на пергаменте были сделаны именно из человеческой кожи.

Самый массовый тираж книг антроподермической библиопегии был во Франции. В предместье Парижа был даже открыт специальный кожевенный завод в Мёдоне (Meudon), где сдирали кожу с трупов казнённых врагов революции, чтобы делать из неё пергамент для последующей печати тиража «Декларации прав человека и гражданина». Несколько экземпляров того издания Конституции Франции 1793 года хранится в Музее истории Парижа Карнавале. Возможно, именно после этого массового тиража в среде аристократов и буржуа Западной Европы и США стало считаться модным и изысканным дарить книги в обложке из человеческой кожи.

Но задолго до появления книг человеческая кожа активно использовалась в ритуальных целях. Всё дело в том, что кожа служит защитной оболочкой жизни в теле и потому

срезание кожи с живого человека или снятие скальпа считалось реальным доказательством могущества тех, кто эту процедуру совершал. Сдирание кожи бытовало в Европе до XVIII века, согласно Мишелю Фуко, исследовавшему практики экзекуции в работе «Надзирать и наказывать» (1979).

Бытование этой практики также подтверждает картина нидерландского художника Герарда Давида (1460–1523) «Суд Камбиса» (1498), на которой реалистично изображено сдирание кожи с продажного судьи Сисамна, описанное Геродотом (Геродот 1972: 245). Судя по всему, художник явно видел такие казни, которые заканчивались поеданием трупа в Нидерландах, что было описано ранее.

Ещё более впечатляет традиция ношения *науброук* (исл. *nábrók*) — подштанников из кожи мертвеца в Исландии вплоть до XVII века. Народное поверье приписывало этим штанам защитную функцию второй кожи, которая предохраняет от всех напастей. С этим вполне можно согласиться даже без магического смысла этого оберега. Практически все народы Севера имеют поговорку, схожую с русской: держи голову в холоде, а ноги — в тепле.

То, что исландцам тяжело приходилось выживать во влажном холодном климате посреди Атлантики до изобретения ветрозащитных тканей, мне открылось, когда меня пробирал до костей ледяной ветер северо-западного

побережья Исландии. Я как раз направлялся из Акурейри, где был по делам, в Музей исландского колдовства и чёрной магии в деревне Хоульмавик¹⁵, чтобы посмотреть реальный *науброук*.

В музейной экспозиции есть сведения о том, что разрешение использовать кожу должен был дать живой человек, а взять её можно было на следующий день после похорон. Нужно было освежевать труп ниже пояса, не повреждая его верхней части, и после этого захоронить останки в той же могиле. Перед собственной смертью владелец этих штанов должен был найти того, кто унаследует их, что вполне объяснимо высокой ценностью символического обмена в экономике дара традиционного общества: *науброук* был изготовлен в качестве дара и таковым должен был оставаться навсегда — потлач как он есть. Поэтому *науброук* носили с монеткой в кошонке — символом неоплатного долга.

Далее речь пойдёт о том, что есть практики использования не только останков человека, но и производных эпидермиса и экскреторной системы организма. Например, в колдовских обрядах в ход идут ногти, кожа, волосы, кровь, пот, слёзы, слюна и даже испражнения. В культуре вуду такие продукты жизнедеятельности помещают

---

¹⁵ The Museum of Icelandic Sorcery and Witchcraft. URL: <https://galdrasyning.is/>

внутри куклы, символизирующей человека — того самого, которому хотят нанести вред. Они обеспечивают связь с его духом. Колдовской обряд заключается в укалывании иглой куклы в те места тела, где находятся органы человека, на которые наводят порчу.

Аналогичный обряд изготовления магических кукол *тупилак* (*tupilaq*) практикуют шаманы гренландских эскимосов, только для изготовления они используют части трупов детей и останки животных, помещённых в антропоморфную фигуру, изготовленную из моржовой кости, зубов кашалотов, оленьих рогов или дерева, обтянутого кожей. Дух конкретного человека, которому хотят нанести вред, шаманы вселяют при помощи камланий и любой его вещи, которую держат в руках во время ритуального совокупления с тупилаком (Laugrand, Oosten, Trudel 2002).

Как это ни парадоксально, но колдовские обряды, можно сказать, стали предвестниками телемедицины — дистанционного воздействия на организм человека, начинавшегося с наблюдения за хирургической операцией, но развившегося до дистанционного управления роботом, который её и проводит: чистая магия с точки зрения приверженцев культа вуду, а также почитателей порчи или исцеления при помощи заговоров.

Наиболее ранние образцы ритуальных кукол с человеческими останками обнаружены в ранненеолитическом

поселении на территории Айн-Гхасала в Иордании, относящемся к культуре докерамического неолита (8440–6500 лет до н.э.). При раскопках извлечены антропоморфные гипсовые статуэтки, содержащие останки людей и, судя по всему, воспроизводящие основные орнаменты их прижизненных татуировок (Kleiner, Mamiya, Tansey 2006).

Схожая практика, но без использования фрагментов тел, до сих пор бытует среди обско-угорских народов, которые делают посмертные фигурки «иттерма / иттарма» двух типов: отливают из свинца (у них есть голова и конечности) или вырезают из дерева (только голова и туловище). Антропоморфные фигуры одевают в многослойные одежды из ткани, поверх которых меховая или суконная обертка (Сальникова 2021). Эти вместилища душ хранят в домах под сводами крыш в память об умерших: в течение 28 лет о мужчинах и 23 лет о женщинах, а затем сжигают. При переезде, если он происходит раньше этого срока, иттармы оставляют в покинутом доме, который нельзя посещать чужим и нельзя разрушать под угрозой проклятий. Дом должен разрушиться сам вместе с памятью о мертвецах, о чём мне поведали хранительницы обско-угорских традиций — сказительница Мария Кузьминична Волдина и бывшая директриса этнографического музея «Торум Маа» Людмила Александровна Алферова, сейчас уполномоченная по правам коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре.

Антропоморфные фигурки можно считать предвестниками виртуальных кладбищ, состоящих из страниц умерших пользователей социальных сетей. Впрочем, от создания таких кладбищ в киберпространстве пока удерживает только то, что число аккаунтов умерших может превысить число живых всего за несколько лет. Но сторонников виртуальных похорон становится всё больше и больше.

Особенно на фоне цифрового каннибализма с использованием образов и голосов умерших. Парламенты во многих странах мира уже приступили к рассмотрению законопроектов об использовании записей голосов покойников в общественных интересах, причём без согласия родственников. Вероятно, исключение будет сделано только для публичных персон. Вслед за этим начнут использовать визуальные образы умерших людей, наполняя таким образом умозрительное понятие «собирательный образ» новым и вполне конкретным содержанием.

А тела, лишённые признаков жизни, со времён неолита складировуют в массовых захоронениях. Самые старые из известных могильников древности:

- кладбище Гросс Фреденвальде (8500 до н.э.) в Берлине (Германия);
- некрополь Солницата (4300 до н.э.) в Провадии (Болгария);

- могильные курганы Дильмуна (4100 до н.э.) в Манаме (Бахрейн);
- некрополь Керамик (3000 до н.э.) в Афинах (Греция);
- кладбище Сяохэ или некрополь Ордека (2000 до н.э.) в Синцзяне (Китай);
- кладбище на Елеонской горе (1000 до н.э.) в Иерусалиме (Израиль);
- кладбище Уари-Каян (700 до н.э.) в Паракасе (Перу);
- кладбище Удеграм (500 до н.э.) в Свате (Пакистан).

Крупнейшее кладбище в мире Вади ас-Салам (араб. — долина мира) находится в Наджафе (Ирак). Оно уникально тем, что является ещё и старейшим из действующих некрополей, где хоронят уже полторы тысячи лет, поскольку мусульмане хотят упокоиться рядом с первым имамом Али ибн Абу Талибом (599–661 н.э.). В результате, на площади свыше 600 гектаров погребены уже свыше 5 миллионов человек.

Город мёртвых в Каире (Египет), основанный в 642 году, является ровесником Вади ас-Салам, но отличается тем, что в нём не только хоронят, но ещё и живут. Египетская исследовательница урбанистики Галила Эль-Кад

сообщает о множестве гробниц, приспособленных под жилища, в которых проживает едва ли не полмиллиона человек, согласно неофициальной переписи (El Kadi 2007). А меня поразило то, что там много мужских парикмахерских и барбершопов.

Арабское название этого некрополя Аль-Карафа (Al-Qaraḡa, произносится на местном диалекте — аль-'арафа) связывают с именем Бану Карафа (Banu Karafah) — одного из владельцев этого участка земли. Однако священник Коптской православной церкви Александрии Абу Салих аль-Армани (умер в 1208 г.) в «Истории церквей и монастырей Египта» сообщает, что название происходит от греческого слова *графис* (γρaφeυς), означающего «писарь» (writer) или «переписчик» (copyist), который первым начал вести учёт захоронений, став достопримечательностью этого некрополя (Abu Salih 1895: 133).

Сейчас жизнь есть и на других кладбищах, но она всё-таки отличается от жизни на «аль-'арафа» в Каире. Эта жизнь началась после включения в туристические маршруты Арлингтонского кладбища в Вашингтоне, кладбища Пер-Лашез в Париже, кладбища Сан-Микеле в Венеции, Новодевичьего кладбища в Москве, Хайгейтского кладбища в Лондоне, Централфридхофа в Вене и многих других в качестве местных достопримечательностей.

Стоит сказать и о том, что массовые захоронения не статичны, они изменяются вместе с культурно-религиозными представлениями народов, а в наше время ещё и под воздействием санитарных норм и забот об экологии. Поэтому к захоронениям возникает интерес не только в контексте биологической антропологии, но и в ходе исследований культурной памяти, содержащей как исторический постфактум, так и текущие коннотации мёртвых тел. Включая то, что сейчас человеческие останки служат развлечению туристов, причём не только на кладбищах, но и в музеях (мумии, части тел, скелеты).

А вот сакральный фон так называемого духа предков по-прежнему образуется только там, где проводят мероприятия поминальной обрядности. И во всех случаях распоряжение духом и останками предков узурпировано властью, которая выступает самоуполномоченным агентом великих дел прошлого. Таким образом, мёртвое тело легитимизирует подчинённость текущей жизни символической власти прошлого (смерти). Ашиль Мбембе называет это *некрополитикой* (Mbembe 2019), которая будет ещё не раз упомянута в этом эссе.

Эллинское тело

Все живые существа наделены возможностью ощущать своё тело, и это чувство эллины называли *соматикой* (σωματικός). Сейчас понятие соматики широко используют в разных науках:

- в *биологии* соматикой называют клетки тела, отличные от первичных половых клеток, из которых образуются яйцеклетки и сперматозоиды;
- в *медицине* есть соматическая нервная система, состоящая из нервов в коже, органах чувств и мышцах;
- в *психологии* есть соматическая теория или теория эмоций Джеймса-Ланге о рефлекторных физиологических реакциях в нервной системе, приводящих к появлению эмоций;
- в *кинезиологии* соматикой называют движения тела с акцентом на их внутреннее физическое восприятие.

А первыми из всех народов в осмыслении телесных ощущений были эллины, задумавшиеся над возможностями снижения рисков возникновения разных недугов. Разумеется, опыт заботы о теле известен в истории шумеров, вавилонян, древних египтян, ахейцев, эгейцев и других народов, но всё же эллины их всех превзошли в этиологии самого феномена *здорового образа жизни*. Эмпирический прорыв, совершённый в Элладе, до сих пор закреплён в тезаурусе медицины, индустрии красоты, фитнеса и спорта.

Институт врачевания сложился в Древней Греции уже в VI–V веках до н.э. и начался с *ятрионов* (ἱατρεῖον) – приёма больных в домах лекарей, занимавшихся ещё и *фармакеей* (фарμακεία) – изготовлением лекарств или *фармацевтикой*, как мы называем это сейчас. А вот эллинизм «фармакопоя» (фарμακοποιία) – описание лекарств и способов их применения – появился только в 1640 году в названии второго (посмертного) издания книги немецкого врача и ботаника Валериуса Кордуса (1515–1544) «Фармакопоя Августа» (Cordus 1640), а в первом издании 1546 года этот термин был на латыни – *Dispensatorium pharmacorum omnium, quae in usu potissimum sunt* (Диспансер всех наиболее часто используемых лекарств).

А первые описания лекарств и способов лечения были обнаружены на шумерских глиняных табличках 2600 года до н.э., напоминающих апокрифические заговоры

целителей с перечисленными симптомами к применению. Затем появились описания рецептов Древнего Египта в папирусах Эберса и Эдвина Смита, которые датируются 1500 годом до н.э. (Borchardt 2002).

На смену ятрионам пришли Асклепионы (Ἀσκληπιεῖον) — храмы врачевания, предопределившие образ современной медицины с её многопрофильными больницами и поликлиниками (πόλις — «полис», город и κλίνη — «клиника», кровать). Немецкий филолог и историк философии Вернер Йегер (1888–1961) так описывает эмпирический прорыв эллинов во врачевании:

«Если бы до нашего времени не дошло вовсе никаких памятников греческой медицинской литературы, а сохранились бы только книги, в которых (как, например, у Платона) мы могли бы прочесть похвалы греческим врачам и их высокой культуре, то и тогда мы должны были бы признать, что в V–IV вв. до н.э. врачебное сословие пользовалось в обществе высоким авторитетом» (Йегер 1997: 13).

Его оценка лишь подтверждает, что феномен здорового тела сложился в эллинистической перспективе, которую я разделил на две части, чтобы в «эллинском теле» представить воззрения и порядки в полисах,

а в «постэллинистическом теле» — представления других народов, исторически попавших под влияние эллинов.

Рассуждения об идеале физического развития и способах его достижения широко представлены в античной философии. Эллины определяли здоровое тело состоянием, в котором присутствует тонус (по-гречески τόνος — натяжение, а в латинской транскрипции — tonus). Это понятие и сейчас означает нахождение тела в нормальном и не доставляющем беспокойства мышечном напряжении. Исходя из этого возник устойчивый соматизм «мышечный тонус», поэтому выполнение повседневных двигательных навыков (ходьбы, приседаний, потягиваний), связанных с мышечной нагрузкой, получило название «жизненный тонус».

Отсутствие *нормального тонуса* имеет несколько градаций:

- *атония* (ἀτονία) при сильной усталости;
- *парез* (πάρεσις) — постоянное ослабление вследствие скудного рациона питания, расстройств нервной системы или какого-то заболевания;
- *паралич* (παράλυσις) при нарушении обмена веществ, когда возникает синдром отсутствия движений;

— *плегия* (πληγή) — полная потеря движений одной конечности (моноплегия), пары конечностей (параплегия) или одной половины тела (гемиплегия).

А вот *повышенный тонус* имеет не только положительные, но ещё и отрицательные значения:

— от чрезмерного напряжения мышц возникают болезненные *спазмы* (σπασμός);

— наследственные причины, неправильное питание и постоянные *неврозы* (νεῦρον) могут вызвать синдром постоянно повышенного артериального давления — *гипертонию* (ὑπέρ τόνοϛ).

Норма же повышенного жизненного тонуса характеризуется готовностью выполнять физические упражнения, создающие дополнительную нагрузку на организм. Такое состояние в обиходе называют «играть мышцами». В результате возникает рекомендательный парадокс: готовность двигаться достигается тем, чтобы постоянно находиться в движении. А сами двигательные навыки эллины называли гимнастическими. И в этом кроется ещё один парадокс: дело в том, что слова «гимнастика»

у эллинов не существовало — это удалось выяснить в ходе скрупулезного исследования исторических источников¹⁶.

Эллинистическая лексема «гимнастика» появилась гораздо позднее, когда европейцы после средневековья начали вспоминать о гимнастических практиках Древней Греции. При этом в литературном древнегреческом языке за весь период античности и средневековья так и не возникло единого понятия, обозначающего специфику и содержание этой важной части физического воспитания и здорового образа жизни.

Древнегреческие авторы обозначали такую деятельность в полисах при помощи описательных конструкций, в которых фигурировали либо прилагательные «гимнический» (γυμνικός) и «гимнастический» (γυμναστικός), либо различные производные формы существительного «гимнасий» (γυμνάσιον), а также глагола «обнажаться» (γυμνάζω), изначально указывающего на процедуру ритуального обнажения перед божеством.

---

¹⁶ В исследовании этого аспекта мне помог Павел Нестеров — мой соавтор в статье «Олимпизм и культурная преемственность: пересмотр ключевого момента в спорте» (2016), а также автор ряда других научных статей по теме античного олимпизма и учебного пособия «Древние основания современной идеологии спорта» (2024).

В диалогах Платона есть выражения, где прилагательное «гимнастическое» (γυμναστικός) почти субстантивируется в существительное. Например, в синтаксисе сочинения «Протагор» прилагательное «гимнастическое» (γυμναστική) иногда так далеко отстоит от слова «искусство» (τέχνη), что читатель вполне может воспринимать его в качестве самостоятельного понятия «гимнастического», не требующего разъяснений: *«некоторым же служила прикрытием и гимнастика»* (ἐνίοις δέ τινας ἥσθηται καὶ γυμναστικήν) (Laks, Most 2016).

В текстах Платона наметилась определённая тенденция к обособлению и формированию полноценного понятия, которое можно использовать и разрабатывать в теоретических сочинениях о воспитании. Похожий путь проделало прилагательное «мусическое» (μουσικός), которое на определенном этапе стало восприниматься в качестве самостоятельного существительного женского рода — «музыка» (ἡμουσική), соотносимого с понятием «искусство» (τέχνη). Тем не менее, весьма примечательный опыт словоупотребления в сочинениях Платона довольно долго не получал должного признания и распространения.

Авторы эпохи эллинизма продолжали использовать описательные конструкции, а субстантивированное прилагательное «гимнастическое» в качестве существительного так и не употреблялось. Например, в сочинениях

Гиппократы мы встречаем именно описательную конструкцию для обозначения сферы физического воспитания — «*гимнасиями и упражнениями увлечённые*» или «*те, кто о гимнасиях и упражнениях заботится*» (οἱ τῶν γυμνασίων τε καὶ ἀσκησίων ἐπιμελόμενοι) (Hippocrates 1957).

Ради упрощения читательского восприятия подобные древнегреческие описательные конструкции англоязычные переводчики сейчас передают словом «gymnastics». Это и привело к тому, что создалось ложное представление о том, что у эллинов тоже бытовало специальное понятие «гимнастика». А предпосылки такого заблуждения возникли в латинской письменной традиции, когда в описании греческих состязательных празднеств римский комедиограф Тит Макций Плавт (250–184 до н.э.) использовал латинскую транслитерацию «gymnasticus» для греческого прилагательного в комедии-паллиате «Канат» («Rudens» II.i, 295: «pro exercitu gymnastico et palaestrico hoc habemus»), изображавшей в потешном виде особенности греческого образа жизни (Plautus 2012).

Сходным образом поступил и Марк Туллий Цицерон (106–43 до н.э.) в «Тускуланских беседах». Рассуждая о греческих агонах, он применил латинскую транслитерацию «gymnicus» для передачи греческого прилагательного «гимническое» (Lib. II, 62: «qui gymnici nominantur») (Cicero 1927). Плиний Старший (22–79 н.э.) также употребил соответствующую латинскую транслитерацию греческого

прилагательного в «Естественной истории» (Lib. VII, 205: «(instituit)... ludos gymnicos Arcadia Lycaon»), рассказывая об учреждении Ликаоном игр в Аркадии (Pliny 1942).

На приведённых примерах видно, что латинские авторы были вынуждены подыскивать особые языковые средства для описания специфической сферы греческой жизни, но на всём протяжении многих веков у эллинов и римлян так и не нашлось побудительной причины для того, чтобы задуматься о выработке единого собирательного понятия для обозначения всей предметной области «гимнастики». Литературное осмысление ограничивалось лишь тем, что греческие прилагательные «гимнастическое» (γυμναστικός) или «гимническое» (γυμνικός) транслитерировались латинизмами «gymnasticus» и «gymnicus».

Трактат «О гимнастике» Филострата Старшего (170–247 н.э.) тоже нельзя считать первым упоминанием именно термина. Дело в том, что он был обнаружен в виде отрывков текста без оригинального названия, а с таким названием был издан только в XIX веке. При этом в крупнейшей энциклопедии на греческом языке «Суде» (X–XI н.э.) содержится упоминание этого трактата со всем под другим названием: «Гимническое или же о совершающемся в Олимпии» (Γυμναστικόν, ἔστι δὲ περὶ τῶν ἐν Ὀλυμπίᾳ ἐπιτελουμένων). Учитывая, что корень «ἐπιτελοῦμ» семантически связан с устройением агонов, то допустимо перевести и так: «Гимническое или же

об *агонах в Олимпии*». Хотя слово «агон» отсутствует, но есть указание на «свершавшееся» (ἐπιτελουμένων), тесно связанное по смыслу с агонами, поскольку текст посвящён технологии подготовки атлетов к олимпийским агонам (Филострат 2022).

Далее важно отметить, что гимнастические упражнения атлетов и граждан полисов способствовали становлению общественной *гигиены* (ὑγιεινός) по имени покровительницы Гигиен (Ὑγεία) – одной из дочерей бога врачевания Асклепия (Ἀσκληπίος). Его другие дочери тоже тематически связаны с врачеванием: Акесо (Ἄκεσώ) – богиня терапии, Иасо (Ἴασώ) – богиня лечения и Панакея (Πανάκεια) – богиня исцеления, сейчас известная через понятие в латинской транскрипции её имени – *Панацея* (Panacea). Женой Асклепия была Эпиона (Ἐπίωνη) – богиня, избавляющая от боли.

К практикам гигиены эллины относили водолечение и диеты, режим питания и контроль выделений, чередование сна и бодрствования, умывание и посещение бань, водоснабжение и отвод сточных вод, согласно Гиппократу (Гиппократ 1936: 213, 275). Но «из всех видов очищения и укрепления тела наиболее предпочтительны гимнастические», о чём заключает Платон (Платон 2007: 583). Поэтому в центрах гигиены и врачевания *Асклепионах* (Ἀσκληπιεῖον) создавали условия для гимнастических практик.

Первый Асклепион возник в Эпидавре, где по легенде родился сын Аполлона Асклепий, и где существовал со времен Микенской цивилизации (XVI по XI век до н.э.) культ Малеата — покровителя целительства. Главным сооружением Асклепиона в Эпидавре стал жертвенник Фимела (Φυμέλη), который возвел (330 до н.э.) архитектор Поликлет Младший на субструкциях круглого основания диаметром 7 метров ещё более древнего подкурганного храма *толоса* (θόλος), посвящённого Малеату, уже почитавшемуся к тому времени как ипостась Аполлона.

Когда я бродил по руинам Асклепиона, меня не покидало ощущение, что это санаторий с водогрязелечебницей, летним театром и стадионом типичного курортного городка типа Анапы или Ялты, в центре которого была Фимела и храм Асклепия. Рядом с храмом пациенты ожидали исцеления в *абатоне* (ἄβατον), огороженном портиками, где их опаивали отварами из трав и грибов, подвергая мистической инкубации — назидательному сну под покровительством Асклепия (Тассулас 2016).

С другой стороны храма Асклепия располагалась больница — *катагогион* (καταγώγιον) с одинаковыми комнатами для больных и сопровождающих лиц. Именно такая архитектура больниц с маленькими комнатами-палатами стала классической, поэтому их стали называть эллинизмом «клиника» по наличию одного единственного предмета мебели в комнате *катагогиона* — кровати «клинэ» (κλῖναι).

За парадным входом в Асклепион — *пропилеам* (προπύλαιον) сразу начиналась прогулочная колоннада, в конце которой был «термос» (θερμός), более привычный нам в латинской транскрипции «термы» (thermae) — общественные бани. Чуть поодаль были святилища олимпийских богов и диоскуров — сыновей-близнецов Леды от Зевса и спартанского царя Тиндарея. Справа от этих святилищ располагались храмы Артемиды, Афродиты и Гигиены.

Атлетический квартал Асклепия состоял из гимнасия, одеоны, палестры и полномасштабного стадиона, на котором с V века до н.э. проводили *Асклепиевы игры*, согласно описаниям Пиндара и Павсания. Рядом со стадионом была библиотека и амфитеатр. Такое соседство обусловлено тем, что мусические практики литературы и театра, согласно убеждениям эллинов, должны были гармонизировать с атлетизмом, вызывая *катарсис* (κάθαρσις) — духовный подъём, способствовавший оздоровлению. Платон по этому поводу провозглашал, что *«сперва надо приниматься за мусическое искусство, а затем за гимнастическое»* (Платон 2007: 169). Верности такого подхода служит эпиграфика частных историй успешного излечения в Асклепионе на 70 уцелевших стенах.

Несмотря на важность гимнастических упражнений, Гиппократ делал предостережение о том, что физические

нагрузки сопряжены с сезонными перепадами температуры, и давал совет

«тем, которые занимаются гимнастикой, полезно зимой бегать и бороться, а летом — мало бороться и совсем не бегать, но много гулять в прохладе. Те, которые утомляются от бега, должны бороться, а которые утомляются борьбою, тем должно бегать, ибо таким образом какая-либо часть тела, утомлённая от трудов, лучше всего может согреться, укрепиться и отдохнуть» (Гиппократ 1936: 218–219).

Важную роль Гиппократ отводил диетам и режиму питания. Наблюдая экскрементацию атлетов, он заключил, что

«те, которые по окончании гимнастических упражнений получают поносы и при этом выделяют испражнения, похожие на пищу и непереваренные, должны уменьшить свои гимнастические упражнения по меньшей мере на третью часть, а кушанья на половину» (Там же: 219).

Преодоление этой болезненной ситуации он видел в том, чтобы *«пить вино более чистое и в большем количестве, разбавленное водой и как можно больше холодное»* (Там же: 220).

Предупреждение о том, что болезненное состояние является противопоказанием к гимнастическим упражнениям

он приводит и в книге «Об эпидемии» с саркастическим описанием того, как больной «довёл себя до гибели» упорными занятиями, «захотев избавиться от лихорадки» (Там же: 350). В развитие тезиса о негативном воздействии физических нагрузок на организм он приводит пример в книге «О семени». Например том, как нагрузки использовать для избавления от беременности¹⁷. Он вспоминает совет, который дал своей родственнице, *«чтобы она, подскакивая, ударяла ногою о свою ягодицу»*, и далее с удовлетворением сообщает о результате: *«И когда она сделала это семь раз, семя с шумом вылилось на землю»* (Там же: 233).

Последователь Гиппократ — Клавдий Гален сходиллся с предшественником во многом, в том числе, и в оценке важности соблюдения диет, потребления жидкостей и регулярности водных процедур. Хотя в гимнастических упражнениях Гален видел ещё больше рисков, чем Гиппократ. В первую очередь, это было связано с возникающим напряжением, *«а это — единственное обстоятельство, при котором живые существа дышат ртом»*. Он сообщает, что в этом убедился, когда

«видел многих атлетов, побеждённых главным образом вследствие этого обстоятельства и подвергавшихся

---

¹⁷ Пропаганда прерывания беременности преследуется по закону в РФ.

опасности задохнуться, потому что они наглотались пыли через рот» (Гален 2022: 264).

Но больше всего рассуждений о физических упражнениях содержится в упомянутом античном трактате Филострата Старшего с искаженным (как было отмечено ранее) названием «О гимнастике». Этот трактат, можно сказать, стал *первым в истории учебным пособием по гимнастическому искусству*, которое понималось эллинами преимущественно как силовая подготовка атлетов к соревнованиям в беге и единоборствах. При этом интересно, что бег и прыжки они считали *лёгкими* упражнениями, а единоборства *тяжёлыми* (Филострат 2022: 3).

Филострат даёт важное разъяснение о принципах тренировки с двумя наставниками — педотрибом и гимнасиархом. Обе функции сейчас выполняет один человек — тренер, который распознаёт, когда нужно перейти к восстановлению организма после нагрузок, а когда уже следует обращаться к врачу:

«Так чем же следует считать гимнастику? Чем же ещё её полагать, как не мудростью, состоящей из врачебного искусства и искусства педотрибов... Все приёмы борьбы, сколько их ни есть, покажет педотриб, объяснив, когда их применять... Но очищение жидкостей тела, устранение лишнего, размягчение затвердевшего, наращивание чего-либо в теле, изменение или разогрев — это относится

к мудрости гимнастов... Но при переломах, ранениях, помутнении зрения или растяжении связок в какой-либо части тела надлежит обращаться к врачам, ибо гимнастика здесь ничем помочь не может» (Там же: 14).

Филострат явно ратовал за приобщение к гимнастическим упражнениям женщин, апеллируя к гинекологии и фертильности:

«Девушки должны заниматься гимнастикой и что им должно быть позволено прилюдно бегать: очевидно, чтобы иметь здоровых детей, чтобы девушки, благодаря укреплению своего тела, производили лучшее потомство (Там же: 27).

Пристальное внимание Филострата к женским состязаниям возникло в условиях общего упадка агональной культуры того периода. Он сетует на падение интереса к играм, вызванного взаимными подкупками атлетов и подмешиванием слабительных средств противникам ради собственных побед. К тому же, как раз при нём (II в. н.э.) Герайи (Ἡραΐα) или Герейские игры, в которых участвовали только женщины, сместили на зимнее время, мотивируя это тем, что летом проводится слишком много мужских состязаний, гораздо более интересных народу. Он явно хотел поднять интерес к Герайям, изначально проводившимся через месяц после Олимпийских игр, подобно тому, как сейчас проводят паралимпийские игры

для инвалидов. Однако увещевания Филострата Старшего так и не смогли повлиять на проведение женских игр. А спустя столетие наступил общий спад интереса уже к любым агонам.

И здесь самое время сказать о тех плеядах (πλειάδες) олимпийских агонов, которые озаряли античную историю, но постепенно исчезли, хотя их отблеск по-прежнему привлекает людей к занятиям спортом, чтобы блеснуть достижениями уже на современных олимпиадах.

Программа античных олимпийских агонов формировалась на протяжении многих веков, начавшись с бега на один стадий на специальном сооружении «стадион» (στάδιον). Затем были добавлены другие дистанции бега, борьба «пале» (πάλη), кулачный бой «пигмахия» (πυγμαχία), смешанное единоборство «панкратион» (πανκράτιον), единоборство в доспехах пеших воинов «гоплитов» (ὀπλίτης) и конные ристалища, для которых строили «ипподромы» (ἵπποδρόμος).

Здесь надо отметить, что ничего подобного не было ни у одного из других народов в античности. И единственные, кто унаследовал опыт строительства сооружений для состязаний и театральных представлений эллинов, были римляне.

Главными среди всех агонов были те, что проводились возле храма Зевса в Олимпии, именно их называли **Олимпийские игры** (Ὀλυμπιακοὶ Ἀγῶνες), по ним вёлся счёт олимпиад — промежутков времени в четыре, а иногда и в пять лет. Сначала это были чисто мужские мероприятия. Они проводились в месяце *Гекатомбеон* (Ἑκατομβαιών), который соответствует июлю в современном календаре, а его название происходит от главного ежегодного жертвоприношения ста быков *Гекатомба* (Ἑκατόμβη) в честь наступления нового года. Поэтому отсчет Олимпиад вёлся также, как мы сейчас отмечаем високосные года — каждый четвёртый год. Победитель получал *терновый венец* (по другим утверждениям, это был венок из дикой оливы — κότινος), изваяние, стелу в свою честь, деньги и дары.

Спустя месяц после мужских Олимпийских игр, в Аргосе проводились **Герайи** (Ἡραῖα), в которых участвовали только незамужние женщины и поначалу смотреть их могли тоже только женщины. Участницы были одеты в короткие платья *хитоны* (χιτών) с оголённым правым плечом и правой грудью. Девушки выступали с распущенными волосами в единственном виде состязаний — беге на один стадий. Победительниц отмечали *венками из дикой оливы* и устанавливали в их честь статуи в храме Геры, а также стелы с описанием их достижений и вручали им деньги и дары. Спустя какое-то время Герайи стали

проводить не только в Аргосе, но и на островах Самос, Сицилия и Эгина.

Между главными Олимпийскими играми проводился цикл **Панэллинских игр** (Πανελλήνιοι ἀγῶνες). Атлет, побеждавший во всех играх, получал почётный титул *периодоника* (περιοδονίκης).

На **второй** и **четвёртый** год после олимпиады проводили:

1. Истмийские игры (Τὰ Ἰσθμια) в честь Посейдона в Коринфе, в месяце Гекатомбион (июль), их победитель получал *сосновый венок*.

2. Немейские игры (Τὰ Νέμεια) в честь Зевса в Клеонах, на второй год в месяце Скирофорион (июнь)¹⁸ и на четвёртый год в месяце Посейдон (декабрь), их победитель получал *венки из сельдерея и пальмовую ветвь*.

---

¹⁸ Сдвиг Немейских игр на один месяц перед Гекатомбионом объясняется мифологической связью Афины (покровительницы Панафиной) и Посейдона (покровителя Немейских игр), в честь которых проводилось празднование Скирады (Σκίραδα). Знание этого праздника случилось во время шествия Элевсинских мистерий, когда жрица Афины Плиас и жрец Посейдона Эрехтейон устроили совместный отдых на пути из Акрополя в Элевсин под большим белым зонтом (σκιρῶν), спасшим участников от испепеляющего зноя.

На **третий** год после олимпиады проводили:

3. Пифийские игры (Τὰ Πύθια) в честь Аполлона в Дельфах, в месяце Метагейтнийон (август), их победитель получал *лавровый венок*.

4. Панафиней (Παναθήναια) проводили в Афинах в честь богини Афины, в месяце Гекатомбион (июль), их победитель получал *венки из оливы*. Большие Афиней проводились раз в **четыре** года, а Малые Афиней **ежегодно**. Участвовать в них могли свободные жители всей ойкумены.

Олимпийские игры были главными событиями в жизни эллинов, даты их проведения определялись по солнечным часам, предназначенным для наблюдения за движением звёзд. Примером таких часов является Антикитерский механизм (II в. до н.э.), хранящийся в Национальном археологическом музее в Афинах. Он состоит из 30 бронзовых шестерней в прямоугольном деревянном корпусе с циферблатами на передней и задней панелях, позволяющих рассчитывать движения небесных тел и устанавливать даты 42 астрономических событий. Античные астрономы связывали циклы обсервации созвездий с датами олимпийских агонов (перечисленных ранее), разделённых на четыре группы:

«А [альфа] при этом соответствовала Олимпийским, В [бета] – Истмийским и Немейским, Г

[гамма] – Пифийским и Δ [дельта] – снова Немейским и Истмийским: эти были двухгодичными» (Шелов-Коведяев 2024).

Так российский историк античности Ф. В. Шелов-Коведяев описал экземпляр, который хранится в лапидарии Керченского музея, и сопоставил его с фрагментами двух других экземпляров расколотых солнечных часов в запасах музея. А через месяц после посещения лапидария в Керчи я увидел в Национальном музее Афганистана в Кабуле точно такие же солнечные часы, имеющие хорошую сохранность. Исходя из этого, можно утверждать, что по всей ойкумене в момент её максимального географического охвата, ежегодные общественные циклы отмечались олимпийскими агонами, время проведения которых определялось солнечными часами, содержащими подобие Антикитерского механизма, в котором была предусмотрена ещё и корректировка локальных поправок в обсервации созвездий. Сейчас такое значение олимпийских игр, каким оно было в общественной жизни эллинов, как это ни парадоксально, очень легко представить, поскольку они по-прежнему являются главными событиями современного спорта во всех странах, став частью глобальной геополитики.

Гимнастика эллинов тоже пережила средневековье, проникнув в современность, она стала основой *телесной демократии* (по Айхбергу), в которой нашлось место

множеству этнокультурных стилей. Впрочем, мир охватила и сама демократия, превратив его в единую *ойкумену* (οἰκουμένη), живущую по единому календарю древнегреческого астронома Созигена Александрийского (I век до н.э.). И в этом постэллинском мире мы продолжаем использовать методы эллинов в лечении тела, гигиены, гимнастических упражнений и состязательных практик, по-прежнему руководствуясь постулатами античной философии (φιλοσοφία), потому что всё это стало частью *пайдейи* (παιδεία) — всеобщей совокупности знаний, технику (τέχνη) передачи которых мы называем *педагогикой* (παιδαγωγική).

А сама эллинская *пайдейя* стала тождественна мессианской идее христианства — постепенного «исполнения Божьего Промысла». И сегодня, вслед за Йегером, мы признаем, что «путь от Пиндара к Платону, от аристократии крови к аристократии духа и знаний, кажется близким и необходимым» (Йегер 1997: 285). В подтверждение этому достаточно привести пояснение Иоанна Златоуста (347–407 н.э.) к христианскому вероучению, где он упоминает гимнастические практики эллинов (Нестеров 2024: 102), призывая брать пример стойкости и выносливости с олимпийских атлетов:

«Не видишь ли, как в гимнастической борьбе (ἐν τοῖς γυμνικοῖς ἀγῶσιν) много заботятся о себе те, которые выступают на борьбу с людьми, и с какою выдержкой они

упражняют (ἄσκησιν) своё тело? Так должно быть и здесь. Но так как у нас борьба не с людьми, а со злыми духами, то и упражнение (ἄσκησις) наше и воздержание должны быть духовные, потому что и оружия наши, в которые облек нас Христос, суть духовные» (Migne 1863: 76).

Постэллинское тело

Постэллинское развитие телесных практик сложилось в условиях деэллинизации. Несмотря на то, что деэллинизацию принято считать политикой исключительно Римской империи в период поздней античности, аналогичные процессы избавления или точнее — преобразования зависимости от эллинской культуры имели место на всей территории бывшей ойкумены (Кыласов, Нестеров 2016).

Используя синхростадиальный метод, оказалось довольно легко установить, что самобытные на первый взгляд этнокультурные стили архитектуры, скульптуры, врачевания и гимнастики в Персии, Индии и Китае возникли под явным и последовательным воздействием эллинизации. Хотя происхождение этих стилей носило ярко выраженный характер деэллинизации и было проявлением *телесной демократии* (по Айхбергу), породившей самобытные системы этнокультурной телесности. Телос (τέλος) происхождения таких систем можно назвать самореферентным, согласно теории Лумана, отмечавшего, что в таких случаях

«они способны настраивать свои собственные операции на свою собственную тождественность, на основании различия, с помощью которого можно отличить свою идентичность от иной» (Луман 1991).

Несмотря на то, что эти системы представляют собой предельно схожие культурно-религиозные концепты, пока это только гипотеза моей интерпретации. Хотя, как утверждает Ваттимо,

«если “факты” оказываются не чем иным, как интерпретациями, то и сама интерпретация, с другой стороны, представляется фактом» (Ваттимо 2008).

Исходя из этого, у меня только крепнет убеждение, что яркий костёр цивилизации вспыхнул лишь однажды — в восточном Средиземноморье. Искры этого костра послужили маяком, освещающим путь выхода из тьмы варварства и пещерной дикости многим народам, не только ойкумены и её *периферии* (περιφέρεια), но и всей окружающей *эримы* (ἔρμηα).

Однако знания и полезные практики эллинов оказались далеко не везде и не сразу востребованы — поначалу их веками отвергали народы Африки и Северной Евразии. Диффузия с местными устоями произошла сразу только в восточной части ойкумены, где в результате многовековой культурной конвергенции сформировались очаги

цивилизационного разнообразия, сохранившегося до наших дней. Её результаты наиболее хорошо видны в Персии, Индии и Китае, где практики врачевания, гигиены, гимнастики и скульптуры эллинов проникли в чуждую им культуру, но остались в ней, став своими, после культурной кодификации. Там возникли самобытные этнокультурные стили на основе эллинистических практик.

А вот на большей части периферии ойкумены такого не происходило до той поры, пока не начался реверсивный процесс проникновения восточных стилизованных практик в Европу и Северную Азию по дорогам Великого Шёлкового пути в VII–IX веках.

Относительно южных границ ойкумены достаточно привести свидетельство Геродота о том, что *«эллинские обычаи египтяне избегают заимствовать»*, но исключение сделали только в городе Хеммис в Фиванской области близ Неаполя, где по легенде родился Персей. В его честь там *«по эллинскому образцу»* устраивают *«гимнические состязания всякого рода»* (Геродот 1972: II, 91). Также Геродот указывает, что египтяне пьют вино, которое *«изготавливается из ячменя, потому что в этой стране нет виноградной лозы»*, хотя климат им вполне позволяет заниматься виноделием (Там же: II, 77). Здесь надо заметить, что эллины были убеждены в том, что пить надо только вино, а хлеб только есть, а не делать из него вино, поэтому пиво было у них не в чести.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что египтяне всё же воспринимали гигиенические и гимнастические практики эллинов, но до их полного принятия и, тем более, стилизации дело так и не дошло: они продолжали устраивать дикие состязания из коллективного перетягивания шкур животных или борьбе на фелюгах в центре Нила, где проигравшие падали за борт, оказываясь в пасти крокодилов. Единственным состязанием, роднившим египтян с эллинами, была масляная борьба. А в исламский период вообще все агональные практики были преданы забвению в Египте, как и во всей Северной Африке.

В северо-восточной части ойкумены — в Боспорском царстве на берегах Чёрного и Азовского морей никаких собственных гимнастических комплексов у меотийских и скифо-сарматских народов не было, а потому и стилизовать было нечего, поэтому там произошли массовые заимствования эллинских гимнастических и агональных практик. Важной особенностью боспорских агонов было первое в истории международное участие, как сказали бы сейчас. Об этом свидетельствуют имена в лапидарии Керченского музея древностей и в Агонистическом каталоге из Горгииппии, где встречаются антропонимы варварского происхождения, нехарактерные для греческой ономастики. Из 226 имён каталога порядка 15% составляют варварские — Синд, Скиф, Спарток, а также различные сочетания греческих и варварских имён — «Деметрий, сын

Синда», «Синд, сын Деметрия», «Скиф, сын Федора», что говорит об инклюзивности агонов и глубокой интеграции народов Причерноморья в эллинскую культуру.

Кроме того, коренные народы Боспорского царства настолько ревностно относились к сохранению своего жизненного уклада, что вынуждали правителей и аристократов эллинского происхождения изменять своим обычаям и заводить личные *тамги* (родовые знаки) как у кочевников, которые использовались не только в клеймах животных, но и в чеканке монет, оформлении стен и зеркал, пряжек ремней, наконечников копий и стрел. Множество таких артефактов хранится в музеях Краснодарского края, Крыма, Ростовской области и Украины.

В других частях периферии ойкумены эллинизация осталась малозаметной. Процессы эллинизации там начались намного позднее — уже под воздействием других культур и в условиях колонизации европейских империй, в эпоху Великих географических открытий XV–XVIII веков.

Так начался процесс взаимодействия постэллинов и постварваров, но их противодействия всё равно остались при них:

— иногда общества охватывает гармония многообразия и толерантности, и тогда все озабочены комфортом,

благополучием, повышением качества и продолжительности жизни;

— а иногда общество охватывает истерия единства и нетерпимости, когда все озабочены запретами, преследованиями, разгромом противников и некрополитикой.

Персия

Первыми эллинизации подверглись персы — это произошло ещё при Ахеменидах (705–330 до н.э.), когда для строительства своих городов они приглашали эллинов, обучавших их зодчеству и скульптуре. Кир Великий (590–530 до н.э.) поручил эллинским зодчим возведение Пасаргады (Πασαργάδαι), затем Дарий I (550–486 до н.э.) поручил им строительство Персеполя (Περσέπολις) и перестройку эламской Сузы (Σούσα).

Такое тесное взаимодействие стало возможным благодаря тому, что персы для эллинов не были чужаками, согласно легенде об их общем происхождении от олимпийских богов. Геродот называет родоначальником этого народа Перса — сына Персея и Андромеды. Его сын Ахеменид стал первым царём династии Ахеменидов (Геродот 1972: VII, 61). При этом, по свидетельству Геродота, персы явно отставали от эллинов в культурном развитии. Он сообщает, что «воздвигать статуи, храмы и алтари» у них не было принято, «они обычно приносят жертвы на вершинах

гор», и указывает, что «ассирийцы почитают Милитту, арабы — Алилат, а персы — Митру» (Там же: I, 131).

Индоиранское божество Митра, упомянутое Геродотом, обозначено в Ригведе в качестве постоянного спутника верховного бога Варуны среди семи других космических божеств Адиты. С Митрой же связано происхождение и персидской гимнастики с единоборствами *варзеш-э пахлавани*. И на этом основании многие полагают, что стиль *варзеш-э пахлавани* зародился во времена Ахеменидов (Heidary, Dolatshah 2012). Вот только никаких подтверждений этому нет — сведения о такого рода практиках отсутствуют в письменных источниках того периода, включая главный документ «Денкард» — пересказ IX века нескольких глав не дошедших до нас зороастрийских текстов «Авесты», где упоминаются только борьба и гигиена (Денкард 2024).

Хотя здесь надо отметить, что обращаться к текстам Авесты — откровения, полученного Заратустрой от Ахура Мазды, в качестве исторического источника бессмысленно, она не была книгой в привычном для нас понимании, и не была даже сборником духовных посланий, подобных Торе, Библии и Корану. Тексты Авеста не были предназначены для чтения или дословного воспроизведения, они были инструкциями для жрецов, которые раскрывали их зашифрованный смысл в ритуалах, когда

фразы наполнялись эмоциональным содержанием под завораживающее звучание древнеперсидского языка.

Здесь же хотелось бы опровергнуть миф о приказе Александра Македонского сжечь тексты Авесты: разве мог он одновременно распорядиться об их уничтожении и переписи с последующим переводом на греческий язык? Разумеется, нет. Поэтому логично предположить, что, находясь в тысячеколонном зале Персеполя, охваченного пожаром, он приказал спасти из огня эти священные тексты и переписать с обугленных свитков хотя бы то, что ещё можно прочесть. Думаю, всё было именно так.

А возвращаясь к гимнастическим практикам персов, стоит принять во внимание, что Геродот их вообще не упоминает:

«Главная доблесть персов – мужество... Детей с пяти-до 20-летнего возраста они обучают только трём вещам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости» (Там же: I, 136).

Из этого следует, что стиль *варзеш-э пахлавани* сложился намного позднее – вероятно уже после того, как персы вдохновились системой атлетической подготовки эллинов. В пользу этой версии говорит и замечание Геродота о том, что

«персы больше всех склонны к заимствованию чужеземных обычаев. Они носят ведь даже мидийскую одежду, считая её красивее своей, а на войну надевают египетские доспехи» (Там же: I, 135).

С учётом описанных противоречий, уточнение датировки происхождения гимнастики *варзеш-э пахлавани* требовало обязательного осмотра руин древних зурханэ (домов силы), где персы проводили свои гимнастические занятия в прошлом. Поэтому я предпринял экспедицию в Иран, чтобы обследовать эти древние «фитнес-клубы», которые по архитектуре, внутреннему устройству и убранству напоминают *митреумы* (mithraeum) — храмы культа Митры.

В пользу этой гипотезы говорило и то, что гимнастический комплекс *варзеш-э пахлавани*, как и мистический культ Митры, рассчитан исключительно на мужчин. Я полагал, что смогу найти ответы в сооружениях и эпиграфике зороастрийского культа с триадой Ахура Мазды, Митры и Анахиты, поскольку этот был тоже чисто мужской культ. Он сложился при Артаксерксе II (436–359 до н.э.). Однако следов зурханэ не удалось найти ни в одной из руин построек времён Ахеменидов. А судя по тому, какое значение придают сейчас зурханэ в Иране, в церемониальной столице Персеполе должны были остаться артефакты в пользу этой версии, если бы они там действительно были. Но там ничего нет.

В ходе осмотра европейских митреумов в Риме и на руинах античных городов в Турции периода расцвета митраизма I–IV веков н.э. мне тоже не удалось обнаружить доказательств какой-либо связи зурханэ и с этим мистическим культом.

Поэтому я решил обратить внимание на различия. Дело в том, что митреум представляет собой прямоугольное помещение с куполообразным потолком и прямоугольным углублением в центре, по обе стороны которого находятся скамьи для посетителей (до 80 человек). В этом углублении жрецы проводили обряд подношений к псевдоалтарю *апсиде* (*ἄψιδος*), расположенном напротив входа. В апсиде находится барельеф с каноническим сюжетом — Митра кинжалом убивает быка.

А вот помещение для зурханэ совсем не прямоугольное, а круглое с углублением внутри пола с пятью, шестью или восемью углами, где упражняются от 10 до 20 пахлаванов. Вокруг сидят зрители (до 100 человек). Занятия сопровождаются молитвами и песнопением моршеда, сидящего на возвышении. В отличие от жрецов митраизма, он никогда не спускается в углубление. Так что помещение для зурханэ отличается от митреума буквально всем: компоновкой, периметром скамей, оформлением апсиды, не говоря уже о проводящихся ритуалах.

Из этого следует, что стиль *варзеш-э пахлавани* возник не ранее периода сасанидов (224–661 н.э.), когда сооружения митраизма потеряли сакральный смысл. Возможно, их адаптировали на начальном этапе для создания «домов силы». Только в этом случае обращение к культовым сооружениям митраизма служит ностальгическим напоминанием иранцам об их прошлом, ставшем «золотым временем» в культурной памяти народа, почитавшего индоиранское божество Митры и зороастрийских Ахура Мазду с Митрой.

При этом, сами по себе гимнастические практики *варзеш-э пахлавани* тоже стали явным заимствованием, но уже у эллинов, поскольку ничего подобного у персов в документах предшествовавшего периода Ахеменидов тоже не упоминалось. А сам по себе особый стиль *зурханэ* сложился в рамках политики деэллинизации, способствовавшей тому, чтобы практикам эллинов предавался облик местных обычаев. В результате из палестр, вероятно, бытовавших в городах Ахеменидов, эти практики переместились в митреумы, преобразовавшись в самобытные ритуалы *зурханэ*.

Дальнейшая трансформация *зурханэ* продолжилась уже после принятия ислама персами. Поэт Фирдоуси (940–1020) внёс решающий вклад в становление образа *варзеш-э пахлавани* (хотя и не ставил перед собой такой цели) — его стихи стали неотъемлемой частью ритуалов

зурханэ: пахлаваны начинают выполнять упражнения под строки о Рустаме из его поэмы «Шахнамэ». Песнопения моршед сопровождает игрой на томбаке. После обязательных стихов Фирдоуси, также под музыкальный аккомпанемент, исполняют стихи Саади, Хафиза, Руми и других классиков персидской поэзии.

Перед занятиями *варзеш-э пахлавани* читают молитву *нияешь*, обращённую к первому имаму Али ибн Абу Талибу, которую нараспев произносит *моршед*, восседающий на возвышении *сардам*. Призывом к началу и окончанию упражнений служит звук колокольчика *занг*. Пахлаваны поочерёдно упражняются в прыжках (па задан), кружении (чарх задан), отжиманиях (шена рафтан), а затем по очереди исполняют упражнения с разным инвентарём: деревянным щитом (санг герефтан), деревянной булавой (мил герефтан) и металлической дугой с кольцами (каббаде задан). А заканчивается всё борцовскими поединками (кошти герефтан).

Все эти упражнения в прошлом служили подготовкой древних воинов, оружие которых легко считывается по инвентарю. В наши дни гимнастику *варзеш-э пахлавани* и борьбу *кошти-э пахлавани* развивает для поддержания боевого духа иранцев и валоризации воинских обычаев прошлого Федерация спорта зурхане и кошти пахлавани Ирана, которая предоставила мне возможность провести исследования. Кроме того, в 2004 году создана

Международная федерация спорта зурханэ (IZSF)¹⁹, деятельность которой служит продвижению этого спорта за рубежом и сплочению многочисленных диаспор иранцев в разных странах.

Индия

Древние греки в III веке до н.э. проникли в Индию, где их называли *йонами* от этнонима *ионийцы* (Ἴωνες). С их приходом в Индии сильно изменилось представление о телесности, согласно выводам американского историка искусств Стеллы Крамриш (1896–1993). В своём исследовании «Искусство Индии: традиции индийской скульптурной живописи и архитектуры» она отмечает, что символическая графика с изображением тел в Индии была, но вплоть до III века до н.э. там не встречалось даже объёмных рельефов человеческих тел, не говоря уже о скульптурах (Kramrisch 1954: 28).

В отношении индийского стиля скульптурных изображений, появившегося после III века до н.э., следует отметить, что он стал заимствованием от эллинов и обученных ими персов. Именно персы наделили искусство эллинов причудливой индоиранской самобытностью, которая хорошо видна в барельефах Персеполя VI–III веков до н.э., где

---

¹⁹ International Zurkhaneh Sports and Koshti Pahlavani Federation.
URL: <https://www.izsf.net/>

изображения мужчин и львов, на мой взгляд, архитипически совпадают с индуистскими и буддистскими божествами. Однако у персов не было изображений женщин, в соответствии с религиозным запретом в зороастризме. Так что самобытные женские образы — исключительная заслуга индийских скульпторов. И в этом им очевидно помогли, опять же, эллины.

Таким образом, скульптуры и многие другие артефакты служат доказательством начала эллинизации Индии ещё во времена империи Маурьев (322–187 до н.э.), объединивших под своей властью весь полуостров Индостан. Основатель империи Чандрагупта Маурья (340–297 до н.э.) встречался с Александром Македонским, пытаясь склонить его к совместному походу против империи Нандов на востоке субконтинента. Но этого не случилось по свидетельству Плутарха (46–126 н.э.). Впрочем, Чандрагупта всё же одержал победу над Нандами в 321 году до н.э., а после смерти Александра Македонского и над его сатрапами, завладев половиной земель Бактрии до самого Гиндукуша на севере и на западе — до восточных границ Древней Персии.

В тот же период началось становление буддизма, первые документы которого были на греческом языке, что привело к этническому маркеру в «международном названии» этой религии, получившей первоначальную известность за пределами Индии именно как *греко-буддизм*. Самыми

древними документами буддизма (не устная фантазийная передача, а реальная эпиграфика) стали эдикты императора Ашоки (273–232 до н.э.) — внука императора Чандрагупты. Буддизм в них называется *евсевия* (εὐσέβεια) — благочестие.

Император Ашока положил конец скитаниям секты бродячих монахов-буддистов высочайшим дозволением создавать им общины — сангхи. Хотя это сыграло скорее негативную роль в становлении буддизма, поскольку вызвало появление множества фиктивных общин, существовавших только для жульнических поборов под видом сбора пожертвований. Избавлению от жульничества и борьбе с лжемонахами был посвящён Третий буддийский собор, состоявшийся в 250 году до н.э. в Паталипутре — столице империи Маурьев. Вслед за этим произошло ещё одно знаковое событие — в Санчи была возведена первая в истории буддизма ступа. Её построили тоже по распоряжению императора Ашоки. Эти события принесли ему славу первого покровителя буддизма.

В истории со ступой интересно ещё и то, что на ней вместе с индусами (впервые объёмно) изображены древние греки в характерной одежде. И такое совмещение не было случайным: древние греки, действительно, сыграли большую роль в становлении и распространении буддизма по всей ойкумене. Их усилиями создана одна из самых больших буддистских общин за пределами Индии — в Александрии

Египетской. Климент Александрийский (150–215 н.э.) отмечал большое влияние бактрийских буддистов (шрамана) и индийских гимнософистов на всё ближневосточное общество, отмечая, что *«позже именно здесь возникли наиболее активные центры христианства»* (Linszen 1958).

В этом свидетельстве философа и руководителя Александрийской школы богословия следует особо выделить упоминание *гимнософистов* (γυμνοσοφισταί) — нагих мудрецов, пренебрегавших одеждой, которая мешала (согласно их убеждениям) процессу духовного совершенствования. Вероятно, это были занятия в гимнасиях мусическими искусствами, совмещёнными с атлетическими упражнениями, как в уже упоминавшейся цитате Платона о том, что сначала следует заниматься мусическими искусствами, а уже затем гимнастическими» (Платон 2007: 169). О гимнософистах упоминают также Плутарх, Страбон и Флавий Арриан. Из этого можно заключить, что эллинские гимнософисты играли важную роль в духовной жизни индусов.

Во всяком случае трудов, сопоставимых с учением Камасутры, ранее VI века н.э. у индусов не было. А в изложении Малланаги Ватсьяяны (Ватсьяяна 2000) учение Камасутры сопоставимо, а в чём-то даже превосходит европейские произведения того времени, став прорывом в осмыслении сексуальности. После «Пира» (380 до н.э.) Платона вплоть до III века н.э. европейские мыслители

продолжали предаваться поэтическим метафорам и обиходным назиданиям, из которых можно выделить «Науку о любви» Овидия, «Сатирикон» Петрония Арбитра, «Наставление супругам» Плутарха, «О природе вещей» Лукреция, «Пир мудрецов» Афиней и «Две любви» Лукиана. Тогда как Ватсьяна создал не просто наставления к половой жизни и гигиене человека, но и философские рассуждения о самых разных сторонах интимной жизни и морали индусов (Doniger 2016).

Камасутра оставалась знаковым произведением на протяжении столетий и, по сути, её эпигоном стал другой знаменитый на Востоке эротический трактат тунезийского шейха Мухаммада Нафзави «Благоухающий сад» (1434). Этот арабский текст дополнен лишь сексуальными утехами животных в 10 главе с теми же названиями половых органов, как у людей — вульва и пенис (Нафзави 1993).

Между тем, в Камасутре мужские (линги) и женские (йони) гениталии описаны так, как это было ещё в Пуранах — древнеиндийских религиозных текстах. При этом половые акты в Камасутре создают самобытную эстетику повествования, а разнообразие сюжетного контекста описывает во всем многообразии этнокультурные модальности бытовавшего полового поведения индусов.

Возможно, впервые в античной литературе в Камасутре представлено взаимодействие мужского и женского тел

в качестве практик взаимного удовлетворения. Рационализируя всё, что сопутствует возбуждению, Ватсыяна одним из первых описал агентивность тел в половом акте, выраженную в стремлении одновременно доставлять и получать удовольствие, используя оба тела одновременно — своё и партнера. В результате каждый партнер в половом акте может быть охарактеризован как *agens* (производитель действия) и *patiens* (получатель действия).

Эротические образы Камасутры воплотились в изобразительном искусстве — в скульптурном убранстве храмов Кхаджурахо, Конарака, Амравати, Матхура и других. Впрочем, генитальные культы и обереги существовали во всём античном мире, но в Индии они впервые обрели эстетические черты парадного стиля архитектуры. Рассуждая о сексуальности священного, французский философ Поль Рикёр (1913–2005) писал, что в античности

«воображение не переставало наделять всё вокруг сексуальными символами, заменяя ими те символы, которые оно черпало из великих ритмов вегетативной жизни, которые, в свою очередь, символизировали жизнь, смерть и богов через их не поддающееся определению взаимодействие» (Рикёр 2002: 222).

Текст Камасутры содержит натурфилософские сведения об анатомии, достоинствах и недостатках тел, а также различии мужских и женских тел с уподоблением

самцам и самкам животных (6.1–2). Нормативность текста проявляется в гигиенических предписаниях об уходе за спальным местом (4.6), об уходе за полостью рта (4.16), о ногтях и маникюре в 10 главе, об эстетических повреждениях кожи укусами и надрезами в 11 главе, о позах для отдыха в 13 главе, о потливости женщин (23.12), женском поведении (17–18.32), необходимости посещения врачей (44.6) и возможности сексуальной расплаты (Sic!) с врачом (53.15). Высказывается допустимость группового секса (14.43) и гомосексуальных контактов в 19 главе «об аупариштаке» ²⁰.

Однако на контрасте с эмпирическим описанием значений и смыслов половых актов довольно примитивно в древних текстах выглядит фармакопея Древней Индии, содержащая предписания хозяйке *«обязательно хранить дома снадобья»* (32.28) и *«колдовские средства из корней»* (32.20). Но в то же время есть и вполне разумные предостережения от нелепых рецептов врачей, например, в рекомендациях об употреблении в пищу собак:

«Если даже и сказано во врачебной науке, что собачье мясо вкусно, прибавляет силы и способствует пищеварению, разве станет оно от того съедобным для мудрых?» (19.38).

---

²⁰ Общественное движение ЛГБТ запрещено на территории РФ.

Впрочем, целенаправленно о фармакопее речь идёт уже в другом знаменитом индийском трактате II века н.э. «Чарака-самхите», где перечислены все известные древним индусам снадобья и способы их применения. Этот трактат написал Чарака — придворный лекарь кушанского царя Канишки I, при котором Кушанское царство достигло пика процветания. Чарака сообщает, что он собрал и дополнил тантры мифического врачагателя Агнивеши. Хотя правильнее говорить о том, что Чарака собрал и обработал устные сведения и народные способы излечения, создав первый древнеиндийский курс обучения лекаря с описанием средств гигиены, протекания разных болезней и всех известных автору методов излечения.

Следующий этап систематизации знаний о здоровом теле в Древней Индии начался в конце VIII века н.э. с появлением трактата «Сушрута-самхита» врачагателя Сушруты, после которого окончательно сложилась современная традиция Аюрведы (Wujastyk 1998). Наряду с фармакологией и хирургией (включая пластическую), он разработал систему управления дыханием в ходе выполнения физических упражнений по растяжке мышц шеи, рук, плеч, груди, спины, поясницы, ягодиц, ног и ступней. Эта система оказалась схожей с китайской, но главное — воспроизводила хорошо известные в Индии эллинистические практики гимнастических упражнений в Асклепиях.

А ещё в Аюрведе обнаруживается эллинистическая инфлюэнция в заглавной легенде о первом мифическом авторе этого текста Агнивеше. Он был гуру Дроначарья, которому, в свою очередь, приписывают создание боевых искусств, благодаря чему он стал защитником индусов, как сказано в Махабхарате, что можно считать парафразом легенды о Геракле.

В наши дни в Индии вручают национальную Премию Дроначарья спортивным тренерам. Один из обладателей этой премии (2000) — мой коллега Бхупендер Дхаван, тренер по бодибилдингу и пауэрлифтингу, блогер-миллионник в Youtube²¹. Став лауреатом этой премии, он взял псевдоним Дроначарья и основал собственный бренд «Дроначарья джим» (Dronacharya The Gym), заявив, что больше других имеет прав на это легендарное имя, потому что продолжает дело мифического персонажа — основателя индийских «джимов» глубокой древности.

Боевое искусство, которое создал Дроначарья, получило название *каларипаятту*. Легенда происхождения этого боевого искусства подобна апологетике Геракла, основавшего олимпийские агоны эллинов. Несмотря на то, что происхождение каларипаятту овеяно древними мифами, достоверно установлено, что первое описание этого стиля

---

²¹ Bhupender Dhawan in Youtube. URL: https://www.youtube.com/@ibhupender_dhawan

и появление самого этнонима относится к постэллинистическому периоду в XII веке, когда появились *гурукулы* — школы боевого мастерства (Zarrilli 1998). По сути, преобразованные палестры эллинов.

Сегодня в каларипаятту есть два стиля — *тхеккан* (южный стиль) и *вадаккан* (северный стиль) и четыре уровня мастерства:

- *мейтари* — развитие и укрепление тела, ади тада — освоение навыков блокировки ударов и тады мура — блокировки ударов с захватом и удержанием;
- *колтари* — практика обращения с деревянным оружием, длина которого укорачивается по мере освоения: кет-тукари или вадди (палка 5 футов), мучан (палка 2 фута с разной толщиной концов), отта (изогнутая палка 2 фута), гадай (дубина Ханумана) и марма вади;
- *анкатари* — практика обращения с металлическим оружием в такой последовательности: кадари (изогнутый обоюдоострый кинжал), ваал-кеддаям (обоюдоострый меч), хати (кинжал), уруми (гибкий обоюдоострый меч), черу вади (обоюдоострая пика), шарира вади (обоюдоострое копье);
- *верумкай* — практика самообороны голыми руками, в том числе против оружия.

После колонизации Индии в XVII веке англичане запретили каларипаятту, но интерес к ней вернулся после обретения независимости в 1947 году, хотя подлинное возрождение началось только в XXI веке после учреждения Индийской федерации каларипаятту (IKF)²².

Бактрия

Вслед за Персией и Индией эллинизации подверглась Бактрия. Там всё началось ещё во времена ахеменидов, потому что в Бактрию бежали греки от персидского плена, где основывали греческие торговые поселения *эмпории* или *эмпорионы* (ἐμπόριον). А затем начали возводить храмы. Например, бранхиды из Дидима бежали не столько от плена персов, сколько от гнева правителей после того, как в обмен на свою жизнь выдали сокровища крупнейшего храма Аполлона ахеменидскому шахиншаху Ксерксу I (518–465 до н.э.).

Бранхиды были потомственными жрецами на правах потомков Бранха (Βράχης) — мифического героя, чья легенда связана с Аполлоном. После святотатства в отношении своего храма они всё же остались верны культу Аполлона, продолжив служить в изгнании в построенном ими новом храме в Бактре: таков уж был их семейный

---

²² Indian Kalaripayattu Federation. URL: <https://www.indiankalaripayattufederation.com/>

бизнес, успеху которого на новом месте послужило большое количество переселившихся греков — адептов этого культа. Но служба в изгнании продолжалась недолго — ровно до тех пор, пока Александр Македонский не разрушил их новый — профанный с его точки зрения храм, наказав таким образом за измену (Руф 1993: VII 5, 28–34). Такая кара была обоснована тем, что официальным поводом к его восточному походу была объявлена месть за уничтожение святилищ эллинов.

Несмотря на расправу Александра Македонского, усилия бранхидов в распространении культа Аполлона увенчались успехом, поскольку этот культ продолжал доминировать в Бактрии, где Олимпиады праздновались Дельфийскими играми, включавшими Пифийские агоны в честь победы Аполлона над змеем Пифоном (Πύθων). Подтверждением этому служат многочисленные артефакты атлетов, найденные и демонстрирующиеся в Национальном музее Афганистана. Кроме того, есть бронзовые фрагменты лавровых венков олимпийцев, найденные на раскопках возле Термеза — пограничной крепости Узундара (Узбекистан). Исследование и атрибутирование этих находок ещё продолжается, как и сами раскопки, так что пока это только анонс результатов работы археологов из России и Узбекистана²³.

---

²³ Раскопки ведут Институт археологии РАН, Институт искусствознания РУз и Термезский государственный университет.

В результате восточного похода Александра Македонского в новых территориях ойкумены были построены не только *фрурионы* (φρούριον), но и *полисы*, в которых были Асклепионы — лечебные учреждения эллинов. При этом строительство Асклепионов носило не только практический, но и символический характер *евεργετίας* (εὐεργετία) — показательной благотворительности аристократов в виде строительства культовых сооружений и памятников, преподносившихся как подношения богам. Дело в том, что эти сооружения служили обретению душевной гармонии греко-македонских колонистов. Их мольбам об излечении от ран на чужбине способствовали родные мусические искусства, представления которых можно было увидеть в одеонах гимнасиев этих античных здравниц. Поэтому выбор Дельфийских игр для олимпийских празднеств в Бактрии был идеален — их программа наполовину состояла из мусических искусств, что имело особое значение в поддержании духа воинов вдали от Эллады.

Кульτ Аполлона — бога света, покровителя будущего оказался созвучен идеям греко-буддизма, пришедшего из Индии. Миф Будды основан на том, чтобы стать просветлённым и указать путь к пробуждению, избавлению от страданий, а это почти буквальная ипостась Аполлона. Полагаю, что именно это обстоятельство стало основой принятия буддизма в Греко-Бактрийском (250–125 до н.э.) и Индо-Греческом царствах (180 г. до н.э. — 10 н.э.).

Поэтому в сменившем их Кушанском царстве (105–250 н.э.), территория которого охватывала Бактрию, Согдиану и Северную Индию, религия буддизма стала государственной, ведь наставником царя Канишки I (63–125 н.э.) был буддийский патриарх Асвагхоша, упомянутый ранее.

Связь Бактрии с Индией прослеживалась в том, что её столица Балх и индийский город Матхура (на полпути между Дели и Агрой, где находится мавзолей Тадж-Махал) в I веке н.э. были основными административными центрами Кушанского царства. Несомненно, это способствовало становлению единого культурного пространства. Но важно принять во внимание, что дорог в нашем современном представлении тогда не было, а были только направления, по которым всякий раз заново прокладывались караванные тропы, менявшиеся под влиянием природного воздействия: их засыпало песком во время песчаных бурь, размывало тропическими ливнями и заваливало камнями на горных перевалах. Американский исследователь раннего буддизма Джейсон Нилис называет их «капиллярными сетями» (Capillary Networks), предшествовавшими появлению дорог Шёлкового пути (Neelis 2011).

Продвижение по ним было неспешным, примерно 15 км в день из расчёта 2 мили в час, и не больше 5 часов за один день пути, как утверждает американский историк Дональд Энгельс, детально исследовавший обстоятельства

похода Александра Македонского по этим местам (Engels 1978). А с учётом больших стоянок и долгих пережиданий из-за погодных помех тогда стояли гораздо дольше, чем шли. Но это способствовало установлению тесных контактов и смешению местных обычаев внутри «капиллярных сетей» для становления единой идентичности новообразованного Кушанского царства.

Главной идеей общественного сплочения в Кушанском царстве стал буддизм, что создавало вызовы в соблюдении его чистоты. Поэтому там во время правления Канишки I состоялся Четвёртый буддийский собор в Кашмире (78 н.э.), на котором из Хиняны была выделена изначальная традиция Махаяны, исключённая перед этим в обновленном каноне Тхеравады. В Махаяне заявлено, что путь к спасению зависит не столько от личных усилий, сколько от бодхисатв — существ или духов, приводящих к пробуждённому состоянию.

Этому постулату Махаяны посвящены две ступы того же периода (I в.н.э.) возле Термеза в Узбекистане: ступа Зурмала на дороге в аэропорт (старом караванном пути) к городу и ступа в храмовом комплексе Фаязтепа, в которой обнаружена скульптурная композиция Триада с Буддой-боддхисатвой, сидящим в позе спокойствия под священным деревом бодхи, и наставляющим двух монахов позади него. Эта скульптура сейчас хранится в Государственном музее истории Узбекистана, а её копия

в Термезском археологическом музее. Сам комплекс Фаязтепа состоит из дворца с колоннами, пруда с питьевой водой и хозяйственного двора, над которым возвышается ступа. Но самое познавательное в возведённой при въезде в комплекс копии дворца с реконструкцией фресок, колонн, скульптур и утвари во внутренних помещениях.

На расстоянии одного километра от этого дворца со ступой находится другая часть комплекса Фаязтепа, имеющая **всемирное значение**: первый буддийский монастырь, который основали тогда же (I в.н.э.) уединившиеся в пещерах холма Каратепа монахи-масангхики, несогласные с Тхеревадой. Они обустроили кельи в пещерах из известняка с возведёнными стенами из пахсы и необожжённого кирпича, украшенными фресками и крашеными рельефами из глины и гипса с позолотой.

В этой практике совместного уединения интересно то, что она предвосхитила христианские монастыри (μοναστήριον), появившиеся только в IV–V веках в Египте. И здесь есть важное совпадение: в Египте находилась самая крупная за пределами Индии сангха бактрийских буддистов (шрамана), по свидетельству Климента Александрийского (что было рассмотрено ранее). И там же появились первые христианские *анакореты* (ἀναχωρητής) — отшельники, самым известным из которых стал Антоний Великий (251–357). Так что, в создании христианских монастырей возможно существует вполне

реальная преемственность — от буддистов к христианам. Во всяком случае, известняковые пещеры Каратепа возле Амударьи в Термезе и аналогичные пещеры Писпира (Дайр аль-Маймуна) возле Нила в Гизе почти неразличимы, на мой взгляд.

Китай

Буддизм продвигался не только на Запад, но и на Восток. Ведущую роль в этом играли приверженцы Махаяны из Кушанского царства, главным бодхисатвой которых был Ваджрапани — ипостась Геракла (Homrighausen 2015), ставший не только проводником греко-буддизма в Поднебесную, но и символом китайского стиля гимнастики и боевых искусств. Всё началось с первого подвижника — буддийского монаха индоскифского происхождения Локакшемы, прибывшего из Кушанского царства в 147 году н.э. в Лоян — столицу Восточной империи Хань. Он стал первым переводчиком буддистских сутр Махаяны на китайский язык (Хуэй-цзяо 1991: 107).

При этом утверждения Хуэй-цзяо в «Жизнеописании достойных монахов (Гао сэн чжуань)» о том, что он переводил с санскрита, сомнительны в свете того, что в Кушанском царстве официальным был именно греческий язык, кроме того, греческий алфавит использовался даже для бактрийского языка в этой греко-македонской сатрапии.

К этому же периоду относится строительство первого буддийского монастыря Баймасы в Лояне (Храм Белой Лошади)²⁴. Хуэй-цзяо сообщает, что основателем монастыря был другой буддийский монах парфянского происхождения Ань Шигао, прибывший в Лоян в 148 году н.э.:

«В начале династии Цзинь шрамана Ань Ши-гао спас божество храма Гунтинхумяо, а приобретенные сокровища употребил на возведение монастыря Баймасы в юго-восточных предместьях города Цзинчжоу» (Хуэй-цзяо 1991: 106).

После переводов буддистских сутр Махаяны монахом Локакшема, а также изначальных текстов Хинаяны парфянским монахом Ань Шигао, буддизм перестал быть чужеземным заимствованием в Поднебесной: став своим по звучанию, он оказался доступен даже неграмотным и был признан на государственном уровне как часть триединого синкретического духовного комплекса Сань цзяо (три религии): буддизм, даосизм и конфуцианство.

В китайском буддизме возобладали свод учений Махаяны с покровительством бодхисатвы Ваджрапани — эпигона Геракла. Здесь важно отметить, что именно с Гераклом

---

²⁴ Датировка постройки этой обители в 68 году н.э. согласно некоторым источникам несостоятельна, поскольку связана именно с прибытием Ань Шигао.

связывают зарождение олимпийских игр: он учредил эти игры (Пиндар); сам же стал первым олимпиоником (Павсаний); возвёл храм Зевса в Олимпии (Геродот). Ваджрапани как ипостась Геракла тоже стал покровителем первого китайского гимнасия — монастыря Шаолинь, с которым связано происхождение оздоровительной гимнастики и китайских боевых искусств, подобно Митре в Персии и Дроначарье в Индии.

Легенда о происхождении боевых искусств и гимнастик в Китае гласит, что они связаны именно с бодхисатвой Ваджрапани, знания от которого первым получил в мистическом озарении монах Сэнчоу (480–560 н.э.), как повествует об этом Чжан Чжо (660–741 н.э.) в антологии «Тан» (Shahar 2008: 36). Почитание Ваджрапани в этой обители увековечено колонной в его честь, что вполне соответствует опять же древнегреческой традиции эпиграфики, где в палестрах и гимнасиях устанавливали стелы, повествующие о подвигах Геракла. Колонна в монастыре Шаолинь появилась в середине XII века по распоряжению настоятеля Цзудуаня (1115–1167).

Спустя тысячелетие в легенде о появлении китайского стиля гимнастик сделали уточнение о том, что она связана с даосизмом. Хотя в качестве источника используется одно единственное космологическое утверждение в Дао Дэ Цзин — в 42 чжане о том, что *«все существа носят в себе инь и ян, наполнены ци и образуют гармонию»*

(Лао-цзы 2002: 18). Вероятно, такая ссылка была сделана с единственной целью — связать происхождение китайской гимнастики с даосской алхимией, способствующей оздоровлению *цигун* (Zhang, Rose 2001). При этом окончательно *цигун* оформился только в XX веке, и его основой стали двигательные и дыхательные упражнения, которым предшествует медитация (как и мусические искусства у эллинов), включающая в себя сосредоточение на звуках, образах, понятиях и желаниях.

Китайские гимнастики и боевые искусства стали впоследствии матрицей для всех так называемых восточных единоборств. Разумеется, единоборства в Поднебесной были и до Шаолиня, но они мало отличались от тех стилей, какие можно увидеть по сей день в Центральной Азии — борьба на поясах и борьба до касания третьей точкой. Поэтому первого тренера и автора китайского стиля — монаха Сэнчоу нарекли *лаоши* (老师 — учителем).

Интересно, что и меня однажды называли *лаоши* после того, как мой друг Владислав Редькин привычно окликнул меня «Лёша» в Педагогическом университете Цюйфу²⁵ на родине Конфуция (551–479 до н.э.), куда я приехал с лекцией о современном состоянии традиционных стилей физической активности. Китайские коллеги сочли

---

²⁵ Qufu Normal University. URL: <https://qfnu.edu.cn/>

моё имя созвучным «лаоши» и увидели в этом знаменательное совпадение, потому что такой титул вполне подстать автору теории этноспорта. На следующий день они вручили мне красный шарф с белыми иероглифами «лаоши» в ходе специально устроенной церемонии в одной из трёх конфуцианских святынь Цюйфу — во Дворце Великих свершений (Дачэндянь) храма Конфуция (Сань Кун).

Путь становления китайских единоборств и гимнастик вполне можно сопоставить с культурной кодификацией, имевшей место в других странах. Например, в Российской империи то же самое произошло с итальянским *бельканто* (*bel canto* — красивое пение), из которого возникла *русская опера*, а также с французским сценическим танцем, из которого возник *русский балет*.

Схожая метаморфоза произошла в Поднебесной не только с гимнастикой и единоборствами, но и с трансфером знаний Кушанского царства в области врачевания и общественной гигиены, сформированных в Асклепионах Греко-Бактрии. Поскольку в Древнем Китае ничего подобного не было, там бытовало знахарство на основе шаманизма, мантики и суеверий, связанных с гаданиями и заклинаниями. Обращение к знахарям бытовало вплоть до периода становления даосизма и конфуцианства, и только с проникновением греко-буддизма в I–II веках н.э. появились сведения о домах лекарей, в которых

складывались школы травничества, способов массажа мягких тканей *туйна* и прижиганий банками, что вполне можно считать началом становления китайской традиционной фармакопеи. При этом аналогичные процессы в Элладе происходили пятью веками ранее, о чём сказано в начале предыдущей главы.

В представлениях китайцев достижение гармонии здорового тела основывалось на натурфилософских предписаниях сбалансированного питания и питья целебных отваров, изготовленных по традиционным рецептам. Но в дополнение к этому в Древнем Китае возникла уникальная *чжэнь-цзю терапия* или техника *иглоукалывания*, основателем которой считается врачеватель Хуа То, живший во времена династии Лю (II век н.э.). Поначалу иглы делали из камней кремния и яшмы с продольной канавкой для продвижения энергии «ян». Позже иглы стали делать из костей и бамбука.

Дальнейшее развитие иглоукалывания привело к появлению тончайших металлических инструментов из бронзы, золота, серебра и стали. Эволюция инструментов иглоукалывания привела к выявлению сенсительного воздействия на тело разных материалов, из которых делались иглы. А в самой практике иглоукалывания открылось ещё одно полезное свойство — избавление от боли, что принесло Хуа То славу не только самого искусного лекаря империи Хань, но и мага целителя. Вдобавок ко всему,

он расширил корпус средств медикаментозной анестезии на основе совмещения иглоукалывания с употреблением отваров и смесей, среди которых наибольшую известность получило вино, настоящее на конопле (Jahnke 2002).

Согдиана

Эллинизация Согда (впоследствии Мавераннахра) в части гимнастических практик была не столь явной, как в Персии, Индии и Китае. Единственным ярким примером стали кулачные бои. Известно, что эллины практиковали поединки один на один — *пигмахию* (πύγμαχία). Она продолжала бытовать в аутентичном виде в Греко-Бактрии, куда входил и Согд, даже спустя тысячелетие после прихода Македонского, о чём свидетельствует в своем ностальгическом трактате «Бабур-наме» потомок Тамерлана — Захириддин Бабур (1483–1530).

С гордостью он вспоминает, что его отец Омар-Шейх-мирза (1456–1494) *«обладал сильным кулаком. Ни один йигит не мог не упасть от удара его кулака»* (Бабур 1948: 20). И такое описание вполне вписывается в евразийскую традицию восприятия тела правителя не только как естественного, но и как мистического, наделённого особыми качествами, как это подметил Жорж Вигарелло, рассуждая о теле королей (История тела 2012: I-144).

Бабур сообщает также о том, что *«другой эмир был Мухаммед-Ильчи-Буга, из племени каучин. У ворот Балха и в битве при Хазараспе он дрался на кулачках, на спор, перед Султан-Абу-Саидом-мирзой. Это был храбрый человек»* (Бабур 1948: 49). А упоминание о том, что *«ещё был Сейфи Бухари, учёный... Выпив вина, он вёл себя плохо, был зол и крепко бил кулаком»* (Там же: 265), можно считать реминисценцией взглядов античных философов Сократа, Платона и Аристотеля на эстетику кулачного боя, которую они превозносили в описании мужских достоинств.

Будучи основателем империи Великих Моголов (XVI–XVIII) на территории современных Афганистана, Пакистана, Индии и Бангладеш, Бабур проявлял большой интерес к этнографии, подмечая многие интересные подробности повседневной жизни народов. В его заметках я обнаружил важную деталь в описании сартов — оседлого населения Бактрии и Согда (таджиков, уйгуров и узбеков), имевших большое пристрастие к кулачному бою:

«Жители Маргинана — сарты; это драчливый и беспокойный народ. Умением драться они славятся по всему Мавераннахру. Большинство знаменитых бойцов Самарканда и Бухары — маргинанцы» (Там же: 15).

Однако седентарные традиции эллинов, воспринятые сартами, оказались подвержены токсичному воздействию

номадов — живших вместе с ними кочевых тюрко-монгольских народов, которые повлияли на то, что кулачные бои постепенно превратились в массовые драки с использованием камней, палок и пинков, чего никогда не было в *пигмахии*.

Так в XIX веке полковник Русской императорской армии в Туркестане Афанасий Давыдович Гребёнкин (1840–1888) фиксирует именно такую «одичалую» форму боёв уже как обыденную практику, когда *«в начале дерутся ногами, потом в ход пускаются кулаки, наконец — камни и палки»* (Гребёнкин 1872: 39).

Точно такой же уклад местных правил кулачного боя в начале XX века описал русский этнограф Сергей Павлович Толстов (1907–1976), отметив его бытование уже на всей территории бывшей Бактрии (включая Согдиану): в Балхе (Мазари-Шариф в Афганистане), в Нишапуре (Иран), в Бухаре и Самарканде (Узбекистан), в Ургенче (Туркменистан), в Пенджикенте и Худжанде (Таджикистан) (Толстов 1948: 283–285).

Интересно, что драки устраивали только внутри городов, как отмечает уже в середине XX века этнограф Ольга Александровна Сухарева (1903–1983) (Сухарева 1976: 50), что вполне соответствует традиции агонов в греческих полисах, правда, проводившихся по иным правилам.

К восприятию других гимнастических и агональных практик эллинов население Бактрии и Согда оказалось невосприимчивым, поэтому гимнасии там не прижились. Эллинский стиль борьбы *пале* в обнажённом виде с намазанным маслом телом был тоже отвержен — ему предпочли традиционную борьбу на поясах *кураш*, поэтому сооружения для борьбы *палестры* (*παλαίστρα*) там не строили — борцовские турниры проводились на площадях и у подножия гор, чтобы схватки могли наблюдать как можно больше людей. Соревнования бегунов и конные скачки тоже продолжали устраивать в традиционном стиле кочевников — у подножия гор, обходясь без строительства ипподромов.

Яркий пример — современный стадион для кураша на специально оборудованном месте проведения ежегодного фестиваля «Культурное пространство Байсунского района», внесённого Узбекистаном в Репрезентативный список НКН ЮНЕСКО в 2008 году (Boysun 2008). Стадион представляет собой площадку возле холма, на котором установлены каменные скамьи для зрителей. В номинации этой заявки указано, что там устраивали праздничные сходы для турниров по борьбе кураш, конной игре *куп-кари*, боям баранов и петухов, выступлениям *дарбозов* (канатоходцев), певцов и танцоров.

Так вот, это место мне напоминает одеон, тем более что здесь или где-то рядом он вполне мог быть возведён

в эллинистический период. Поскольку в этом месте горного хребта Байсунтау, названном Стальные ворота, был оживлённый таможенный пункт. А рядом есть пример с таким же образом сложенными ступенями на склоне холма внутри крепости Узундара – эллинском фрурионе, находящемся неподалёку – на горе Сусизтаг того же горного хребта в Байсунском районе.

Здесь же стоит отметить, что кураш не только выстоял под натиском греческой борьбы *пале*, но и стал транскультурным евразийским понятием. Широко распространённое в западноевропейской литературе и разговорной речи европейских народов звучное и эмоционально окрашенное слово «кураж» (courage), по всей видимости, является исконно тюркским. Моя гипотеза основана на том, что слово «кураш» (kurash / кэрэш / көрэш / күрес / күрөш) во всех романских и европейских языках имеет то же значение, что и исходное тюркское – готовность к схватке, борьбе, противостоянию.

Возможно, именно в эллинистический период из Согдианы это понятие проникло в Европу, а окончательное заимствование оформилось уже в Римской империи, когда развилась активная торговля с Востоком и возник интерес к его экзотической культуре. Этимологию европейского слова «кураж» легко связать с впечатлениями раннесредневековых миссионеров из Европы при императоре Юстине II (565–578), когда начались

постоянные торговые отношения со среднеазиатскими тюрками. Наблюдая состязательные практики тюркских народов, европейцы слышали слово «кураш», означавшее готовность к борьбе.

Именно в этом значении оно и проникло в латынь — имперский язык Запада, подобно другим лексемам языков Азии, отражавшим экзотический быт и жизненные реалии Востока. Эта гипотеза позволяет опровергнуть утверждение о латинском происхождении слова «кураж» от гипотетической народной формы *coraticum, которая, к тому же, не находит достоверного подтверждения в массовых источниках письменной европейской традиции.

Однако, несмотря на возникшее взаимовлияние западной и европейской культур, эллинистическое наследие в Согдиане продержалось совсем недолго после того, как в IV–V веках н.э. её покорили тюрко-монгольские племена, и она вошла в состав Кидаритского царства. Затем в IV–VIII веках н.э. наступил период раздробленных Согдийских княжеств, после которого Согдиана уже окончательно исчезла как самобытная территория в эпоху Саманидов (875–999). А с принятием ислама в Согдиане даже автохтонные согдийские, бактрийские и сакские топонимы заменили арабскими и персидскими наименованиями, окончательно стерев геомаркеры исторической памяти прошлых эпох. Виноделие, выращивание оливок

и гимнастические практики тоже были прекращены в результате политики деэллинизации, которую проводили исламские правители.

Однако, в отличие от гимнастики и виноделия, интерес к науке эллинов всё же сохранился. Светила исламской науки в городах Согдианы активно обращались к трудам древних греков, чему способствовали ханаки или ханки (от перс. *khaneh* — дом), где останавливались суфии — странствующие мусульманские мистики. Они оставляли свои книги (китаб) в качестве расплаты за проживание, благодаря чему в таких местах появились библиотеки (китабхана). Это же способствовало появлению медресе — образовательных учреждений, подобных Академии Платона, расположенных возле торговых площадей, подобных Афинской агоре (ἄγορά).

Упоминание о первом медресе содержится в «Истории Бухары» согдийского автора Мухаммада Наршахи (899–959), который описывает пожар 937 года, уничтоживший большую часть города:

*«Огонь носился в воздухе, как облако. Куй-и Бакар, пассажи базара, **маграса Фарджак**, Тим-и Кафшгаран, базар Саррафан и [базар] Баззазан, и всё, что было в Бухаре в той стороне, всё сгорело до берега канала»* (Наршахи 87).

Из его описания видно, что медресе располагалось в торговой части города между базарами, где находился караван-сарай, возведённый вместо сгоревших кварталов караханидским правителем Шамс аль-Мульком (1068–1080). Рядом воздвигли новое медресе, мечеть и минарет, позднее также разрушенные войсками Чингисхана (1162–1227), но ещё раз воссозданные в архитектурном ансамбле Пои-Калян, который можно увидеть и наши дни.

По приглашению Аль-Мулька будущий поэт и философ Омар Хайям (1048–1131) изучал в том медресе труды сирийского астронома Сабита ибн Курры (836–901) и его же переводы трудов Аполлония, Архимеда, Евклида и Птолемея. А с XVI века это медресе стало называться Мири Араб, которое действовало даже в СССР и сохранилось до наших дней.

Американский востоковед Ричард Фрай (1920–2014) в своей книге об истории Бухары пишет:

«Вокруг неё исходит сияние великолепия учёности её врачей и законовевов, её украшают высочайшие достижения образованности и исключительных знаний. В каждом столетии, начиная с древних времён, этот город служил местом, где собирались выдающиеся представители всех религий. Название Бухара приисходит от слова “бухар”, что на языке персидских жрецов-магов означает “сосредоточие учености”» (Фрай 2016: 8).

Среди других учеников медресе в Бухаре выделяется мыслитель Аль-Фараби (870–950). Он стал основателем исламской школы перипатетики после того, как сделал переводы Аристотеля и Платона. Не менее важен его перевод трудов Евклида и Птолемея, после которых он отделил корпус вычислений в астрономии от спекуляций астрологии²⁶.

Другим мудрецом Бухары, внёсшим вклад в развитие астрономии и географии, стал Аль-Бируни (973–1048), пересчитавший радиус Земли с большей точностью, чем его древнегреческий предшественник Эратосфен (276–194 до н.э.). Тот самый, который составил карту всей заселённой людьми территории — *ойкумены* (οἰκουμένη) и окружавшей её и пустыни — *эримы* (ἔρημα). А в части телесности существенный вклад Аль-Бируни заключался в переводе индийской философии — йога-сутры Патанджали с санскрита на арабский язык. В Дар-ул-Хикма (Доме мудрости) в Гургандже он вёл постоянные беседы о гимнастике, медицине и философии с Ибн Синой (980–1037), изучавшим там труды Гиппократ и Галена.

---

²⁶ Здесь надо пояснить, что вплоть до Возрождения развитие теоретических знаний в области астрономии служило «точности» прогнозирования гороскопов. Такой подход поддерживался философской школой стоиков и даже Коперник, Галилей, Кеплер и Лейбниц обыденно практиковали астрологию.

Надо сказать, что Ибн Сина был вынужден принимать на веру многие аксиомы предшественников, поскольку вскрытие трупов было запрещено мусульманам. Поэтому его суждения об анатомии были умозрительными, а представления о костях были взяты из иудейских религиозных текстов Мишны в главе «Псахим». Книжная основа его суждений приводила ко многим искажениям, среди которых представление о том, что половой член состоит из трёх отдельных протоков: для мочи, для смазочных секретов и для спермы. Также, вслед за Аристотелем, и вопреки анатомическим наблюдениям Галена, он приписывает сердцу три желудочка. Такие искажения «логического разума» привели в ярость Парацельса, который сжёг его книгу после прочтения в приступе яростного несогласия. А вскрывавший трупы художник и изобретатель Леонардо да Винчи (1452–1519) публично отвергал его спекулятивную анатомию.

Тем не менее, фундаментальные труды Ибн Сины «Канон врачебной науки» (1025) и «Книга исцеления» (1027) внесли большой вклад в становление медицины, они содержат остающиеся актуальными до сих пор рекомендации и описания лечебных и восстановительных процедур. Однако его советы о пользе гимнастических упражнений оставались невостребованными в Мавераннахре и Персии, поскольку не укладывались в образ жизни кочевых народов, установивших свои порядки в Согдиане. Несмотря на это, он настаивал на их пользе,

и даже свой трактат он начинает с критики обычаев обильных пиршеств кочевников, утверждая, что

«главное в режиме сохранения здоровья есть занятие физическими упражнениями, а затем уже режим пищи и режим сна» (Ибн Сина 1981: 313).

Следуя постулатам древних греков, он провозглашает, что

«к физическим упражнениям относятся и упражнения, производимые во время занятия какой-нибудь работой, и чисто физические упражнения. Здесь имеются в виду именно эти последние, ибо они и являются физическими упражнениями, и ими занимаются только ради получаемой от них пользы» (Там же: 314).

Соотношение мусического и гимнастического Ибн Сина видел даже в заботе о младенцах, подмечая, что лёгкое покачивание младенца под колыбельную матери *«предрасполагает его к физическим упражнениям и музыке»*, а также танцам при взрослении (Ибн Сина 1981: 300). Он отмечает, что детям не следует делать силовые упражнения, а только те, что для выносливости (Там же: 311).

Говоря *«о физических упражнениях для подвинутых в годах»* (пожилых людях), Ибн Сина рекомендует раздельные упражнения для верхней и нижней частей тела, а также для верхних и нижних конечностей, разумно

предотвращая чрезмерную нагрузку на изношенный организм (Там же: 354).

Вслед за эллинами Ибн Сина декларирует необходимость предоставить равные права на занятия гимнастикой мужчинам и женщинам. Женские тела он описывает как *«более влажные»* и потому *«недостаток телесного упражнения делает вещество их мяса более рыхлым»* (Там же: 23).

Он рекомендует умеренные, но постоянные физические упражнения беременным и кормящим женщинам (Там же: 301), считая, что *«рыхлость тел»* создает дискомфорт недостатка тепла, а правильный разогрев могут обеспечить умеренные физические упражнения (Там же: 200).

Он указывает на необходимость снятия мышечного напряжения, понимаемого им как избыток тепла, образовавшегося от физического упражнения, или же возникшего от боли вследствие удара или резкого движения (Там же: 206).

Интересно и то, что за тысячу лет до анализа на обнаружение допинга в моче спортсменов он обратил внимание на отличие состава и цвета мочи тех, кто занимался и тех, кто не занимался физическими упражнениями, отметив, что *«у занимающихся она чище и содержит меньше примесей»* (Там же: 278).

Не обошёл вниманием Ибн Сина и одну из самых актуальных побудительных причин для посещения фитнеса (опять же за тысячу лет до его появления), написав целый параграф «О том, как полному похудеть», в котором указал на необходимость «смазывания маслами» внутри и снаружи в сочетании с физическими нагрузками (Там же: 359).

Спустя столетие появились переводы на латынь работ Ибн Сины, которые оставались хрестоматийными в университетах Европы ещё шесть столетий, за что автор получил посмертное европейское имя Авиценна (Avicenna) в качестве признания вклада в науку.

Малая Азия

На протяжении всего периода существования Восточной Римской империи, а затем Византийской империи, в её культурном ядре, расположенном на полуострове Малая Азия, сохранялись традиции эллинов в гимнастике и врачевании. Но с приходом тюрок эти практики подверглись принудительной стилизации, начавшейся ещё при сельджуках.

Наиболее показательной в этом отношении стала морфология традиционной борьбы эллинов *пале* (πάλη). Этому стилю борьбы обучали в палестрах по всей ойкумене. Популярность *пале* усиливали олимпийские

агоны, благодаря которым сохранилось великое множество артефактов: её изображали на вазах, папирусах, пергаментах, отливали в бронзе и вырезали в камне. Она бытовала по всей акватории Средиземного и Чёрного морей — в Ассирии, Древней Греции, Древнем Египте, Древнем Риме (Кыласов, Нестеров 2016). Замечу — везде, где выращивали оливки, благодаря которым и состоялся этот стиль, что подвигло впоследствии тюрок назвать её «масляной борьбой».

После исламизации территории по обе стороны проливов Босфор и Дарданеллы (где сейчас расположена Турция) османы столкнулись с невозможностью пессимизировать интерес населения к эллинской *пале*. Выход был найден лишь в том, чтобы дезавуировать прошлое заменой этнонима «пале» на масляную борьбу «яглы-гуреш» (yağlı güreş). Сельджуки даже сочинили легенду о её происхождении, связанном с первыми султанами Османской империи. Якобы всё началось со второго по счету османского султана Орхана Гази (1324–1362) и его сына шахзаде Сулеймана Паши, которые вместе придумали и провели первое соревнование с исламскими ритуалами и предписанием борцам надевать кожаные штаны до колен *кыспет* (kispet), чтобы прикрыть срамные места.

Хотя эти штаны, включая сам этноним, тоже были заимствованием, но уже не у эллинов, а у персов, которые начали их использовать на несколько веков раньше

в ритуалах *варзеш-э бастани*, о чём речь шла раньше. Только персы отказались от намазывания тел борцов оливковым маслом, а сами штаны впоследствии стали делать из ткани с вышитыми орнаментами.

Обновлённый турнир тюрки ежегодно проводили на лугу между селами Самона и Сары Хызыр, возле первой столицы (1365–1453) Османской империи Эдирне (Адрианополе). Но как ни старались османы деэллинизировать эти состязания, они по-прежнему воспроизводили олимпийские агоны, поскольку их предваряли торжественные молебны, и на всём протяжении празднеств были выступления музыкантов и танцоров, а также ярмарка с угощениями от султанов. К тому же, в программе были ещё и конные ристалища, переименованные тюрками в «скачки йорюков» (кочевников) (Бахревский 2019). Словом, это был типичный *панаир* (*πανάγυρις*) – греческий праздник, традиции которого сохранялись даже после насильственного насаждения ислама.

В пылу деэллинизации османы перенесли даже время проведения этих состязаний с июля (месяц гекатомбеон – Новый год и празднование Олимпиад) на май и сделали ежегодным празднованием Хедерлэз – начала

лета у тюркских народов²⁷. Но в середине XX века, уже в светской Турции, всё же вернулись к изначальному времени проведения в июле, хотя и продолжили называть эти соревнования тюркским фестивалем Кыркпынар, и с таким же названием внесли его в 2010 году в Репрезентативный список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО (Kırkpınar 2010).

При этом нет никаких исторических подтверждений легенды об османских истоках этого праздника. В эпиграфике и множестве документов упоминаются совсем другие турниры, причём совсем по другим стилям борьбы, исконно бытовавшим у тюркских народов — аба-гуреш, каракуджак и кураш (Бахревский 2019; Кыласов 2019). А самые ранние сведения о Кыркпынаре относятся только к XIX веку — времени происхождения всего того, что сейчас называют «фольклор»²⁸. Тюрколог Евгений Бахревский, исследовав феномен Кыркпынара, пришёл к выводу:

---

²⁷ Праздник начала лета многие народы отмечают в это же время: Белтейн у шотланцев, Вальпургиева ночь в Западной Европе, Майское древо в Центральной и Восточной Европе, Флоралии в Древнем Риме и другие.

²⁸ К этому периоду относятся первые упоминания искажённой традиции кулачного боя эллинов, превратившегося в массовые драки в городах Центральной Азии (Гребенкин 1872) и так называемые древние игры Уншпунненфест в Швейцарии, Хайленд-игры в Шотландии (Келер 2019) и многое другое.

«Интересно, что наиболее ранний доступный историкам документ, говорящий о Кыркпынаре, датируется 1893 г., а второй относится лишь к 1910 г. Не упоминают о Кыркпынаре многочисленные османские хронисты, путешественники, в том числе Эвлия Челеби, подробно писавший о борьбе в Османской державе в XVII в. При этом о многих других османских панаирах²⁹ XVIII–XIX веков имеется немало сведений, в том числе имущественные, вакфовые и административные документы. Нет документов и о панаирах под другими названиями, проводившихся в районе Кыркпынара» (Бахревский 2019).

Отсутствие упоминаний *яглы-гуреш* можно объяснить тем, что на деревенских панаирах его по-прежнему называли *пале*, хотя со временем этот этноним всё же утратил свое значение в тюркоязычной среде и к началу XIX века борьба окончательно превратилась в *яглы-гуреш*. В пользу этой версии говорят церемонии и ритуалы *яглы-гуреш*, воспроизводящие олимпийские турниры *пале*, а не тюркские празднования. Среди тюркских новшеств можно выделить только то, что судей стали называть *ага* (аğa) вместо прежних *элландодиков* (Ἐλλανδοδῖκαι),

---

²⁹ Панаир (πανήγυρις) — греческий праздник. Поскольку Румелию и Анатолию населяли эллины, то даже после насаждения ислама османами они продолжали называть народные праздники по-гречески.

а почитания олимпийских богов заменили исламскими молебнами.

Ещё одним аргументом преемственности *яглы-гуреш* по отношению к эллинской *пале* служат *текке борцов* (*tekye-i küşte-giran*), воспроизводящие эллинские палестры, сохранившиеся в руинизированном виде по всей территории Румелии и Анатолии. В *текке борцов* были явно продолжены традиции гимнасиев и палестр, где обучали мусическим и гимнастическим искусствам — борьбе, гимнастике с булавами, стрельбе из лука и силовым упражнениям. Естественно, как и у эллинов, они стали центрами мужского здоровья и гигиены.

Так что, появление *текке борцов* произошло намного раньше османского завоевания, о чём говорит и преемственность этих традиций от эллинов. А сельджуки их просто приспособили для своих нужд, поскольку уделяли большое внимание боевым искусствам. Даже первый медицинский трактат на тюркском языке, относящийся как раз к периоду правления сельджуков (XIII–XIV), называется вполне созвучно *текке борцов* — «Дар борьбы» (*Tuḥfe-i Mübārizi*). Но главное — в нём содержится обширное повествование о пользе телесных упражнений, в том числе борьбы. Авторство этого трактата приписывается мифическому врачу Берекету, пересказавшему «Канон врачебной науки» Ибн Сины и дополнившему его

описанием способов врачевания и видами целительства сельджуков и других кочевых народов (Bereket 2013).

Рим и Европа

Постэллинские практики телесности в Римской империи обрели черты самобытности благодаря тотальной открытости Вечного города. В играх Древнего Рима возобладала помпезность и вместе с ней неуёмная дикость, привнесённая *варварами* (βάρβαρος). При этом римляне, как и эллины, варварами считали абсолютно все европейские народы, жившие севернее их земель: вандалов, галлов, гетов, готов, гуннов, даки, иллирийцев, кельтов, саамов, свеев, славян и скифов. Но после распада Римской империи все они оказались в одном государстве вместе с римлянами. Позже они всё же снова разъединились, когда из Франкского государства образовались государства Европы.

А в Древнем Риме всё началось с того, что римлян буквально заворожили гимнастические и агональные практики эллинов. Как и язык эллинов, использовавшийся в медицине и науке. Древнеримская мифология тоже включала немало заимствований из древнегреческой. Но не только из неё, а ещё и из многих других религий и культов. Воплощением плюрализма в части широкой палитры верований римлян стал Храм всех богов Пантеон (Πάνθειον) в историческом центре города.

Благодаря воцарившемуся всеверию, римляне круглый год предавались вотивным торжествам в честь целого сонма богов, гениев, духов, ларов, лемуров и манов. Сейчас нам это легко представить, поскольку и мы оказались погружены в вакханалию празднований всевозможных дней того и сего в календарях ООН и ЮНЕСКО, а также дат национальных календарей и местных торжеств. Также, как сейчас оргкомитеты, в Древнем Риме создавались коллегии жрецов, которые занимались проведением шествий, магических обрядов, театральных представлений (*scaenici*) и агонов. Главная особенность всех этих празднований заключалась в том, что они проводились ежегодно, тогда как у эллинов ежегодными были только мистерии (*μυστήρια*) и малые Панафинеи (*Παναθήναια*), а игры Олимпиад и другие агоны, включая большие Панафинеи, проводили с интервалами от двух до пяти лет.

Места проведения празднований тоже отличались от эллинских размерами — римляне стремились к гигантизму. Главный ипподром — Большой цирк (*Circus Maximus*) вмещал 250 тысяч зрителей. Рядом с ним был построен по канонам эллинской архитектуры Стадион Домициана, позже превратившийся с современную Пьяцца Навона. Сейчас от этого стадиона остались только руины Одеона Домициана — одного из сооружений этого ансамбля.

В более поздний период римляне всё чаще отказывались и от проектов классической архитектуры эллинов, отдавая

предпочтение проектам огромных амфитеатров, совмещённых со стадионом, чтобы смотреть в одном месте мусические и агональные представления. Крупнейшим из них стал Амфитеатр Флавиев (Amphitheatrum Flavium), вмещавший 50 тысяч зрителей. Он получил известность как Колизей (Colosseum), но этимология этого названия остаётся неустановленной.

Наиболее значимыми празднованиями стали Римские игры (Ludi Romani), они же Великие игры (Ludi Magni), которые проводились почти тысячу лет с 494 года до н.э. в честь Юпитера в сентябре. Перед их началом устраивались *торжественные помпы* (pompa circensis) в Большом цирке. Впрочем, с помпой открывались и другие игры в честь Юпитера — Капитолийские игры (Ludi Capitolini), проводившиеся на месяц раньше — в сентябре возле Тарпейской скалы (rupes Tarpeia) на юго-западе Капитолийского холма, где находилась цитадель основателя города Ромула.

«Их называли Тарпейскими играми, которые Ромул учредил на Тарпейской горе Юпитера Феретриуса» (Ludi Tarpei dicti sunt, quos Romulus Iovi Feretrio, in monte Tarpeio, instituit), сообщает Тит Ливий (59–17 н.э.) в трактате «История Рима от основания города». Как раз для этих игр император Домициан (51–96 н.э.) построил неподдающемуся ранее упомянутый стадион с одеоном, чтобы там

проводить аутентичные агоны с бегом и кулачным боем, как у эллинов.

В Большом цирке кроме Римских игр в октябре проводили в течение года и другие игры. В начале июля устраивали Аполлинарии (Apollinaries) или Аполлоновы игры (Ludi Apollinares), на которые римляне были обязаны наряжаться, как эллины, и обязательно с лавровыми венками на голове. Перед началом агонов были спектакли. На протяжении всего представления подавали угощения от *спонсоров* (от лат. *spondere* – торжественно обещать) – тех, кто поклялся дать деньги на игры как дар божеству, в честь которого они устраивались. В начале апреля в Большом цирке устраивали конные ристалища, которыми праздновали Мегалесии (Megalesi – от др.-греч. Μεγάλη), проводившиеся в честь греческой богини Кибелы (Κυβέλη) – Великой матери богов, почитавшейся олицетворением матери-природы, а также всех животных и любых диких мест.

В последние дни апреля и первые дни мая в честь романизированной греческой нимфы Хлорис (Χλωρίς) или Хлориды (Cloride), обожеествлявшей цветение, проводили Флоралии (Floralies) или Игры Флоры (Ludi Florales). Эти торжества устраивали не только в Риме, но и в других провинциях. Они длились пять дней и ночей, воплощая неуёмную страсть к продолжению жизни. Люди ходили в цветочных венках и повсюду развешивали цветочные

горшки и гирлянды. Прямо на площадях разыгрывались театральные представления, в которых женщины прилюдно обнажались, а певцы исполняли непристойные песни. Соревнования были неолимпийскими и проводились только среди обнажённых акробатов. А в завершение празднеств устраивали забеги лисиц с подожжёнными хвостами.

Спустя неделю после Флоралий — с 12 по 19 апреля устраивали Цереалии (Cereales) или Игры Цереры (Ludi Cereris) — романизированной олимпийской богини плодородия Деметры (Δημήτηρ). Восемь дней римляне предавались большой жратве из даров, приносимых ими самими в жертву — медовых сот, плодов растений и туш животных. В последний день празднеств все перемещались в Большой цирк на сверхдлинные заезды колесниц.

Надо сказать, что программа римских игр была гораздо шире и разнообразней, чем в эллинских агонах: кроме бега, борьбы, кулачного боя и скачек, в неё было добавлено много дикости. Олимпийские состязания вооружённых воинов *гоплитов* (ὁπλίτης) римляне превратили в смертельные поединки *гладиаторов* (gladiatores) — бойцов, вооружённых *мечами* (gladius). Гладиаторами становились не только рабы, но и свободные граждане, которых в этом качестве называли *ауктораты* (auctorati). От поединков насмерть между людьми римляне перешли к *бестиариям* (bestiarii) — противостоянию

людей с дикими животными, тогда как эллины ограничивались петушинными боями. Число гладиаторов в одном побоище доходило до 60 пар. Устраивались и бои *катервариев* (*catervarii*), сражавшихся группами.

Во всех случаях раненых добивали, а их кровью охотно мазались зрители в качестве премиальной опции, чему способствовали ещё и призывы целителей. Вся Римская империя была охвачена гладиаторскими боями, которые не прекращались и после — уже во Франкском государстве. Поэтому рыцарские турниры вполне можно считать их продолжением в новом дизайне.

Но, пожалуй, самым оригинальным изобретением римлян была *навмахия* (*ναυμαχία*) — морская битва гладиаторов, которую устраивали с настоящими кораблями на обводненных аренах или озёрах, вокруг которых возводили трибуны. Крупнейшая навмахия состоялась в 52 году н.э. на Фуцинском озере в восточной части Рима, в ней было задействовано 19 тысяч рабов на 100 кораблях, включая двенадцать триер. Навмахии продолжали устраивать (но уже без убийств) до XIX века по всей Европе, включая Санкт-Петербург в России.

Игры и празднества Римской империи продолжились и во Франкском государстве, но гимнастические практики эллинов тогда уже полностью исчезли. Интерес к ним вернулся только в Средние века: стимулом послужили

азиатские стили, с которыми европейцев познакомили арабские завоеватели Пиренейского полуострова. А заодно пробудили интерес европейцев к имевшемуся у них опыту инкорпорации наследия эллинов. Это произошло уже в эпоху Возрождения, которую предвосхитил Золотой век ислама или Мусульманский ренессанс VIII–XIII веков, когда Арабский халифат стал крупнейшей квазиимперией мира.

Арабы проявляли колоссальный интерес к античной культуре. Именно в этот период появились многочисленные переводы, а точнее — пересказы античных авторов на арабский язык, ставший универсальным языком науки того времени. Этот корпус переводной литературы немецкий филолог Герман Дильс (1848–1922) в своем труде «*Doxographi Graeci*» (1879) назвал *доксографией*, соединив греческие слова δόξα (мнение) и γράφή (запись). Его работа была посвящена искусству пересказа в работах самих античных авторов, начиная с пересказа речей Сократа в трудах Платона и Ксенофонта, а также трактата «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» Диогена Лаэртского (II–III н.э.). Доксография получила широкое распространение в трудах арабских и персидских учёных:

— Аль-Фергани (798–861) пересказал труды по астрономии Птолемея, а также труды Архимеда по геометрии,

после которых пришёл к мнению о том, что земля имеет форму шара;

— Аль-Фараби (870–950) пересказал труды по философии Платона и Аристотеля, а также Птолемея по астрономии и Евклида по математике;

— Ибн Сина (980–1037) пересказал Гиппократ, Галена и Аристотеля (но уже по переводу на арабский Аль-Фараби);

— Аль-Бируни (973–1048) пересказал труды по физике Аристотеля, по астрономии Аристарха Самосского (310–230 до н.э.) и доксографа Аэтия (I–II н.э.), но главное — благодаря его пересказу до нас дошли несколько теорем Архимеда, утерянных в оригинале.

В свою очередь в Европе происходил реверсивный процесс ознакомления с достижениями восточных мудрецов благодаря множеству привезённых книг в библиотеки эмиратов Омейядского халифата на Перинеех. Мировым центром науки и медицины стала Кордоба — столица эмирата Аль-Андалус, а позднее и всего Кордобского халифата в X–XI веках. Там перевели на латынь сочинения Аль-Хорезми (783–850), которые произвели революцию в мировой науке. В его трактате «Алгоритмы о счете индийском» (*Algoritmi de numero Indorum*) описана десятичная система исчислений арабскими цифрами,

введено понятие алгебры (араб. *аль-джебра* – установление неизвестных) и представлен порядок проведения арифметических операций, названный по имени автора *алгоритм* (algorithm). Такое название сложилось в результате последовательного сокращения транскрипции имени автора – Alchoarismi, Algorismi, Algoritmi, по заключению французского математика Жоржа Ифра (Ifrah 1994).

Благодаря латинским переводам в Европе стали известны труды выдающихся восточных врачей: Абу Бакра Мухаммада ар-Рази (865–925), названного Разем (Razem); Ибн Сины, названного Авиценна (Avicenna); а также работавшего в Кордобе Абу-аль-Касима аз-Захрави (936–1013), названного Альбукасис (Albucasis). Наряду с их трудами стали известны трактаты Хуа То, Ватсяяны и Сушруты. Китайское иглоукалывание было названо по-латыни *аккупunkturой* (от лат. *acus* – игла и *punctura* – укол), но её отнесли не к медицине, а к магическому исцелению, также как индийское стояние на гвоздях и постуральные практики йогоинов восприняли как эксцентрику, подобную глотателям огня и заклинателям змей. Камасутра, разумеется, была стигматизирована в пуританском обществе средневековой Европы.

А вот техники индийского маллахамба с людскими пирамидами настолько приглянулись жителям Пиренейского полуострова, что в 1712 году в городе Вальс в области Таррагона на юге Каталонии во время

религиозно-танцевального шествия Муишеранга (Muixeranga) устроили кастельсы (castells) — «человеческие замки» (colles castelleres), когда мужчины образуют круг, положив руки друг другу на плечи, в свою очередь на их плечи встают другие, а сверху ещё и ещё. Так соревнуются команды из поселений Каталонии и Валенсии — кто из них построит больше этажей людских башен и дольше простоит, тот и объявляется победителем в ежегодном турнире. Эта постуральная практика «Людские башни — кастельсы» была номинирована Испанией и внесена в Репрезентативный список НКН ЮНЕСКО в 2010 году (Human towers 2010).

Таким образом, хорошо видно, что восточные гимнастические практики предшествовали появлению европейских гимнастических стилей. Но именно тогда в Европе возникло понятие **ГИМНАСТИКА, охватывающее всё, что связано с движениями тела — от заботы о здоровье до физических нагрузок, включая их демонстрацию публике**. Впервые оно встречается в книге «De arte Gymnastica» (1569) профессора медицины в университетах Болоньи и Пизы Джироламо Меркуриале (1530–1606). Переиздание этой книги в 1573 году стало первым иллюстрированным руководством по гимнастике с комментариями о том, как определённые упражнения влияют на организм человека (Mercurialis 1573). В процессе работы над книгой Меркуриале изучал в библиотеках Рима античные трактаты о гимназиях, практиках оздоровительных упражнений

и публичных состязаний, а также о травмах и болезнях, которые они вызывали. Меркуриале ставит в один ряд Гиппократ, Платона, Галена и Авиценну, цитируя их наставления о том, что сохранять здоровье помогают правильное питание и физические упражнения (Mercurialis 1573: 29).

Ссылки Меркуриале более чем на сотню античных авторов не только впечатляют, но и позволяют считать его трактат началом эпохи Возрождения в медицине. В своей книге он буквально реанимирует гимнастику эллинов, вытаскивая культурную память о ней из руин античных стадионов, амфитеатров, публичных бань и гимнасиев, чтобы продемонстрировать техники тела, которые делали людей сильными, ловкими, энергичными и здоровыми.

Меркуриале подробно описал установленные античными авторами преимущества и угрозы занятий бегом, борьбой, верховой ездой, гантелями, играми с мячом, кулачным боем, метанием диска, метанием копья, плаванием, прыжками, танцами, ходьбой и даже рыбалкой и охотой. Он разделил упражнения на три группы: регулярные упражнения (профилактика), по медицинскому назначению (восстановление) и тренировка военных и атлетов (специальные). На основе проведённых исследований, он определил шкалу физических нагрузок и разработал подходящее оборудование, сопроводив рекомендательный график предписаниями конкретных

упражнений, что предвосхитило появление фитнеса и лечебной физической культуры.

Однако его научный вклад этим не ограничивается. Меркуриале предвосхитил профессиональное выгорание и формирование агрессии у спортсменов. Исследуя этиологию, диагностику и клинику психических недугов, он установил, что регулярные состязания наносят очевидный вред здоровью, делая людей подавленными и невосприимчивыми к радостям жизни после утомительных физических нагрузок. Он искренне полагал, что всплеск эмоций во время игры вызывает впоследствии меланхолию, которая, в свою очередь, порождает дурное обращение и даже грубость в отношениях с людьми, в том числе и самыми близкими.

Поэтому он определяет состязательность как основной фактор невротических расстройств и уравнивает её по степени воздействия на психику с беспорядочными половыми контактами (*Veneris immodicum usum*), пользуясь определением Эразма Роттердамского (1466–1536) из диалога «Эпикурец» в «Разговорах запросто» (1518) (Erasmus 1829: 239). Спонтанной состязательности Меркуриале противопоставляет регулярную гимнастику как панацею устойчивого благополучия и высокого жизненного тонуса (Кыласов 2010а).

С «Искусства гимнастики» Меркуриале, можно сказать, началась эпоха Возрождения в сфере гигиены, медицины и различных систем физических упражнений, что привело к появлению в среде европейской знати таких форм досуга, которые во многом стали репликой образа жизни античных аристократов. Но вместе с тем во дворцах европейской знати появилось и нечто совершенно новое: залы для танцев и гимнастических упражнений, игровые комнаты и площадки в садах, специальные места для тренировок (в том числе псовой охоты) и много другого, предвосхитившего появление англосаксонского спорта и его последующее распространение от аристократии к буржуазии и социальным низам (Аръес 1999).

Жорж Вигарелло сообщает, что аристократия и народ по-прежнему жаждали тех же развлечений, что были в Древнем Риме, и поэтому отмечает, что европейские *«игры знати XVI века поражают нас своей необузданностью»*. Описанные им забавы короля Франции Франциска I (1494–1547), устраивавшего потешные (по форме) бои, были настоящими побоищами (по содержанию). Было разрешено употреблять яйца, яблоки и снежки при шуточном взятии дворца, но в результате настоящий король однажды получил обгоревшим поленом по голове, поскольку в ход шло всё, что было под рукой. А в 1546 году герцог д'Энгьен получил тяжёлое ранение выброшенным из окна сундуком, после которого через несколько дней скончался *«к великому сожалению короля и всего двора»*

(История тела 2012: I-260). Эти забавы, по сути, были аналогами сражений в амфитеатрах и навмахиях, какие устраивали в Древнем Риме, но уже не с гладиаторами, а со всей желающей развлечений публикой.

Дикость массовых забав и утончённость закрытых для публики соревнований аристократов демонстрируют нам диапазон форм физической активности, который пробудил интерес и к другим состязаниям, завезённым со всего мира в эпоху Великих географических открытий. Но самое интересное, что всё это вместе пробудило постэллиннизм, ставший предвестником спорта. Пьер Кубертен (1863–1937) назвал его *le neo-Olympisme* и учредил Международный олимпийский комитет для проведения игр Олимпиад, которые до сих пор начинаются эллинистическим обрядом неоязыческих жриц в Олимпии.

Гимнастические практики

Тренировка тела как цель самосовершенствования сформировалась в эпоху Возрождения, но и здесь, как и в античности, не обошлось без медицины. Механизмы для тренировок поначалу служили восстановлению двигательных навыков больных, но очень скоро их стали использовать для развития сверхвозможностей. Причём без обращения к сверхестественным силам, как пишет французский историк Жорж Вигарелло в предисловии к «Истории тела», тренажёры послужили

«появлению современного образа “модерного” тела, устройство которого больше не зависит от влияния планет, оккультных сил, амулетов или драгоценностей. Его механизмы “расколдованы” и подчинены новому представлению о физике, о законах причинно-следственных связей» (История тела 2012: 1-6).

Однако экзальтированная религиозность европейцев после тёмных веков Средневековья надолго растянула путь становления спорта. Один из основателей немецкой школы гимнастики Фридрих Людвиг Ян (1778–1852) констатировал:

«Многие прекрасные народные игры исчезли в немецких землях из-за злых времён и иностранцев, от них остались только названия, до сих пор известные лишь понаслышке. Они были утрачены вместе со старыми народными праздниками. Молодёжи предстоит многое исправить, а впоследствии и оживить народные гуляния на современный лад посредством гимнастики, весёлых танцев и гимнастических игр» (Jahn, Eiselen 1816: 172).

Ян неслучайно упоминает танцы — народные пляски стали восприниматься проявлением дионисийского начала нечестивых обрядов, избавление от которых было частью деэллинизации после принятия христианства в Римской империи. Именно в этом ключе следует воспринимать сведения об эпидемии плясок, охватившей Европу. Эту эпидемию обозначили эллинизмами *хорея* (*χорός*) и *хореомания*. Я обратил внимание на то, что вспышки танцевальной эпидемии по времени совпадают со вспышками эпидемий чумы. Так что, скорее всего, эти пляски, которые усиленно медикализировали, представив как диссоциативные конвульсии неясной этиологии, имеют вполне ассоциативную природу торжеств по случаю

окончания чумы или эмоционального протеста на вынужденную изоляцию.

К такому выводу я пришёл после прочтения отчёта о танцевальной эпидемии 1518 года в Страсбурге Парацельса, где он различает разные формы хореи: *chorea imaginativa* (возникающая в воображении), *chorea sancti viti* (возникающая в религиозном экстазе), *chorea lasciva* (возникающая в сексуальной одержимости) и *chorea naturalis* (конвульсивно возникающая в радости). Парацельс считал наиболее часто встречающейся именно последнюю форму — *chorea naturalis*, выраженную в непрекращающемся смехе без истеричных завываний и криков, но с маниакальным желанием танцевать, на что обращали внимание и другие исследователи этого отчёта (Vale, Cardoso 2015).

Трактовка хореи как эмоционального ответа общества на эпидемию чумы совпадает с элиминацией этого феномена к XVII веку, благодаря развитию медицины и средств профилактики. Тогда же началось ослабление церковного влияния, что привело к появлению классических форм народной культуры, которую в XX веке принялись консервировать, называя «фольклор». Одним из первых и самых ярких примеров возрождения публичных игр стали Олимпийские игры Котсуолда с участием местного населения, которые проводятся в Англии с 1612 года. Распоряжение об их проведении подписал королевский

прокурор Роберт Довер (1575–1652). Игры устраивают ежегодно в пятницу накануне Троицы, и состоят они из традиционных сельских состязаний без олимпийских ритуалов.

Там же в Англии «отец английской медицины» Томас Сиденхем (1624–1689) «открыл» *ревматическую хорею*, с оговоркой о том, что никогда её не наблюдал у пациентов. Учитывая это обстоятельство, остаётся загадкой, как ему удалось выявить такое «заболевание», которое «*может встречаться преимущественно у детей*» (Martino et al., 2005). В попытке быть убедительным он всё списал на детские капризы с продолжительными размахиваниями руками и ногами. Дальнейшие «исследования» хореи стали еще большей профанацией, поскольку так и не было приведено доказательств наличия главных эпидемических показателей — виральности и контагиозности. Поэтому сейчас упоминание хореи в медицинских учебниках, а тем более в международной классификации болезней ВОЗ, выглядит форменным издевательством не только над медицинской наукой, но и над здравым смыслом.

Между тем, Сиденхэм видел в телодвижениях не только что-то плохое, но и кое-какую пользу, чем вдохновил популяризатора медицины Фрэнсиса Фуллера (1670–1706), изложившего свои взгляды в книге «Медицинская гимнастика: или трактат о силе упражнений в отношении к животной ойкономии: и об их большой необходимости при

лечении некоторых недугов» (Fuller 1705). Таким образом, спустя полтора столетия после «Искусства гимнастики» (1569) Меркуриале, в 1705 году появилась *вторая книга*, в названии которой была *гимнастика*.

Фуллер увлекался иппотерапией и потому считал, что верховая езда лучше всего способствует движению внутри тела. Он также призывал делать всё, что может побудить организм изгнать болезнь, содержащуюся в телесных жидкостях, мышцах или органах — включая рвоту, потоотделение, мочеиспускание, кровопускание, чихание и даже смех. Довольно изящно излагая свои мысли, он утверждал, что при физической активности «заходятся все Насосы Природы (Pumps of Nature) (Fuller 1705: 10), приводящие в действие Эмунктории (Emunctories) для избавления от вредных Партиклов (Particles) (Там же: 19). Он считал, что *«чем больше человек шевелится, тем больше Животных Духов (Animal Spirits) создаётся в мозгу»*, поэтому *«дикари подвижны, а воспитанные люди воздержанны, но всё же им следует больше двигаться»*, не впадая при этом в дикость, а только для того, чтобы обзавестись *«бодростью дикарей»* (Там же: 24).

Фуллер был ипохондриком от рождения и потому настойчиво рекомендовал смех, который *«оказывается столь полезным благодаря игре мышц грудной клетки»*. Но тут же предостерегал, что у некоторых *«жизнерадостных людей смех даже становится причиной ожирения»*,

потому что «способствует пробуждению неистовства аппетита» (Там же: 8). Надо сказать, что его призыв к смеху был довольно дерзким в религиозном обществе Европы того времени. Догматическое отношение к смеху было резко негативным, основанным на мнениях христианских проповедников, среди которых выделяется высказывание святителя Василия Великого:

«Предаваться неукротимому и неумеренному смеху — знак невоздержанности, необузданных движений и не сокращаемого строгим разумом надмения в душе. Душевную радость изъять светлой улыбкой не противно приличию, насколько только выражается написанное: весёлое сердце делает лицо весёлым (Притч. 15, 13). Но смеяться громко, всем телом приходить в невольное сотрясение свойственно человеку необузданному, неискусному, не умеющему владеть собой» (Василий Великий 2008: 395).

Итак, именно смех и карнавальность роднят игры с танцевальной лихорадкой, которая исчезла вместе с чумой, а заодно и со Святой Инквизицией, будучи естественной реакцией на мракобесие Средневековья. Неслучайно Иоганн Бернхард Базедов (1724–1790) — пионер включения игр и физических упражнений в образование, заявляет об играх, что они *«тем полезнее, чем больше заставляют вас смеяться»*.

Слова Базедова приводит его последователь — Иоганн Христофор Гутс-Мутс (1759–1839) в своей книге (ставшей третьей с упоминанием гимнастики) «Гимнастика для юношества: содержит практические инструкции по физическим упражнениям» (1793). На обложке под заголовком авторская ремарка гласит: *«Вы можете веселиться и шутить; и не забывайте о своей невиновности»*. Вслед за Базедовым, Гутс-Мутс провозглашает смех *«человеческим актом, тренирующим и укрепляющим тело и душу»*, при этом религиозных скептиков он называет *«глупыми и ищущими желчи»* (Guts Muths 1796: 28).

Гутс-Мутс опубликовал перечень игр и рассуждений об играх в книге «Игры для тренировки и отдыха тела и духа, предназначенные для молодёжи, их воспитателей и всех друзей невинных юношеских радостей» (Guts Muths 1796). В предисловии он уточнил, что

«само собой разумеется, речь здесь идёт не о картах, кубиках или азартных играх, а только о подвижных играх на свежем воздухе» (Там же: 29).

В его книге приведены описания 106 игр из его *«собственного опыта, либо присланных из различных немецких и зарубежных регионов»*, которые он собрал, чтобы *«создать библиотеку игр, которой ещё нет ни у одной страны»* (Там же: 10).

Впрочем, это довольно странное заявление, потому как он сам ссылается на *«внушительный перечень древне-греческих и римских игр»* в «Искусстве гимнастики» итальянца Меркуриале, а также на описания гимнастических и агональных практик у Платона, Гиппократе, Галена, Герофила и других. Так что такого рода «библиотек» игр к тому времени было изрядное множество. Но всё же это не умоляет заслуг Гутс-Мутса, и особенно в создании **первой модели школьного стадиона** и **первого пособия по плаванию** с описанием прыжков в воду и водных игр (1798).

Стадион Гутс-Мутса в 1807 году увидел прусский офицер и общественный активист Фридрих Людвиг Ян, и это сооружение вдохновило его на создание гимнастических площадок (Turnplätze) по всей Германии. Ян был одержим идеями национализма, и такие площадки в его концепции стали ключевыми точками сборки молодых мужчин *«строго немецкого происхождения»*, образовавших тайную Германскую конфедерацию для освобождения и объединения Германии. Эта деятельность сначала преследовалась властями, но затем привела его к награде Железным крестом за мужество в борьбе с армией Наполеона, после чего он был избран (1848) в первый общегерманский парламент — Франкфуртское национальное собрание, где продвигал крайне правые взгляды (Naul 2003).

Гимнастическим проектом Яна управлял его единомышленник — педагог Эрнст Айзелен (1792–1846), с которым они написали книгу «Немецкое искусство гимнастики, иллюстрированное для создания гимнастических площадок» (Jahn, Eiselen 1816). По всей видимости, именно Айзелен разработал комплексы упражнений, ставших основой спортивной гимнастики, в которой сейчас используют модернизированный инвентарь Гутс-Мутса: бревно, брусья, кольца, коня и турник. В пользу этой версии говорит широта взглядов на физическую активность Айзелена, известного ещё и тем, что он стал автором немецкой школы фехтования с особой терминологией. Но поскольку владельцем гимнастического бизнеса был Ян, то все лавры основателя немецкой гимнастики достались только ему. При этом вклад Яна всё-таки тоже был существенным, особенно в части идеологии гимнастического национализма, что хорошо видно по тексту их совместной книги.

Националистический настрой Яна привёл к тому, что, даже ссылаясь на Фуллера, Меркуриале и Гутс-Мутса, он демонстративно отказывался от псевдогреческого слова «гимнастика» ради национализации тезауруса физической активности и внедрения немецкого этнонима «турн» (Turn). Производные от этого этнонима он обосновывает тем, что *«в гимнастическом языке есть... бесспорное право называть немецкую вещь по-немецки»* и незачем *«брать займы за границей то, чего у тебя на родине в избытке*

и даже лучше». Всё предисловие состоит из националистического обоснования самобытного понятийного ряда из 82 производных от домена «Turn», среди которых турнверейн, турнен, турнер, турнкунт, турнплатц и другие (Jahn, Eiselen 1816: XXVI–XXVII).

Ирония в том, что погребальный мемориал Яна создан именно в греческом стиле — ему установлен бюст в зале славы выдающихся личностей германской культуры Вальхалла (Walhalla), который воспроизводит архитектуру Парфенона на афинском Акрополе³⁰. Он является воплощением места посмертного обитания героев, описанного в скандинавской и немецкой мифологиях.

Важно отметить, что Ян называл «турн» (гимнастикой) разные виды спорта в современном понимании, и заявлял, что

«для более широкой работы над искусством гимнастики нам следует пока взять только фехтование, плавание, верховую езду, танцы, военные упражнения для юношества, прыжки вперед или вверх и катание на коньках» (Там же: 13).

---

³⁰ Walhalla. URL: <https://www.schloesser.bayern.de/deutsch/schloss/objekte/walhalla.htm>

Впрочем, деятельность Яна не ограничивалась только этими видами физической активности. Вместе с Айзеленом они разработали упражнения, ставшие сейчас спортивными дисциплинами и видами спорта:

- **гимнастика** — упражнения с обручем и скакалкой, на кольцах, на бревне, на брусьях, на коне, на турнике;
- **лёгкая атлетика** — метание ядра и диска, прыжки в высоту, в длину и прыжки с шестом;
- **скалолазание** — лазание по отвесным лестницам из веревок;
- **перетягивание каната**;
- **фехтование**.

Удивительно, но наряду с физическими упражнениями Ян с Айзеленом считали полезными такие забавы, как *лошадки-качалки* (Schwingpferde) и *лягушки* — метание камня, *скачущего по волнам*. А среди рекомендаций были и весьма оригинальные: прыжки тремя людьми одновременно и командная борьба, включая трёхсторонний бой (один против двоих), четырёхсторонний бой (один против троих) и стеношный бой (группа на группу).

Схожий арсенал оборудования и упражнений использовали Франц Нахтигаль (1777–1847) — основатель **датской гимнастики** и Пер Хенрик Линг (1776–1839) — основатель **шведской гимнастики**. Но только в этих национальных стилях всё же присутствовало греческое слово «гимнастика» в отличие от немцев, заменивших ее этнонимом «турн». При этом важно отметить, что Ян, Нахтигаль и Линг вдохновились одной и той же прусской гимнастикой Гутс-Мутса, которая, по сути, была стилизацией практики эллинов с различными дополнениями в виде оборудования турнплатца в Шнепфентале. Все эти стили (включая и Сокольскую гимнастику чехов), подобно прусской гимнастике, служили продвижению идей национализма, а по форме были совмещением *«современного военно-патриотического общества и спортивного клуба»*, в определении историка Ирины Сироткиной (Сироткина 2017).

Из всех последователей Гутс-Мутса наиболее значимым оказался Линг. Он стал основателем не только шведской гимнастики, но и классического массажа³¹. Его концепт был основан на возрождении навыков античных лекарей, практика которых ханжески отвергалась в Средние века. Одними из первых мануальную терапию реабилитировали в своих работах в одном и том же 1573 году (уже

---

³¹ Массаж будет рассмотрен в следующей главе «Совершенство тела».

упоминавшийся) итальянский профессор Джероламо Меркуриале (Mercurialis 1573) и французский хирург Амбруаз Паре (1510–1590). Но лавры основателя массажа все же достались Паре, потому что он писал на (живом) французском языке в отличие от текста Меркуриале на (мёртвой) латыни.

Ссылаясь на античных авторов, практиковавших *анатриписис* (ἀνατρίψις – растирание), Паре рекомендовал массировать заживающие раны после хирургических и ортопедических операций (Paré 1585: 34). Конечно, это было довольно узкой сферой применения растираний в сравнении с античными авторами, но благодаря его советам возникло само понятие *массаж* (massage), содержательное наполнение которого получило по всему миру французское звучание благодаря его текстам:

- *эффлераж* (effleurage) – поглаживание;
- *петрисаж* (pétrissage) – разминание;
- *фриксьон* (friction) – растирание;
- *тапотмэн* (tapotement) – похлопывание;
- *вибрасьон* (vibration) – дрожание.

Впрочем, этот вокабуляр сложился позднее, а Линг начинал с того, что освоил практику традиционного китайского массажа *туйна*, после чего разработал собственную систему *шведского массажа*, представлявшего собой стилизацию античных практик эллинов, по его собственному признанию. Линг использовал знания по анатомии и физиологии, полученные на медицинских курсах Лундского университета, где он преподавал европейские языки и скандинавский фольклор. А вот с продвижением массажа у него возникли определённые и вполне объективные трудности, преодолеть которые ему помогла теология — специальность по первому диплому в Уппсальском университете. В результате, он первым смог убедительно обосновать допустимость прикосновений постороннего человека к телу вне религиозных обрядов.

Дело в том, что тактильный контакт с телом в представлениях европейского общества того времени обязательно должен был иметь религиозный мотив, он ассоциировался с библейским возложением рук в сакральных обрядах баптистерии, помазания, обрезания и других. Преодолеть религиозную интенцию Лингу позволил *онтологический аргумент* Декарта об идее Бога, запечатлённой в человеке. По мнению Лейбница, именно этот аргумент Декарта сделал допустимым развитие науки, потому что не был направлен на поиск существования совершенства (Бога), но доказывал, что элементы совершенства могут существовать в человеке. Поскольку человек создан по образу

и подобию божьему, то сохранение совершенства тела есть ничто иное, как веление божье.

Исходя из этих установок, модальности работы с телом преподносили как «благодаяние Бога», по Декарту. При этом Линг всё равно столкнулся с большой сложностью в подборе аргументов обоснования массажа. В обществе настороженно воспринималось даже прикосновение к собственному телу, потому что пробуждало запретные удовольствия и легко могло перейти к сексуальному самоудовлетворению, по мнению служителей церкви.

Запреты и нетерпимость подкреплялись религиозными догмами, которые породили стигматизацию любых тактильных ощущений, провоцируя особую форму психических расстройств — *гаптофобию* — панический страх прикосновений. Поэтому Лингу предстояло полностью исключить религиозный контекст телесного контакта при массаже, чтобы избежать его констелляции с духовными аспектами исцеления. К счастью, Линг смог это сделать, став первым подвижником современного массажа благодаря тому, что обладал необходимыми и достаточными познаниями в теологии.

Но массаж не был главной целью научно-экспериментальной деятельности Линга, хотя и был описан в одной из глав его книги «Общие основы гимнастики». Работу над рукописью он завершил в 1834 году,

но она была издана уже после его смерти в 1840 году учениками (Ling 1840). В послесловии они назвали его «*величайшим среди натуралистов Швеции*», с которым им довелось работать в Центральном гимнастическом институте в Стокгольме, созданном в 1813 году по инициативе Линга.

Содержание книги представляет собой описание физических упражнений, традиционных игр и состязаний, а также обычаев ухода за телом, включая пересказ трудов античных авторов. В первой главе Линг излагает свою теорию двигательной активности, которая представлена совокупностью трёх базовых форм — химической, динамической и механической. В последующих главах излагается описание четырёх комплексов гимнастики — педагогической, военной, лечебной и эстетической. В заключении приведены рекомендации диет, регламенты нагрузок и конструкции разных типов оборудования для занятий.

В предисловии Линг сообщает, что «*более 50 лет размышлял и исследовал гимнастику*» и надеется вернуть ей «то же значение в обществе, какое она имела во времена Платона, Гиппократы и Галена» (Ling 1840: 11). Он упоминает советы Геродика (V до н.э.) — учителя Гиппократы и основателя лечебной гимнастики, который рекомендовал своим пациентам ходить от Афин до Мегары с обязательным перевалом в Элевсине (Ling 1834: 135). Афиняне туда наведывались раз в год на главные — Элевсинские

мистерии, а с учётом того, что Элевсин находится на полпути в Мегару, совет Геродика был, скорее, гипотетическим и заключался в том, чтобы пройти (суть – ходить) в два раза больше, чем обычно, если хочешь быть здоровым или скорее поправиться.

Здесь стоит заметить, что Платон иронизировал в «Государстве» по поводу этой метафоры Геродика о постоянной ходьбе. Зная о неизлечимой болезни Геродика, Платон говорил: *«Сперва он терзал этим главным образом самого себя, а затем впоследствии и многих других»*. При этом, соглашаясь с советом Геродика, Платон назидательно заключает, что *«так, в состоянии непрерывного умирания он и дожил до старости благодаря своей премудрости»* (Платон 2007: 207).

Возвращаясь к опыту Линга, стоит сказать, что во Франции им увлекся отставной полковник испанского происхождения Франциско Аморос (1770–1848). Во время работы в ортосоматической гимназии братьев Дурдан, открытой в 1818 году в V округе Парижа, он разработал военизированный вариант системы гимнастических упражнений. Ученики занимались строевой подготовкой, бегом с преодолением препятствий, прыжками, метанием палок, переноской грузов и раненых, плаванием, фехтованием, вольтижировкой и верховой ездой, танцами, лазанием с применением лестниц, шестов и канатов. Результаты своих опытов, опираясь на идеи Песталоцци

(1746–1827), Аморос описал в книге «Гимнастика нормальная, военная и гражданская» (1821), содержащей 53 таблицы упражнений (Amorós 1821).

Популяризатор наследия Линга в Германии – отставной офицер Гуго Ротштейн (1810–1865) написал несколько книг о шведской гимнастике, начиная с работы «Гимнастика: представлена по системе шведского гимнасиарха П. Х. Линга» (Rothstein 1847).

Последователем Линга в самой Швеции стал физиолог и ортопед Густав Цандер (1835–1920). Он изобрёл механические аппараты для стимулирования мускулов, которые стали прототипом современных тренажёров. Идею Линга о том, что многие болезненные симптомы могут быть устранены постоянными физическими упражнениями, он развил в инструментальную *теорию механотерапии*.

В XIX веке это было инновацией, а сейчас можно повсюду услышать призывы «укреплять мышцы спины, чтобы разгрузить позвоночник». В любом фитнес-клубе вас буквально зомбируют тем, что здоровый позвоночник обеспечивает «мышечный корсет» вокруг него и, если вовремя не «прокачать» мышцы спины, то это приведет к сутулости, остеохондрозу, преждевременному изнашиванию и грыже межпозвоночных дисков. Правда, в последнее время стали оговариваться, что «прокачка»

подходит не всем и нужна только в целях профилактики, а заболевания всё же надо лечить.

Цандер начал свою деятельность в 1865 году, когда открыл в Стокгольме Экспериментальный институт механической физиотерапии. А после получения золотой медали на Выставке столетия (Centennial Exposition) в Филадельфии (США) в 1876 году Цандер основал Медико-механический институт для производства специального оборудования механотерапии, которое он экспортировал по всему миру, открыв более 200 брендовых гимнастических залов — **первую в мире** сеть фитнес-клубов.

Весь ассортимент продукции был подробно описан в его книге «Аппараты для механической лечебной гимнастики и их применение» (Zander 1890). Тренажёры Цандера оказывали 4 вида воздействия на тело: вибрация, разгибание, разминание и растяжение. Они были предназначены для активации 4 мускульных групп тела: движения рук, движения ног, движения туловища и балансирующие движения.

Но интерес к аппаратам Цандера стал снижаться в условиях экономического спада после Первой мировой войны в Европе и совсем пропал во времена Великой депрессии в США — основном рынке сбыта его продукции. В 1970-х годах на рынке спортивного оборудования появились тренажёры «Наutilus» американского

предпринимателя-бодибилдера Артура Джонса (1926–2007), которые копировали аппараты Цандера. Уличённый в плагиате и сознавшийся под давлением прессы «изобретатель» Джонс всё же ушёл от ответственности, но только потому, что в США не признают европейского патентного права.

Помимо силового направления гимнастики Линга, получило развитие и эстетическое. Хотя поначалу возникли те же проблемы маргинальности, как и в развитии массажа. Гимнастика для европейцев оставалась чем-то диковинным после мракобесия средневековья. Но интерес к античным практикам пробуждали рассуждения просветителей о личном и общественном благе, общественной гигиене и воспитании. На этом фоне идея эстетической гимнастики Линга получила импульс развития в деятельности французского певца и педагога Франсуа Дельсарта (1811–1871). Подобно Лингу, он обосновывал свои изыскания тем, что *«нашёл в **теологии** и антропологии Фомы Аквинского теоретические основы для воплощения метафизики выразительной телесности»* (Waille 2011).

Суть его экспериментов заключалась в разработке телесных движений под музыку в гармонии с ритмом дыхания и пением. Однако в этом была ключевая неувязка: термин «гимнастика» Дельсарт не использовал. Его метод работы с телом скорее творческий, а не спортивный,

он стимулирует самовыражение через импровизацию в танце, а не точное исполнение стандартных упражнений под музыку. Именно поэтому его считают основателем стиля «свободного танца».

Последователь Дельсарта – учитель музыки из Женевы Эмиль Жак-Далькроз (1865–1914) принялся развивать «свободный танец», который считал частью гимнастики, разработанной «великим педагогом Лингом», и восхищался тому, что шведских детей обучают гимнастике и музыке, благодаря чему по всей стране «стало модным движение за возрождение народных песен и танцев на открытом воздухе с участием молодёжи» (Jacques-Dalcroze 1921: 382).

Жак-Далькроз придавал музыке решающее значение в воспитании, упоминая гармонию гимнических и мусических искусств эллинов. Он считал патологией отсутствие музыкального ритма и называл её *аритмия* (ἀρρυθμία) – прямо как нарушение частоты сердцебиения в кардиологии. Исправление этого дефекта он видел в «специальной тренировке нервных реакций и координации работы мышц – гармонизации сознания и тела» (Там же: 3), которую он называл *эвритмия* (εὐρυθμία).

Понятие *эвритмии* Жак-Далькроз позаимствовал у Аристотеля, называвшего так категорию благостной соразмерности в эстетике. Цель занятий эвритмией состояла

в обретении «опыта переживаний от “я знаю” до “я испытал”, чтобы получать эмоции от переживаний образа в движении» (Там же: 158). Эвритмист, по Жак-Далькрозу, — «это тот, кто создает художественный образ, очеловечивая идею эмоционально», чтобы идея впоследствии также одухотворяла зрителя. Он утверждал, что «именно это отличает эвритмию от старых систем гимнастики и танцевальной муштры» (Там же: 306).

Но эвритмии всё же не суждено было стать названием дисциплины гимнастики, её буквально захватили эзотерики и оккультисты, самым известным из которых был австрийский ясновидящий Рудольф Штейнер (1861–1925). Он провозгласил эвритмию новым видом искусства, соединяющим драму, свет, цвет и музыку. «Вибрационные мистерии» с «элементами духоведения» возникали в его проповедях антропософии под музыкальный аккомпанемент, которые он называл представлениями эвритмии. Его выступления вызывали большой интерес и крайне противоречивые отзывы знаменитостей, среди которых были Альберт Эйнштейн, Стефан Цвейг, Франц Кафка, Герман Гессе, Альберт Швейцер, Максимилиан Волошин, Михаил Чехов и другие.

Неизвестно, был ли среди зрителей на выступлениях Штейнера французский физиолог венгерского происхождения Жорж Демени (1850–1917), но идеями эвритмии (правда, в изложении Жак-Далькроза) он тоже увлёкся.

Ему импонировало музыкальное сопровождение физических упражнений и причиной тому была его страсть к музыке: ещё до поступления на медицинский факультет Сорбонны он окончил консерваторию по классу скрипки и даже играл в парижском оркестре «Гранд-Оперá» (Pociello 1999). Но главные достижения Демени всё же были связаны не с музыкой, а с разработкой нового направления в физиологии. Став профессором медицины, он изучал моторику, экспериментируя стробоскопической съёмкой цирковых эксцентриков. Изобретённый в 1892 году Жоржем Демени фоноскоп для съёмки движений стал основным инструментом нового направления исследований, позднее названного *биомеханикой* (Mannoni 1997).

Эвритмией Жак-Далькроза увлеклась и американская танцовщица Айседора Дункан (1877–1927). Правда, он относился с нескрываемой иронией к её экспериментам в жанре «свободного танца», который она исполняла босиком и в греческом хитоне, поскольку видел в этом «отказе от пуантов» разрыв не только с классической школой балета, но и с пониманием миссии современного танца.

Но Дункан была непреклонна и не скрывала своей неприязни к танцевальным движениям современного балета, в котором она видела «поход против естества природных движений», и говорила о том, что «дойдя до высших

ступеней культуры, нам следует возвратиться к наготе дикаря», и в этой осознанной уверенности свободного человека, его тело будет гармонично выражать духовную сущность, и тогда «движения вновь станут грациозными и естественными, как у диких зверей на свободе» (Дункан 1907: 2).

Ей казалось, что балетные позы уродливы в сравнении с теми позами, какие изображены на античных амфорах и в скульптурах, и поэтому задавалась вопросом: почему мы должны отказываться от идеалов красоты, которые вызывают восторг в музеях? (Там же: 13). Она считала, что позы и жесты античных скульптур и рельефов пригодны для танца, и среди них нет ни одной, которую нельзя было бы воспроизвести (Там же: 7). В этом она видела своё предназначение: оживлять в танце те положения тел, которые запечатлели ваятели древности в мраморе (Там же: 11). Она полагала, что современный танец должен стать таким же священным, как искусство древних греков. При этом у Дункан не было намерений возвращаться к танцам древних греков — по её мнению, это было невозможно, да и не нужно. Она искала новые движения современного танца, в котором бы воплотился весь предыдущий путь пантомимы (Там же: 14).

В этом и заключалось противоречие творческих поисков Дункан: с одной стороны, она отрицала прошлое — искусство балета, а с другой стороны, всё равно стремилась

воссоздать то самое прошлое — аутентичную пластику античности в свободном танце. И это извечный конфликт аполлонического и диониссийского начал в искусстве. Именно так — «диониссийской пляской» Серебряного века называет танцевальные студии Дункан исследовательница «свободного танца» Ирина Сироткина (Сироткина 2021).

Этот же конфликт обозначился и в развитии гимнастики: механическое (аполлоническое), в основе которого была силовая подготовка — её практиковали мужчины; и эстетическое (диониссийское), в основе которой красота и свобода движений — её практиковали женщины. Впрочем, такое разделение было умозрительным, его границы стирались тем, что женщины тоже интересовались силовыми упражнениями, а мужчины — эстетическими. Это создавало условия для становления гимнастических клубов, занятия в которых преподносились как «добродетели» (virtues), выраженные в заботах о здоровье, красоте и силе.

Посетители гимнастических клубов принялись устраивать соревнования между собой и даже стали появляться на аренах цирков, где атлетические гимнасты развлекали публику греко-римской борьбой, в самом названии которой была стилизация античных практик Древней Греции и Древнего Рима. Правда, единственным признаком связи с античностью в этом стиле «борьбы на руках» (*lutte à mains plates*) было отсутствие захватов

за одежду — в подражание обнажённым атлетам античности. Такой стиль борьбы придумал во времена Великой французской революции (1789–1799) пехотинец Жан Эксбрая, о котором не сохранилось никаких биографических сведений. А название «греко-римская борьба» появилось спустя полвека, его связывают с итальянским борцом Базилио Бартолетти, о котором тоже ничего не известно. Борцы этого стиля в цирке выступали в облегающих тело купальниках без рукавов и штанин.

А происхождение этой борьбы напрямую связано с Олимпиадами Республики, первая из которых состоялась в 1796 году на Марсовом поле в Париже. Историк и революционер Эспри-Поль де Лаффон-Пулотти (1751–1793) обратился 26 марта 1790 года в Национальную газету «Монитор универсаль» с осуждением корриды и предложением революционной Франции следовать примеру Древней Греции и организовать благородные игры Олимпиад с колесницами, бегом и борьбой (Lafont-Pouloti 1791).

Инициативу де Лаффон-Пулотти поддержал депутат Национального конвента Шарль-Жильбер Ромм (1750–1795), предложив называть игры «Французской Олимпиадой» или «Франсиадой». Через год эту идею поддержал уже председатель Комитета общественного спасения Жорж Дантон (1759–1794), о чём писала 28 ноября 1793 года та же газета «Монитор универсаль». Но обоим политикам

не суждено было увидеть олимпиад — эти реплики античных агонов состоялись после их казней.

Впервые игры мемориальных Олимпиад прошли 27 и 28 июля 1796 года и настолько успешно, что их решено было провести ещё раз 22 сентября того же года (1-й Вандемьер V года). В программе соревнований были борьба, конные поединки с копьями (как на рыцарских турнирах), бег на различные дистанции и гонки на колесницах — двуколках и квадригах. Победителям вручали пальмовые ветви и лавровые венки, а также сабли, карабины и револьверы в качестве трофеев (Arvin-Bérod 1996: 27–40).

Таким образом, впервые возродили образ олимпийских агонов во Франции. Кроме того, именно во Франции заложили основу современного англосаксонского спорта, основанного на результатах, поскольку впервые в истории для фиксации времени был применен *хронометраж* с помощью двух пар морских часов (Кыласов 2010: 36).

Олимпиады Республики провели во Франции четыре раза — дважды в 1796 году и по одному разу в 1797 и 1798 годах. Затем, в течение 30 лет в разных городах Франции проводили олимпийские игры школьников. Их прекращение в 1885 году было вызвано банкротством их патрона — Фердинанда де Лессепса (1805–1894), который разорился при строительстве Панамского канала. Тем

не менее, он вошёл в Совет директоров X Всемирной выставки в Париже, посвящённой столетнему юбилею Великой французской революции, и предложил провести во время открытия мемориальные Олимпиады Республики, которыми праздновали первые годовщины знаменательных событий тех лет (Там же: 37).

Предложение де Лессепса было поддержано и 26 апреля 1889 года на Марсовом поле, спустя столетие, опять состязались атлеты на олимпийских играх, проводившихся у подножия нового символа Парижа — Эйфелевой башни, открытой тремя неделями раньше — 31 марта 1889 года. Среди 500 тысяч зрителей оказался и Пьер Кубертен. Использованные в оформлении мест соревнований античные символы и ритуалы произвели на него неизгладимое впечатление и показали, как можно лаконично, а вместе с тем глубоко и образно представить смысл древних игр Олимпиад и культурные ценности состязаний атлетов, и сделать это совсем иначе, нежели в инсталляциях музеев.

Именно тогда Кубертен впервые заинтересовался олимпийской тематикой. Вскоре он узнал, что с 1612 по 1862 год в Англии проводились Олимпийские игры Котсуольда³².

---

³² Олимпийские игры Котсуольда возобновились в 1951 году, их проводит ежегодно Общество игр Роберта Довера. URL: <https://olimpickgames.co.uk/>

Они вдохновили Общество чтения сельскохозяйственной литературы Венлока (WARS) учредить 25 февраля 1850 года «Олимпийский класс» (преобразованный в 1860 году в Олимпийское общество Венлока)³³ для содействия интеллектуальному, моральному и физическому совершенствованию жителей города. В особенности поощрения активного отдыха фабричных рабочих на свежем воздухе и устройства для них публичных соревнований с вручением призов победителям. Секретарем собрания был доктор Уильям Пенни Брукс (1809–1895), видевший в этом ещё и реабилитацию пациентов межрайонной больницы городов Мадли, Брозли и Мач-Венлока, где он работал хирургом и ортопедом.

Первые Олимпийские игры Венлока состоялись той же осенью на городском ипподроме: 22–23 октября 1850 года, где устроили состязания по футболу, крикету, бегу с препятствием, велогонкам, метанию колец, а также веселым стартам — гонкам на тачках с завязанными глазами и гонкам «старых кляч» — пожилых женщин. Игры проводились ежегодно, и в 1890 году Брукс пригласил на 40-е Олимпийские игры Кубертена.

При встрече Брукс рассказал Кубертену также и о Пангреческих Олимпийских играх 1859 года, которые проводил

---

³³ Олимпийские игры Венлока проводит ежегодно Олимпийское общество Венлока. URL: <https://wenlock-olympian-society.org.uk/>

в Афинах исключительно для грекоговорящих спортсменов майор греческой армии Эвангелос Заппас (1800–1865). После его смерти игры проводились в 1870, 1875, 1877, 1889, 1891, 1893 годах и неизменно вызывали интерес у британцев, горевших желанием принять в них участие. Брукс поведал о том, что вручил £10 победителю игр в Афинах в беге на длинной дистанции Петросу Велиссариосу из Смирны в Османской империи (ныне Измир в Турции). Это вызвало восторг Кубертена, написавшего в своих мемуарах довольно странный вывод: «Если Олимпийские игры, которые современная Греция до сих пор не смогла возродить, всё ещё существуют там, то это заслуга не грека, а доктора У. П. Брукса» (Anthony 2004: 61).

Пангреческие Олимпийские игры вдохновили британцев учредить в 1865 году Национальную олимпийскую ассоциацию (NOA), которая в 1866 году провела первые Национальные Олимпийские игры в Лондоне. А в 1880 году там учредили Любительскую атлетическую ассоциацию Англии, девиз которой был написан на древнегреческом языке — «*ταχυτλσ ποδων ακραι τίσχυος*» (быстрые ноги и сила).

К тому времени по всей Европе уже существовали клубы атлетической гимнастики, представлявшие собой мультиспортивные учреждения в современном понимании, потому что в них вели подготовку к любым видам

соревнований. Атлетикой тогда называли бег (лёгкая атлетика), поднятие тяжестей (тяжёлая атлетика, она же силовая атлетика или атлетическая гимнастика), упражнения на брусьях и кольцах, а также борьбу, скалолазание и многое другое. Эти клубы объединились по примеру легкоатлетов Англии. Инициатором объединения стал член муниципального совета Антверпена (позднее сенатор этого округа), президент Бельгийской лиги гимнастики Николас Куперус (1842–1928). Учредительный конгресс Бюро европейских федераций гимнастики, объединивший организации Бельгии, Нидерландов и Франции, собрался 23 июля 1881 года в Льеже (Бельгия).

Но самое удивительное заключается в том, что Куперус *«отказал в участии бельгийских атлетов, причем в грубой форме»*, в ответ на приглашение участвовать в первой Олимпиаде МОК, о чем Кубертен сообщает в своих мемуарах и приводит выдержку из ответного письма Куперуса:

«Моя федерация всегда считала и по-прежнему считает, что гимнастика и другие виды спорта — это диаметрально противоположные вещи, она всегда воевала с ними, как противоречащими её принципам» (Кубертен 2011: 17).

Получается, что единственная в то время международная федерация отказалась участвовать в первой Олимпиаде МОК. Этот прецедент стал основанием для положения

в Олимпийской хартии о том, что все соревнования проводит сам МОК, и только спустя 30 лет этот пункт дополнили тем, что турниры на Олимпийских играх могут проводить признанные МОК международные спортивные федерации. Не вдаваясь в хронологию возникновения международных спортивных федераций, отмечу, что олимпийские турниры по гимнастике с 1924 года всё же проводит Международная федерация гимнастики (FIG)³⁴, преобразованная в 1921 году из той самой Лиги европейских федераций гимнастики.

Если же говорить о программе первых игр Олимпиад МОК, то их программа воспроизводила Пангреческие Олимпийские игры, которые проводил Заппас. А вообще, к моменту провозглашения Кубертенем «Олимпийских игр современности» они уже проводились в течение 280 лет и состоялись 341 раз в Англии, Германии, Греции, Канаде, Франции, Швеции и США. Кубертен об этом умалчивает, но вспоминает, что на играх первой Олимпиады в Афинах в 1896 году к нему подошла американка и сказала, что *«уже бывала на Олимпийских играх в Сан-Франциско...*

---

³⁴ Сейчас Международная федерация гимнастики (FIG) объединяет 161 национальную федерацию и проводит олимпийские турниры, чемпионаты мира, Всемирные Гимнастрады (World Gymnaestrada), молодежные турниры «Gym for life Challenge» и контекст «Golden Age» для пожилых людей. URL: <http://www.fig-gymnastics.com/>

это было великолепно. Присутствовал сам Цезарь». Комментируя её реплику, он пишет с нескрываемым пренебрежением:

«Реконструкция, спектакль, действо, так же как ипподром на авеню Альма, или «Олимпия» в Лондоне, довольствовавшиеся представлением о тех далеких временах» (Кубертен 2011: 13).

Явное нежелание Кубертена упоминать своих предшественников на пути возрождения олимпийских игр Древней Греции можно объяснить его стратегией мистификации. Он возомнил себя мессией Religio Athletae, наполнив спорт мифологией, замещающей олимпийскую веру, царившую на древнегреческих агонах. Religio Athletae стала сакральной основой неоолимпизма с культовым поклонением древнему Олимпу, но уже без богов на нём. Такая мифологема была сродни антропософии Рудольфа Штайнера, живой этике (агни-йоге) Елены и Николая Рерихов, мистицизму Георгия Гурджиева и теософии Елены Блаватской. А всё это вместе стало предтечей неоязычества и современной квазирелигии Нью-эйдж.

Адепты Religio Athletae убеждены в необходимости «канонизации» спортсменов и деятелей спорта по образу христианской веры (Кыласов 2023: 243):

- аналог культа «мучеников» сложился из агиографии атлетов, пожертвовавших личной победой во имя Religio Athletae;
- аналог «святых» сложился из описаний спортивной карьеры, которая может служить образцом служения идеалам Religio Athletae;
- аналог «святителей» сложился из миссионерства журналистов, пишущих о спорте во имя Religio Athletae.

Глобальная индоктринация Religio Athletae привела к тому, что спорт воспринимается как особый тип квазирелигиозной сплоченности, скрепами которой стали «командный дух», «идеалы спорта» и, наконец, всеобъемлющая и пока что непоколебимая «вера в спорт» (Там же: 233). Широкое признание «веры в спорт» привело к социальному приоритету спортивной деятельности.

А вот игнорирование спорта повсеместно порицается. Подобно тому, как в религиях тиражируют чудеса, в спорте тиражируют рекорды, которыми принято восхищаться как религиозными чудесами. Продуктом индустрии спортивных чудес стал престиж наций, который используют правительства стран, бесконечно прославляя атлетов и наращивая базу спортивных объектов. Этот процесс назвал «гонкой спортсооружений» российский политолог Юрий Солозобов по аналогии с гонкой вооружений.

Кубертен, создававший квазирелигиозные ритуалы неоломпизма, неистово проповедовал, что дух Religio Athletae сближает «обе эпохи» — античности и современности:

«Religio Athletae: гревние смутно ощущали смысл этих слов; современные люди пока ещё его не постигли. Полагаю, что они к этому склоняются» (Кубертен 2011: 148).

Но расчёт Кубертена оказался неверным и «возрождение» античных агонев, к тому же, лишённых аутентичности, шло с большим трудом. Индустриальному обществу требовались не *фантомы* (φάντασμα) олимпиад, а гимнастические тренинги рабочих, чтобы довести их трудовые навыки до автоматизма и встроить в глобальный механический конвейер. Алгоритмы физической нагрузки выявил в 1895 году физиолог и просветитель Иван Михайлович Сеченов (1829–1905), на основе которых он предложил формулу «активного отдыха» или чередования работающих органов, поскольку установил, что в процессе восстановления сил наилучшим образом на эмоциональное состояние человека действует смена занятий. Он установил оптимальную продолжительность рабочей смены и необходимость её прерывания производственной гимнастикой. Результаты своих исследований он изложил в докладе «Физиологические критерии для установки длины рабочего дня» (Сеченов 1895).

Идеи Сеченова сразу вдохновили промышленников в США, где впервые на заводах рабочим предоставили возможность отвлечься от монотонной работы на конвейере, когда через громкоговорители в цехах транслировали команды для выполнения упражнений производственной гимнастики. А впервые начали транслировать команды диктора для выполнения атлетических упражнений в 1923 году по инициативе страховой компании «МетЛайф»³⁵. Любители спорта слушали эти трансляции и выполняли упражнения прямо возле громкоговорителя, установленного на высокой мачте в центре городского парка в Бостоне (США).

Позднее вещание с высоты прочно ассоциировалось со штаб-квартирой спонсора, расположенной в Метлайф-тауэр, считавшейся с 1909 по 1913 годы самым высоким небоскребом Нью-Йорка. Поэтому трансляции стали называть «Экзерсисы башни здоровья» (Tower Health Exercises). «МетЛайф» оперативно превратила эту фразу в бренд, распространив опыт трансляций на городские парки Нью-Йорка и Вашингтона (Trumpbour 2014).

С этого началась история передач «гимнастики по радио», которые состояли из озвучания диктором комплекса упражнений: ходьба, упражнения для глубокого дыхания,

---

³⁵ MetLife Services and Solutions, LLC. URL: <https://www.metlife.com/> (дата доступа: 14.02.2024).

растяжки мышц туловища, шеи, рук и ног. За рубежом для таких трансляций был придуман эллинизм «калистеника» из слияния двух греческих слов «красота» (κάλλος) и «сила» (σθένος). Разумеется, такого слова, а тем более понятия, у эллинов не было, как и понятия «гимнастика» (см. гл. «Эллинское тело»).

Передачи гимнастических упражнений на Всесоюзном радио в СССР начались в 1935 году, когда они уже стали распространённой практикой по всему миру. Многие поколения советских людей помнят трансляции гимнастики под аккомпанемент рояля в первой половине дня: сначала была утренняя гимнастика, а перед обедом производственная гимнастика. При этом утренние трансляции называли зарядкой, а в обед была именно гимнастика, начинавшаяся после вступительных аккордов со слов «поставьте ноги на ширину плеч».

Вообще, радио сыграло решающую роль в развитии спорта и физкультурного движения как его важнейшей составной части: по радио транслировали не только гимнастику, но и матчи по футболу, а также говорили о спорте и делали репортажи с турниров. Но справедливости ради надо заметить, что радио оказало и отрицательное влияние на общество, вернув нас к устной коммуникации, отменяющей необходимость быть грамотными, хотя бы для того, чтобы читать новости в газетах.

На смену «гимнастике по радио» пришло телевидение, но ничего принципиально нового в трансляциях гимнастики не произошло, за исключением того, что диктор стал показывать упражнения, как тренер в спортивном зале.

А разработкой комплексов упражнений производственной гимнастики сейчас занимаются в профсоюзах. Например, Главное управление спорта Китая разрабатывает комплексы упражнений для разных категорий работников и создаёт отраслевые рекомендации по обеспечению доступности спортивных сооружений, которые призваны укреплять и улучшать здоровье населения (Gao, Feng, Xu 2022). Эти меры определены в национальной стратегии и отражены в Национальном плане фитнеса, принятом в 2014 году (NFP).

Интересно, что развитие технологий привело к появлению систем оценки выполнения упражнений. Пионером стала компания Майкрософт, где в рамках проекта Натал (Project Natal) разработали бесконтактный сенсорный игровой контроллер Кинект (Kinect), считывающий не только позы тела, но и траекторию выполнения упражнений, а также их темп и динамику. Презентация продукта состоялась 13 июня 2010 г. в центре «Гален» (Galen Center) Университета Южной Калифорнии (США).

На основе контроллеров Майкрософт была разработана полноценная игровая кибер-среда симуляторов

различных видов спорта «Кинект-спорт» (Kinect Sports), где игроки перед сенсором имитируют действия в реальных соревнованиях: бокс, боулинг, гимнастика, лёгкая атлетика (бег с препятствиями, спринт, метание диска, метание копья, прыжки в длину), настольный теннис, пляжный волейбол, танцевальный спорт и футбол. Поступательное развитие кибер-среды привело к созданию Олимпийской виртуальной серии МОК, соревнования которой впервые провели с 13 мая по 23 июня 2021 года по пяти видам спорта на симуляторах: автогонки, академическая гребля, бейсбол, велоспорт и парусный спорт. И уже решено проводить Олимпийские киберспортивные игры с 2026 года.

А производственная гимнастика положила начало тому, что человеческий фактор, снижающий надёжность, впоследствии был и вовсе исключён — его заменили полной автоматизацией производственных процессов, когда роботы-андроиды копируют телодвижения человека. Так началась постчеловеческая эра антропоцена с вытеснением человека из целого ряда профессий.

Преображение тела

Рукотворное изменение внешнего облика человека всегда было двунаправленным: чтобы сделать его красивее или изуродовать. Но с восприятием уродства и красоты не только в разных культурах, но и в разных обществах одной культуры, всё не так однозначно: то, что одних восхищает, другим кажется нелепостью, граничащей с дикостью.

Меня всегда поражало, что единственным народом, избегавшим уродства и увечий, были эллины. Они выделялись каким-то особым стремлением к благопристойности и трепетным отношением к телу, основанным на эстетике красоты даже мёртвого тела. Живые тела они подвергали *пластике* (πλαστική), буквально — лепке красивого тела, благодаря чему именно эллины внесли решающий вклад в развитие науки, медицины и гимнастики (будущего фитнеса и спорта).

Любые увечья эллины считали дурным знаком и называли их *стигма* (στίγμα). Это же понятие вошло в тезаурус

медицины как отклонение от нормы: совокупность *симптомов* (σύμπτωμα) заболевания эллины называли *стигмой*, их соотносили с *анамнезом* (ἀνάμνησις) — описаниями самого больного, чтобы поставить *диагноз* (διάγνωσις), на основании которого сделать *эпикриз* (ἐπί-κρισις) — суждение о состоянии больного, включая *прогноз* (πρόγνωση) о его выздоровлении.

Выжженные и татуированные знаки на теле эллины тоже называли *стигмой*, потому что таким образом метили рабов и преступников. Свободные граждане полисов избегали любых отметин на коже и стремились сохранять чистое тело — как символ чистых помыслов и явного покровительства богов. Поэтому эллины старались сразу избавляться от любых изъянов на коже — бородавок, последствий угревой сыпи, шрамов, пигментных и родимых пятен. Таким образом, *стигма* — это обратная сторона харизмы, и *стигматизация* — это необратимая операция по разрушению предначертанного благолепия.

Внешние проявления похоти также *стигматизировались*, эллины считали показ признаков полового возбуждения дикостью, свойственной животным. При возбуждении у кобеля половой член вылезает из препуциального мешка, и такая демонстрация внутренней части тела казалась эллинам крайне неэстетичной, они считали

её непристойным обнажением и называли *анасирма* (ἀνάστυρμα), как задираание подола³⁶.

Столь же бесстыдным и оскорбительным, как выставленный напоказ эрегированный половой член, эллины считали показ высунутого языка. Плиний Старший называет примером добродетели поступок философа Анаксарха (380–320 до н.э.), сопровождавшего в походах Александра Македонского. После смерти Александра его пленил кипрский тиран Никокreon (332–311 до н.э.) и во время пыток Анаксарх предпочел откусить себе язык, чтобы не проговориться, но главное — он выплюнул его в лицо тирану во время допроса, после чего Никокreon

---

³⁶ Здесь стоит отметить, что собачья невожатанность вдохновила на создание сократической школы философии киников (κῑνικοί). В латинской транскрипции они же циники (супісі). Основатель школы Антисфен (455–366 до н.э.) открыто критиковал общественные устои, действуя как собака, когда ей что-то не нравится. По свидетельству Диогена Лаэртского (II–III н.э.), он считал, что внешние атрибуты славы и роскоши лишают самодостаточности, и потому провозглашал, что аристократия «ничуть не родовитее улиток или кузнечиков» (Diogenes Laertius 1925). Самый известный из киников, ученик Антисфена — Диоген Синопский (412–323 до н.э.) в своём стремлении к простоте поселился в пифосе (πίθος) — глиняном сосуде для вина, и жил в нём в окружении стаи псов, как это изобразил на картине «Диоген» (1860) французский художник Жан-Леон Жером (1824–1904).

приказал изрубить его на куски в отместку за нанесённое ему оскорбление (Плиний Старший 2009: VII-23).

Высунутый язык Медузы Горгоны на щитах воинов демонстрировал презрение врагу, он был охранным оберегом — апотропеем (ἀποτρόπαιος). А вообще изображение Медузы Горгоны с высунутым языком породило целое направление в декоративном искусстве эллинов — *Горгонейон* (Γοργόνειον), представлявшим собой совокупность разных форм оберегов — предметов обихода, воинской аммуниции, декоративных элементов зданий и отдельных сооружений.

Судя по всему, ипостасью медузы Горгоны была и маска бога Океана (Ὠκεανός), поскольку она тоже использовалась на воинском щите, согласно мифу о том, что Гефест сделал такой щит с ликом Океана для Ахилла. Но чаще изображение Океана делали на колодцах водостока как символ возврата любого потока к повелителю вод. Сейчас в Греции такого оформления стоков не сохранилось, а в древнегреческих полисах Южной Италии их по-прежнему довольно много.

Самая известная из таких крышек установлена в вертикальном положении возле притвора базилики Санта-Мария-ин-Космедин на пьяцца Бокка делла Верита в Риме. Название этой площади происходит от крышки с устами Океана, которые превратились в «Уста истины»

(Bocca della Verità). Название маски пришло с появлением ритуала, когда в отверстие рта суют руку и произносят заклинание на удачу. Вообще-то, совать руку в чужой рот неприятно и даже опасно, что и породило ритуал проверки правдивости у римлян, когда человек становился симулякром поганого языка и тем самым обманывал его (quod simulacrum erat lingua et eum decipit).

Здесь надо отметить, что в представлении эллинов язык был изоморфом полового члена (Морозов и др. 2008: 39). Но изображения *фаллоса* (φαλλός), в отличие от языка, были настолько желанными, что их тоже возвели в культ, посвящённый богу плодородия Приапу (Πρίαπος). По этой причине изображения фаллосов служили уже не как защитные обереги, а как *талисманы* (τέλεσμα) на удачу, которые изготавливали в самых разных видах — в качестве ювелирных украшений, предметов быта и элементов дизайна. На ежегодных Дионисиях (Διονύσια) устраивали *фаллофории* (φαλληφόρια) — шествия с фаллосами под песни *фалликоны* (φαλλικόν).

Но несмотря на воодушевление, которое связывалось с видом фаллоса, оголение головки полового члена у человека или животного, как и обнажение языка, считалось отвратительным зрелищем. Показ изнанки тела был уместен только в разделанной туше животного. А вот мёртвого человека надлежало поскорее накрыть и захоронить в благообразном виде.

Поэтому во время гимнастических упражнений для сокрытия произвольных обнажений у мужчин был придуман «собачий поводок» — *кинодесма* (κυνοδέσμη), которым гимнасты перетягивали крайнюю плоть *акробистию* / *акропастию* (ἄκροβυστία / ἄκροποσθία). Свидетельством использования *кинодесмы* стали многочисленные изображения на амфорах, статуях и анаглифах. На агонах атлеты надевали ещё и набедренные повязки *перизомы* (περίζωμα).

Женщины на Герейях облачались в короткие *хитоны* (χιτών) до колен, чтобы избежать обнажения половых губ. По той же причине на статуях никогда не изображали влагалищ. Хотя в греческой мифологии богиню непристойности Баубо (Βαυβώ) всегда изображали полной женщиной с широко расставленными ногами, которая демонстрирует своё влагалище. Статуэтки Баубо охотно использовали в качестве талисманов на удачу, а её культ был связан с Деметрой и Элевсинскими мистериями.

А вообще, снаряжение атлетов — как мужчин, так и женщин — умещалось в небольшой сумке *балантион* (βαλλάντιον), где эллины носили предметы первой необходимости и деньги. Причём денег у атлетов было изрядно много, потому что тренировки обходились довольно дорого. Оттуда и пошла поговорка, что для занятий спортом нужны *таланты* (τάλαντον), но не какие-то выдающиеся способности, как мы сейчас полагаем, а огромные суммы

денег, соответствующие самой большой единице веса золота и серебра (примерно 16 кг).

Кроме денег у атлетов обязательно был скребок для тела *стригиль* (στλεγγίς) и пузырёк для масла *арибалл* (αρίβαλλος) у мужчин и *алабастрон* (ἀλάβαστρον) у женщин. Кроме того, мужчины носили с собой ещё и упомянутую кинодесму, которую надевали только во время состязаний. Изображение атлета, очищающего себя стригилем от грязи и пота, породило жанр древнегреческой скульптуры *апоксиомен* (ἀποξυόμενος).

Таким образом, понятие телесности у эллинов было сопряжено с гигиеной, благопристойностью, состоянием функциональной целостности и непорочности, достижение которой предписывалось не только через совершенствование тела, но и сокрытие его изнанки. Физически неразвитые или обрюзгшие люди стигматизировались наряду с теми, у кого были изъяны на коже или неприкрытые увечья.

Интересно, что телесное совершенство достигалось через *аскезу* (ἄσκησις). И если сейчас аскетичностью мы называем воздержание и самоограничение в еде, отказ от украшений и телесных удовольствий (сексуальные ласки, массаж, пляжный отдых и другое), то эллины называли аскезой любые физические упражнения тела, которые были доступны всем, кто «не увечен для добродетели»

(πᾶσι τοῖς μὴ πεπρωμένοις πρὸς ἀρετὴν), по Аристотелю в «Никомаховой этике» (Aristotelis 1903: 16).

Исходя из этого можно сказать, что античные философы предопределили центральную проблему структурализма — противоречия существования (реальность) и конструирования идеала (будущего). Они видели решение этой проблемы антропологии в естественном методе гимнастики. Именно их подход получил широкое распространение по всему миру в процессе эллинизации и привёл к тому, что сложились самобытные этнокультурные формы стилизованных гимнастических комплексов Ирана, Индии и Китая. Корневое родство которых в отношении гимнастики эллинов обеспечило им легкую интеграцию в глобальной индустрии фитнеса, предвестником которой, несомненно, стали гимнасионы Эллады и всей её ойкумены.

Сегодня в разнообразии стилей фитнеса сложился причудливый дискурс разноязычных терминов. Он разительно отличается от лечебной физкультуры с её базовым дискурсом на латыни и от англицизмов спорта. При этом инфлюэнции национальных гимнастических стилей нашли выражение не только в названиях физических упражнений, но и в причудливом транскультурном словаре.

Как-то прогуливаясь по Ташкенту, я увидел странное название «Gymkhana», но тут же вспомнил, что уже видел

его в Индии. Такое название фитнес-клубов в *Raх Persica* происходит от слияния эллинистического англицизма «gym[nastics]» и персидского слова «khana» (дом)³⁷. Хотя первое упоминание этого этнонима связано с Индией, где в XIX веке так стали называть места тренировок местного населения, которые проводили английские колонизаторы, прививавшие «полезные навыки» индусам в ходе тренингов в сфере услуг и делопроизводства (Merriam--Webster). Позже «джимхана» стали называть конкурсы мастерства (skill contests), а также дисциплины конного спорта³⁸, автомобильного спорта³⁹ и мотоспорта⁴⁰.

Иран

Обзор национальных стилей фитнеса стоит начать с Ирана, где сформировалась первая в истории стилизованная реплика эллинистических гимнасиев, названная *зурханэ*. После учреждения в 2004 году Международной

---

³⁷ Например: Gymkhana Fitness 360. URL: <https://gymkhana.fit/>

³⁸ Gymkhana Discipline. World Challenges Platform of the Fédération Equestre Internationale (FEI). URL: <https://worldchallenges.fei.org/rankings/palmares/event/729>

³⁹ Gymkhana Competition of the Fédération Internationale de l'Automobile (FIA). URL: https://www.fia.com/site-search/type/page/type/event?search_api_views_fulltext=gymkhana

⁴⁰ Moto Gymkhana. URL: <https://motorcycleminds.org/2018/03/01/moto-gymkhana/>

федерации спорта зурханэ (IZSF) «дома силы» появились не только в странах Рах Persica, но и в местах пребывания больших иранских диаспор за рубежом — в Афинах, Бейруте, Дели, Лондоне, Москве, Нью-Йорке, Париже и в других мегаполисах. Кроме того, иранская национальная федерация *варзеш-э бастан* зурхане постоянно устраивает презентации с показательными выступлениями пахлаванов в других странах.

Сейчас зурхане стали продвигать как иранский стиль фитнеса — силовой гимнастики *варзеш-э пахлавани*, состоящей из двух частей тренировки:

- *аэробная нагрузка* — бег, танцы, прыжки, приседания;
- *анаэробная нагрузка* — силовое жонглирование булавами.

В развитии фитнес-зурханэ исключена главная составляющая древних практик — сакральные ритуалы ислама и предшествовавшие этой религии «персидские мистерии» митраизма.

Индия

Плиний Старший в «Естественной истории» сообщает об Индии, что

«их философы, которых они называют гимнософистами, от восхода до заката остаются на месте, смотря на солнце неподвижными глазами, стоят на раскаленном песке в течение целого дня попеременно то одной, то другой ногой» (Плиний Старший 2009: VII-22).

Такие постуральные практики йогоинов часто приводили к тому, что конечности подвергались дистрофии. Облегчение страданий достигалось отвлечением в медитациях с чтением мантр. На этом фоне информация в номинационном досье йоги для включения в Репрезентативный список НКН ЮНЕСКО, где она названа *«древнеиндийской практикой, основанной на истоках духовного и физического благополучия»* (Yoga 2016), выглядит форменным сарказмом.

Кроме того, в современном гимнастическом комплексе йоги намеренно игнорируются философские аспекты этого вероучения из опасений избыточной интеллектуальной нагрузки на посетителей фитнес-клубов, ожидающих исключительно релаксации. Аксессуары, инвентарь и музыка во время занятий йогой создают фэнтезийный эффект отрешения от действительности, погружения в атмосферу ориентального иного. Хотя противоречий с вероучением йогоинов в этом нет, поскольку *«йогические и медитативные состояния рассматриваются в индийской философии не только сами по себе или в контексте соответствующих практик, но и как важные*

формы познавательного опыта», по заключению индолога В. Г. Лысенко (Лысенко 2020: 166).

Таким образом, габитус фитнес-йоги таков, что никто не ожидает от инструкторов интерпретации йога-сутр. Хотя с этими духовными текстами ещё в XIX веке начал знакомить европейцев немецкий философ Артур Шопенгауэр (1788–1860), а мусульман познакомил уже в XI веке персидский ученый Аль-Бируни (973–1048). Как это ни печально, но их усилия оказались напрасными, они прошли мимо массового читателя, да и фитнес-инструкторы йоги стараются избегать воплощения в посетителях религиозного экстаза (ухода в божественное), поскольку нацелены на медитативный *энстаз* (приход божественного), как его определил, используя эллинистическое понятие, американский религиовед Мирча Элиаде (1907–1986) в книге «Йога: бессмертие и свобода» (1948) (Элиаде 2000: 42). Таким образом, фитнес-йога – это разрешённый социальный наркотик, дающий эффект «прихода» во время занятий и вызывающий привыкание.

Автором фитнес-йоги стала танцовщица и предприниматель Индра Деви – она же Евгения Васильевна Лабунская-Петерсон (1899–2002), разработавшая в 1930-е годы в Великобритании комплексы упражнений, каждый из которых связан с определённой *асаной* (позой), соответствующей положению тела (лежа, сидя, стоя). Эти позы бывают симметричными и ассиметричными.

Алгоритм упражнений состоит из пяти фаз: расслабление, вхождение в позу, удержание позы, выход из позы, расслабление. Принятие позы сопровождается *мудрами* (жестами). Фитнес-йога начинается и заканчивается квазирелигиозной медитацией — мысленным зацикливанием на чём-то приятном.

Этот нерелигиозный вариант йоги на удивление благожелательно был воспринят в Индии. Объясняя *«восприимчивость к иностранным влияниям»* по отношению к хатха-йоге в самой Индии, британский исследователь йоги Марк Синглтон приходит к выводу о том, что речь идет о постколониальном *«переприсвоении того, что по праву принадлежит Индии»* в сочетании с утверждением *«превосходства индийских методов»* работы с телом (Singleton 2010: 97). Но ещё больше ясности вносит американский культуролог индийского происхождения Арджун Аппадурай, от которого мне довелось услышать в ЮНЕСКО о том, что *под поверхностью фитнес-йоги и крикета существуют мифические структуры, которые делают их глубоко индийскими, несмотря на их западное историческое происхождение.*

А общий интерес к йоге на Западе можно объяснить интересом западной аудитории (а затем и всей мировой аудитории) к самобытности восточных культур в идеализированном образе Востока как воображаемого Другого, созданного самим же Западом для своих нужд,

по утверждению американского культуролога Эдварда Саида (1935–2003) в книге «Ориентализм» (Саид 2006). Этот восточный Другой создавался в рамках идей мультикультурализма и сейчас представляет собой аналог «евроремонта», когда наполняют современными удобствами исторические здания, потерявшие свое изначальное предназначение.

Сейчас нерелигиозную йогу развивают многие международные организации, а также международные, национальные и региональные сети фитнес-клубов. Однако попытки ввести единую классификацию обречены, поскольку современная йога — это симулякр — конвейерное производство копий без оригинала, которое в обществе постмодерна можно увидеть во всём, что угодно — от развлечений до вооружений. Такая всеядность *petits récits* образует метанарратив дискурса постмодерна, включает французский философ Жан-Франсуа Лиотар (1924–1998) в книге «Состояние постмодерна» (Лиотар 1998).

Но во всеобщем воспроизводстве симулякров Джанни Ваттимо видит не хаос, а новый порядок постмодерна, который *«напоминает скорее строительство Вавилона, чем установление тотальной организации, управляемой из единого центра»* (Ваттимо 2002: 86). По этой самой причине не возникает общей конвенции о дисциплине «гимнастика йога» с единой спортивной федерацией.

Появилось уже пять международных организаций, развивающих йогу:

- Международная федерация йоги (IYF)⁴¹, созданная в Турции в 2001 году;
- Международная федерация спортивной йоги (IYSF)⁴², созданная в США в 2003 году;
- Международный комитет йоги (IYC)⁴³, созданный в 2016 году в Индии;
- Всемирная федерация спортивной йогасаны (WYSF)⁴⁴, созданная в Индии в 2020 году;
- Мир йога спорта (YSW)⁴⁵, созданная в Швейцарии в 2022 году.

---

⁴¹ International Yoga Federation. URL: <https://www.internationalyogafederation.com.tr/>

⁴² International Yoga Sports Federation. URL: <https://www.iysf.org/>

⁴³ International Yoga Committee. URL: <https://www.iyc-yoga.org/>

⁴⁴ World Yogasana Sports Federation. URL: <https://worldyogasana.org/>

⁴⁵ Yoga Sport World. URL: <https://yogasport.org/>

Китай

Вслед за индийской йогой китайский *тайцзицюань* был включён в 2020 году в Репрезентативный список НКН ЮНЕСКО (Taijiqian 2020). Этот комплекс состоит из двух составляющих — гимнастики *тайчи* и боевого искусства *тайцзицюань*, поскольку окончание «цюань» — означает кулак. Современная история *тайцзицюань* связана не только с монастырём Шаолинь, но и с действиями правительства коммунистического Китая.

После подавления Боксерского восстания (1899–1901) Китай оказался раздроблен и поделён на сферы влияния европейских держав. Пораженческие настроения, охватившие китайское общество, привели к утрате интереса к традиционной культуре, и *тайцзицюань* оказался предан забвению на весь период между двумя мировыми войнами. Интерес к нему вернулся лишь после гражданской войны, окончившейся образованием Китайской Народной Республики. Госкомспорт КНР разработал в 1957 году упрощённый комплекс *тайцзицюань* из 24 телодвижений, в котором высшее мастерство достигалось освоением комплекса из 88 телодвижений.

В ходе этих преобразований комплекс *тайцзицюань* подвергся полной десакрализации в соответствии с поручением Коммунистической партии Китая, проводившей политику «культурной революции» — противодействия

реставрации капитализма и монархизма. Буддистские медитации были заменены «процедурой сосредоточения» на главных целях «движения за упорядочение стиля» (чжэнфын), провозглашенного Мао Цзэдуном (1893–1976).

В тот же период (1950-е годы) член КПК Лю Гуйчжэнь (1920–1983) создал ещё одну альтернативу буддистскому комплексу *тайцзицюань* — комплекс *цигун* с якобы «древними истоками» в даосизме и конфуцианстве. Этот коммунистический *цигун* стали позиционировать как оздоровительную гимнастику для совершенствования моральных качеств на основе квазирелигиозной медитативной практики сосредоточения на идеях, звуках и образах, что достигается особыми позами и упорядочением дыхания.

На основе *цигуна* и синкретической триады Сань цзяо (буддизма, даосизма и конфуцианства) мастер Ли Хунчжи в 1992 году разработал комплекс *фалуньгун*. Но этот креатив уже не входил в планы компартии Китая, поэтому фалуньгун был объявлен оккультным и запрещён в 1999 году. Годом ранее Ли Хунчжи успел иммигрировать в США, где запреты Китая не действуют. В России материалы, связанные с движением фалуньгун, также признаны экстремистскими в 2011 году. Европейский суд по правам человека признал в 2023 году запреты Китая и России нарушением Европейской конвенции по правам человека.

Развитие тайцзицюань в мире обеспечивают школы мастеров, которые лицензируются властями Китая. Мастера и клубы объединяются в стилевые направления и создают международные организации по всему миру:

- Международная ассоциация тайцзицюань (ITCCA)⁴⁶, созданная в Гонконге в 1973 году;
- Ян Чжао Международная Ассоциация Тайцзицюань (YZTIA)⁴⁷, созданная в Австралии в 1998 году;
- Международное общество Чэнь Тайцзицюань (ISCT)⁴⁸, созданное во Франции в 2001 году;
- Алекс Дун Международная ассоциация тайцзицюань (ADITA)⁴⁹, созданная в США в 2002 году.

---

⁴⁶ International Tai Chi Chuan Association. URL: <https://www.itcca.com/>

⁴⁷ Yang Zhao Taijiquan International Association. URL: <https://www.yangzhaotaijiquaninternationalassociation.com/>

⁴⁸ International Society of Chen Taijiquan. URL: <https://www.chen-taijiquan.org/>

⁴⁹ Alex Dong International Taijiquan Association. URL: <https://alexdongtaichi.com/>

Спортивным направлением тайцзицюань занимается Международная федерация ушу (IWUF)⁵⁰, основанная в 1990 году. Она развивает дисциплины на основе разработанных в 1980-е годы гимнастических комплексов из 48 телодвижений.

Шотландия

Замыкает глобальную пятёрку этнических стилей фитнеса *шотландский стронгмен* — комплекс упражнений с метанием, переноской, поднятием и удержанием тяжестей. Хотя турниры с такими упражнениями есть у всех народов, но единый комплекс, ставший ядром соревнований, исторически сложился на играх Хайленда в Шотландии. С расселением шотландцев по всему миру эти игры стали проводить в Канаде, США, ЮАР и Австралии. Программа Хайленд-игр состоит из соревнований в метании бревна (гэльск. *tilgeil a' chabair*), метании камня (гэльск. *putadh na cloiche*), а также в борьбе, перетягивании каната, метании молота и метании тяжёлых предметов на дальность и в высоту. Аккомпанементом игр служат состязания волынщиков и танцоров (Кёлер 2019).

Преобразования Хайленд-игр или «обновление традиций» (Хобсбаум 2000) началось с массовым переселением

---

⁵⁰ International Wushu Federation. URL: <https://iwuf.org/>

шотланцев в Новый Свет: с 2001 года там проводят Всемирные чемпионаты Хайленд-игр под эгидой Международной федерации Хайленд-игр (IHGF)⁵¹. Федерация продает лицензии на проведение национальных и континентальных турниров по специально разработанным правилам. Участники делятся на возрастные и весовые категории. Но в этой модернизации больше всего поражает то, что мужскую одежду килты предписано надевать даже женщинам. Хотя сами соревнования по-прежнему проводятся согласно традиции — под волынку и с танцами чирлидерс (Кыласов 2023: 317).

Хайленд-игры способствовали появлению силовых турниров, основателем которых стал шотландский писатель и спортивный промоутер Дэвид Уэбстер (1928–2023), опубликовавший почти тысячу статей и 30 книг на эту тему. В 1955 году он провёл первую трансляцию соревнований стронгменов, и эта концепция стала основой турниров «Самый сильный человек в мире» («The World's Strongest Man»), начавшихся в 1977 году и остающихся самым успешным шоу спорта стронгмен (Редькин 2019).

Подготовка к турнирам стронгмен превратилась в направление фитнеса с особым инвентарём: камень Атласа (Atlas Stones), перенос коромысла (Super Yoke), перенос

---

⁵¹ International Highland Games Federation. URL: <https://tallyhighlandgames.com/>

мешка (Weight for Distance), подъём бревна (Log Lift), подъём гантели (Dumbbell), подъём оси Аполлона (Apollo Axel) и прогулка фермера с чемоданами (Farmers Walk). Развитием спортивного и фитнес направления стронгмен занимается Международный союз стронгмен спорта (IUWSM)⁵², основанный в 2003 году в Латвии.

Мир фитнеса

Стилистически мировой фитнес состоит из глобальной пятерки этнических комплексов: эллинской гимнастики, индийской йоги, иранского зурханэ, китайского тайцзи-цюаня и шотландского стронгмена. Объяснению этой композиции служит понятие *трансверсальности* немецкого философа Вольфганга Вельша, которой он объясняет пронизывание разных жизненных форм, возникших независимо друг от друга, единым типом разума (рациональности), создающим условия для их гетерогенности (Welsch 1995). Таким «разумом» стала эллинистическая пайдейя, сначала пробудившая креатив восточных стилей гимнастики, а затем обеспечившая их объединение в мировом фитнесе и спорте.

К началу XXI века фитнес охватил весь мир и в настоящее время содержит в своем арсенале все виды физических

---

⁵² International Union of World Strongman. URL: <https://worldstrongman.org/>

упражнений: от *постуральных практик* (бодибилдинг, йога, тайцзицюань) до *динамических форм* (аэробика, воздушная гимнастика, кроссфит). В этом сочетании возник парадокс социальной перцепции, когда в фитнес идут как за *увеличением* объема тела (наращивание мышечной массы), так и *уменьшением* объема тела (сброс индивидуально оцениваемого «лишнего» веса).

Парадокс заключается ещё и в том, что в обоих случаях сатисфакция достигается при использовании специальных программ тренировок под руководством одних и тех же фитнес-инструкторов. А удивительно здесь то, что усердно работают сами клиенты, тогда как работа фитнес-инструкторов сводится к пассивному наблюдению. Причём, без какого-либо финала — фиксируется и разъясняется любой результат, ведь посещение фитнеса транстемпорально, и его можно начать в любом возрасте, закончив с любым результатом.

Жан Бодрийяр (1929–2007) именно таким видел идеальный концепт сферы услуг, в нём должна быть *«гиперреальность, одновременность всех функций — без прошлого и без будущего»*, а также должна присутствовать *«операциональность, направленная во все стороны»* (Бодрийяр 2015: 109). Когда мне удалось спросить Бодрийяра о фитнесе, то он сказал, что *в эти салоны идут не за покупкой фигуры, а за покупкой счастья, и уточнил, что тренер,*

как кутюрье, создаёт вам такой силуэт, в котором легко увидеть тѐлос своих занятий.

Поэтому с фитнесом связаны позитивные социальные ожидания. Женщины идут в фитнес преисполненные ожиданий прекрасных преобразений (beauty transformation), обеспечивающих респектабельность, потому что ухоженное тело свидетельствует о достатке и высоком социальном статусе. Мужчины посещают фитнес, чтобы выглядеть «брутально-привлекательно», и получают опять же респектабельность, поскольку посещение фитнеса говорит о наличии свободного времени и высокой платежеспособности. Таким образом, само посещение фитнеса (даже без результата занятий) стало перформативным, поскольку создает повышающий коэффициент социальной привлекательности посетителей фитнес-клубов в глазах окружающих.

Немецкий философ Петер Слотердайк считает, что массовый успех фитнеса обусловлен глобальным стремлением к типизации, он делает доступной технологию достижения нужного образа тела, но оговаривается, что это возможно только с отказом от изначальной индивидуальности

«на основе распрямления, приводящего к бестелесности (Entkörperung)», потому что все находятся в ожидании таких «изображений тел, которые в совокупности

выступают образом их собственного тела» в улучшенном варианте (Слотердаjk 2009: 515).

Таким образом, фитнес одновременно типизирует человека, выявляя черты обобщённых представлений о красоте современного тела, и в то же время эмансипирует, позволяя подчёркивать индивидуальные особенности, иногда идущие вразрез с социальными предпочтениями. Яркой формой эмансипации служит бодибилдинг, в котором стремление к мышечному рельефу приводит к выходу за рамки сложившихся представлений о нормальном телосложении, но тем самым и создаёт удовлетворение.

Допинг

Глобальное увлечение фитнесом всё же не смогло превратить достижение идеальной формы тела в окончательный аргумент в пользу физических упражнений. Английский писатель-медик Фрэнсис Фуллер триста лет назад проорочески подметил, что *«если бы некоторые из преимуществ, получаемых от физических упражнений, были бы обеспечены каким-либо одним лекарством, ничто в мире не пользовалось бы большим уважением, чем это лекарство»* (Fuller 1705: 19). Вне всякого сомнения, Фуллер предрёк то, что мы сейчас называем допингом в спорте.

С допингом в спорте развернулась непримиримая борьба, основанная на обеспокоенности мирового сообщества

здоровьем спортсменов, применяющих фармацевтические препараты и специальные методы воздействия на организм, которые могут иметь пагубные последствия. А могут и не иметь, и даже облегчать воздействие нагрузок. Так что, субстантивно никакого допинга как особого корпуса медикаментозных средств нет, потому что допингом признают самые обычные лекарства, которые можно купить в любой аптеке. Неслучайно оправдания спортсменов, уличённых в употреблении допинга, звучат анекдотично: взял ночью в домашней аптечке, не сверив со списком ВАДА; купил в аптеке при острой боли, а спортивному врачу дозвониться не смог; выпил энергетический коктейль на безалкогольной вечеринке и тому подобное.

Попытки убедить общество в том, что допинг вреден, малоэффективны, поскольку основаны на неоправданном социальном возвышении спорта. Поборники антидопинга преподносят здоровье спортсменов как нечто более важное, чем вынужденные страдания от перегрузок военных, полицейских, спасателей, лётчиков, шахтёров, водолазов и представителей других профессий, которые мы называем экстремальными. Но почему-то никому не приходит в голову, что если монтажник высоковольтных линий электропередач не выполнит своей работы без допинга, то огромная территория останется в холоде, темноте и без связи. А уставший пилот без допинга потеряет контроль над воздушным судном. Этот гомологический

ряд можно продолжать бесконечным перечислением других профессий, в которых индивидуальные показатели здоровья людей игнорируют политики в спекуляциях о допинге в спорте.

При этом умалчивается, что представители экстремальных профессий, как и спортсмены, используют в подготовке к работе и восстановлению после нагрузок одни и те же вполне доступные процедуры в клиниках и лекарства в аптеках, но все они внесены в «Запрещённый список ВАДА». Такие методы и препараты со времён эллинов принято называть *эргогенные средства*. А сам термин «эргоген» появился только в наши дни и является современным эллинизмом (от др.-греч. ἔργον — работа + γένος — род) подобно гимнастике, диетике, калистенике и другим понятиям новояза. К эргогенным средствам относятся механические, пищевые, психологические, физические и фармакологические препараты и методы воздействия на тело. С пищевыми, психологическими и фармакологическими методами всё более-менее ясно уже по названию, а к механическим и физическим относится следующее:

— *механические эргогенные средства* — это массаж, растирания, кардиотренировка на тренажёрах (беговая дорожка, велотренажёр, тренажёр для гребли) и другое;

— *физические эргогенные средства* — это баротерапия, водные процедуры, грязелечение, магнитотерапия, электромагнитные излучения, температурное воздействие (тепловое и гипотермическое) и другое.

Итак, допинг существует вне зависимости от запретов в спорте, а его социальная роль намного важнее, чем забота о спортсменах, потому что он позволяет выполнять ответственную работу людям, занятым обслуживанием магистральной инфраструктуры, систем жизнеобеспечения и безопасности. Кроме того, при снятии напряжения и хронической усталости повсеместно используют алкоголь, а в ряде стран разрешены ещё и социальные наркотики. Поэтому в обществе не угасают спекулятивные рассуждения о законности потребления и социальном статусе эргогенных средств и расслабляющих препаратов.

Дело в том, что люди постоянно ищут способы улучшить свои результаты и добиваться большего, чем другие. Со времён античности дошли сведения о диетах и пищевых добавках. Хотя всё началось гораздо раньше. Возможно, уже первобытные люди подметили воздействие на организм определённых растений. И нет ни малейших сомнений в справедливости таких предположений, поскольку любой владелец кошки или собаки наблюдает регулярное самолечение травами своих питомцев. Следовательно, даже сбор дикоросов первобытными людьми вполне можно считать предысторией допинга.

Во всём этом удивительно то, что с развитием общества некоторые растения, оказывающие физиологическое воздействие на организм, оказались стигматизированы: причем, как *эгрегоры* (ἐγρηγόρος) — возбуждающие средства, так и *наркотики* (ναρκωτικός) — успокаивающие средства. Причиной запретов стали психоактивные вещества в их составе, вызывающие психотропный эффект — изменений внутренних ощущений и потери контроля над собой.

Эллины связывали эгрегоры с «вселением духов», затем это понятие стали использовать в эзотерике, и за ним закрепился маргинальный контекст «астральных состояний» в оккультных обрядах. Хотя изначально эгрегоры понимались как содержимое травяных настоев и отваров, позже названных алкалоидами. В малых дозах они возбуждали нервную систему, а в больших дозах, наоборот, её угнетали, парализуя нервные окончания, за счёт чего выявили ещё одно важное свойство эгрегоров — обезболивания.

Мощнейшим эгрегором эллины считали вино, вызывающее бодрость в начале распития и вялость после обильных возлияний. Вино прописывал Гиппократ в качестве бодрящего средства в разбавленном и холодном виде и расслабляющего средства в подогретом виде (Гиппократ 1936: 215–216).

Начиная опять же с Гиппократов, наркотиками эллины называли растения, способствующие снятию нервного или мышечного напряжения, а также обезболивающие. Они подметили, что большие дозы наркотиков приводят к оцепенению, схожему с состоянием *комы* (κῶμα). Вся информация об «эгрегорос» и «наркотикос» считалась тайным знанием целителей и строго охранялась членами этих сообществ. Сейчас информация об этих препаратах тоже удалена из общего доступа, а их назначение по-прежнему является прерогативой врачей, выдающих индивидуальные рецепты на приобретение этих средств в аптеках. Выходит, ничего не изменилось в отношении к этим средствам, только самовольное производство, сбыт и употребление наркотиков сейчас криминализировано и влечёт уголовное наказание.

Но больше всего удивляет то, что осталось незамеченным негативное воздействие растений, веками считавшихся полезными. Несмотря на выявленный побочный эффект накопления вредных веществ в организме, эти растения так и не попали под запрет в отличие от галлюциногенов, каннабиоидов и опиоидов, которые растут в дикой природе назло правительствам. Вот и получается, что традиционные рецепты знахарей из «народной медицины» до сих пор остаются релевантными доказательной медицине. Впрочем, использование растений всё же регламентировано в фитотерапии — направлении

современной медицины с лечением травами, которое разработал французский врач Анри Леклерк (1870–1955).

Трансформация

От воздействий на тело, как внешних (массаж и упражнения), так и внутренних (питьё настоев и диеты), целители постепенно перешли к изучению внутренностей. Возникли рассуждения о том, какие из органов наиболее важны для полноценной жизни. Установление релевантности органов происходило *post mortem*: аутопсия (αὐτοψία) помогала в установлении причин смерти, а мереология (μέρος + λόγος) позволяла увидеть, какие из органов в трупах оставались ещё пригодными для жизни. В дальнейшем гистологические исследования позволили выявить те органы, от которых зависит жизнь организма. При этом стало очевидным, что самочувствие человека обеспечивается корректной работой всех органов тела, и эти ощущения назвали соматическими. Первой системной работой в области соматологии стал трактат Галена «О назначении частей человеческого тела», несомненно, вдохновлённый трактатом Аристотеля «О частях животных» (Аристотель 2024), а также трудами Гиппократы, Герофила, Эрасистрата и других.

Описание живого тела Галеном выглядит довольно непривычно, поскольку представляет собой дефрагментацию всех частей и органов. В его релевантности

предвосхищается соматология, включая соматоскопию (описание признаков) и соматометрию (измерение признаков). В объяснении причин написания своего трактата он постулирует главный концепт морфологии человека:

«Действительно, между древними врачами и философами существует большое несогласие по вопросу о назначении частей тела: одни утверждали, что наше тело было создано безо всякой цели и без участия какого-либо искусства, другие, наоборот, поддерживали мнение, что каждая часть тела создана с определённой целью и с искусством, и среди последних одни приписывали такой-то части тела одно назначение, а другие – другое. Так вот, я снова стал искать точного критерия, чтобы судить об этом разногласии, а затем захотел установить определённый метод, имеющий общий характер, с помощью которого мы могли бы найти назначение каждой части рассматриваемого тела в отдельности и связанных с нею частей» (Гален 2022: 37).

Из всех органов человека Гален самыми значимыми называет **«руки** – орудие, необходимое, чтобы выполнять всякого рода работы, пригодные во время мира, не менее чем во время войны». При помощи рук «человек не является ни оголённым, ни безоружным, ни легко уязвимым» и «благодаря произведениям, написанным с помощью руки, ты можешь ещё теперь беседовать

с Платоном, с Аристотелем, с Гиппократом и другими древними учеными» (Там же: 32–33).

Гален утверждает, что «из всех живых существ один только человек имеет *руки*», которыми ему не надо ходить, поскольку у всех животных «*передние конечности, вполне сходные с задними*» (Там же: 78). Поэтому человек отличается от всего животного мира ещё и **ногами**, они — следующие за руками по значимости в организме.

Гален рассуждает о том, что человек должен питаться, поэтому **органы пищеварения** он ставит на третье место после рук и ног. При этом рот он относит не к голове, где он расположен, а к пищеварению, поскольку считает, что вместе с языком и миндалинами «это устройство на самом деле ещё более содействует проглатыванию пищи».

Дыхание Гален связывает с сердцем, считая, что оно «*существует в интересах сердца, нуждающегося в элементах воздуха*», оно охлаждает его, «*а выдыхание горячих частиц, как бы сгоревших и ставших сажными, освобождает его от них*» (Там же: 143). Но лёгкие, обеспечивающие дыхание, одновременно являются «*органом голоса и органом дыхания*» (Там же: 172). Точно так же органами пищеварения и органами голоса являются язык и гортань в его рассуждениях.

Первый том своего трактата Гален завершает книгой «О голове, мозге и органах чувств», которую начинает с критики Аристотеля, утверждавшего, что не все органы чувств доходят до головного мозга. Он оппонирует Аристотелю тем, что в голове *«начало всех нервов, всякого ощущения и произвольного движения в голове, поэтому в ней расположены все органы осязания — поближе к мозгу»*. Но несмотря на это, он парадоксальным образом придаёт самое малое значение голове, приводя биологический пример — животных, которые *«совсем лишены головы, или имеют только один зачаток»* (Там же: 197).

Во втором томе Гален постулирует значение черепа и мозга, лица и челюстей, шеи, позвоночника, тазобедренного сустава, половых органов, а также нервов, артерий и вен. Разделение описаний разных частей тела и внутренних органов Гален объясняет их разными физиологическими потребностями (далее цитата по Йегеру): *«Физическое упражнение — пища для членов и плоти человека, а сон — для внутренних органов»* (Йегер 1997: 35). В заключении Гален сообщает о том, что объясняет и мой интерес к его трактату в рефлексировании выразительной телесности:

«Не одному только врачу полезно исследовать назначение частей тела, но гораздо больше, чем врачу, это необходимо философу, стремящемуся приобрести познание о всей природе, и ради этого ему следует, как мне кажется, быть посвящённым во все её таинства» (Гален 2022: 368).

Corpus studio с тех пор сильно продвинулось, но неизменным остаётся то, что тело состоит из четырёх основных элементов — головы, туловища, рук и ног. И здесь опять возникает *фантом* (φάντασμα) *тетраномии* эллинов с четырьмя признаками функциональной активности человека: индивидуальными, половыми, возрастными и этническими особенностями организма. Раньше эти признаки считались статичными, но современная медицина придала им мобильность:

- индивидуальные особенности изменяются похудением или набором веса, увеличением или уменьшением мышечной массы тела, а также средствами пластической хирургии;
- половые признаки изменяются хирургическими операциями по смене пола;
- маркеры этничности изменяются поведением, одеждой и стилем жизни;
- возрастные изменения подвергаются аппаратным и косметическим процедурам омоложения. А всё это вместе образует модальности изменений, происходящих на протяжении всей нашей жизни.

При этом мобильность физиологических признаков порождает антропологическую контroversию: естественные

изменения (старение, набор веса, визуальное усиление этнических признаков) считаются негативными факторами внешнего образа человека, а вот работу над изменением тела мы превозносим как выдающуюся способность биологического противостояния заданному *«жутко человеческому существованию»*, как заклеил его Фридрих Ницше (1844–1900) в своих философских рассуждениях *«Так говорил Заратустра»* (Ницше 1990: I:7).

Постоянное недовольство телом породило концепт морфологической свободы — права изменять своё тело, а заодно и тело кого-то другого (форму черепа, шеи, груди, талии, рук, ног, ступней и других частей тела). По всей видимости, это была первая из свобод, которую осознал человек: свобода, заключённая в теле.

Хотя считать распоряжение своим телом свободой в полном смысле этого слова нельзя — это, скорее, метафора. Распоряжение телом экзистенциально, несмотря на попытки юристов определить морфологическую свободу как *«право»* сохранять неизменным, либо изменять свое тело. Никакого права тут нет: человек начал вносить изменения в своё тело в эпоху раннего неолита, когда права как такового ещё и в помине не было.

Самым распространённым опытом модификации тела стала рукотворная деформация черепа, которую делали детям, вытягивая или сплющивая им головы. Впервые

об этой процедуре упоминает Гиппократ в книге «О воздухе, водах и местностях», повествуя о странах,

«которые расположены по правой стороне летнего восхода солнца, даже до озера Меотийского [Азовского моря], — оно, ведь, является границей Европы и Азии».

Так же он сообщает:

«прежде всего о макроцефалах, ибо никакой другой народ не имеет голов, подобных этому народу. И сначала, как мне кажется, обычай людей был причиной удлинения головы, но теперь и природа приходит на помощь закону, ибо имеющих самые длинные головы они считают самыми благородными. Закон же этот таков: лишь только дитя родится, как голову его, ещё нежную вследствие её мягкости, преобразуют руками и заставляют расти в длину, употребляя повязку и приспособления, годные для того, чтобы уменьшить круглоту головы и увеличить её длину» (Гиппократ 1936: 294).

С развитием археологии стало известно, что практика искусственной деформации черепов была широко распространена по всему античному миру задолго до описаний Гиппократа и продержалась вплоть до XX века. Например, во Франции она существовала повсеместно и наибольшую известность получила тулузская деформация (*déformation toulousaine*), которую делали ребенку

сразу после рождения, туго стягивая голову лентами *бандо* (bandeau). Именно такая технология применялась повсюду с древнейших времен для придания черепу вытянутой, конусовидной или приплюснутой формы, как сообщает французский антрополог, специалист в области популяционной генетики Андре Ланганэ (Langaneу 1988).

Сейчас эмпирически установлено, что нарушения здоровья такие деформации не причиняют, поскольку критического воздействия на кровеносные сосуды и нервы мозга не происходит, а также остаётся нетронутым «турецкое седло», где расположен гипофиз — главный орган эндокринной системы, отвечающей за выработку гормонов роста, обмена веществ и репродуктивную функцию.

Антропологи установили три основные причины изменений формы черепа: 1) для выделения женщин или же мужчин, 2) для выделения различных сословий, 3) для создания визуального образа этнических или локальных групп населения (Медникова 2004). Здесь надо сказать, что всё это было осмыслено антропологами совсем недавно с помощью аппаратных методов исследований, а поначалу такой валидации не существовало.

В XIX веке даже возникла теория взаимосвязи строения черепа и психики человека. Автором этой теории стал австрийский врач и анатом Франц Йозеф Галль (1758–1828), он пытался составить карту мозга и локализовать

отдельные функции, занимаясь *краниологией* — соотношением строения головы и работы мозга. Но почему-то всё свёл к тому, что интеллектуальные способности человека и особенности психики определяются формой черепа. В результате его изыски привели к появлению псевдонауки *френологии*.

Наряду с черепами искусственной деформации подвергались и другие органы человека. **Мочки ушей** увеличивали в Индии путём растяжения — такая форма считалась особенностью высших каст, а у низших слоёв населения считалось, что дети с большими ушами смогут повысить свой социальный статус, сочетаясь браком с аристократами. **Шею** с помощью наложения металлических колец до сих пор вытягивают девочкам народа падаунг в Мьянме и Таиланде с той же целью — повышения социального статуса. **Талию** зауживали девушкам и в Западной Европе в середине XIX века с помощью корсета со вшитыми металлическими пластинами. **Ступни** уменьшали бинтованием ног девочкам в Китае, чем фактически лишали их возможности ходить, но тем самым повышали престиж невесты с целью возможного повышения её социального статуса. **Крайнюю плоть** полового члена обрезали арабам и иудеям в религиозных целях. **Уретру** полового члена рассекали в обряде инициации юношам в племенах аборигенов Австралии и Океании. **Обрезание клитора** практиковали инки, а также многие народы Азии и Африки в надежде снизить сексуальное влечение женщин.

Казни с отсечением частей тела и обезображиванием (разрыванием ноздрей и щёк, отрезанием языка и ушей, удалением глаз) служили продолжением гомологического ряда телесных модификаций, подобно морфологии улучшения тела, они создавали визуальный образ негодяев. Увечья служили пожизненной стигматизации преступников, которые даже после отбытия наказания оставались в общественном презрении, как это описано в романе «Отверженные» (1862) Виктора Гюго (1802–1885).

Удивительно, но члены преступных сообществ по всему миру продолжают добровольно метить себя татуировками, содержащими особую знаковую систему образов в обозначении положений, сложившихся во внутренней иерархии. Сама же практика такого рода использования татуировок сложилась не только в преступных сообществах, но и в религиозных группах и племенах Австралии, Африки и Америки, и распространилась с развитием коммуникаций в XX веке.

Добровольное нанесение татуировок в наши дни можно расценивать как позитивную девиацию. Разумеется, сейчас нет принудительной телесной стигматизации, а нормы законов о насильственном нанесении увечий и татуировок давно отменены. Им на смену пришло добровольное татуирование, которое началось внутри сообществ футбольных фанатов и адептов современной музыки. В течение полувека — с 1970-х годов это

увлечение превратилось в массовый транскультурный феномен.

В современном обществе татуировка воспринимается как универсальное средство индивидуализации. Семантика современного тату превосходит воздействие живописи и скульптуры в *imago hominis*, потому что человек татуированный является одновременно носителем произведения и участником пожизненного перформативного акта демонстрации такого рода произведений изобразительного искусства. При этом татуировки на одном и том же теле с возрастом воспринимаются по-разному: знаки любви на теле молодого, зрелого и пожилого человека означают то же самое, что при нанесении на тело, но в разные периоды его жизни создают совершенно разные контекстуальные смыслы. Фактически, они представляют собой бытовой жанр живописи современного искусства.

Но иногда татуировка перестаёт нравиться, вследствие чего возникает желание её исправить или вообще удалить. Сейчас прибегают к процедуре лазерного удаления, которую разработал и впервые применил в 1967 году американский дерматолог и пионер лазерной медицины Леон Голдман (1906–1997). А поначалу в таких случаях поверх старого изображения чаще всего наносили другое, поскольку «сводить» с кожи татуировку было болезненно и результат не всегда был предсказуем, да и выглядел не всегда хорошо. Исторически самым распространенным

средством выведения татуировок была *дермабразия* — соскабливание верхних и средних слоёв кожи, но она приводила к образованию рубцов и шрамов.

В более щадящем виде эта процедура осталась как *микродермабразия* в современной косметологии, которую используют также при удалении последствий угрей, пигментации и шлифовке кожи. Её проводят в сочетании с кислотными размягчителями, что было и раньше, когда для осветления рисунка наносили на кожу растворы дубильной кислоты, лимонного сока, чеснока и даже голубиного помёта. Такая широта средств и методов выведения тату сложилась ещё и потому, что эта процедура была востребована не только людьми, но и в скотоводстве для выведения клейма животных в результате покупки или для сокрытия воровства (Arellano and others 1982).

В выведении татуировок также использовалась криохирургия — замораживание поверхности с последующим иссечением или пересадкой кожи. Криопроцедура была самым безболезненным способом и активно использовалась не только для выведения татуировок, но и в пластических операциях по исправлению врождённых и приобретённых недостатков кожи.

Одной из первых операций по исправлению недостатков тела стала ринопластика, её описание содержит Папирус Эдвина Смита или Хирургический папирус, датированный

1500 годом до н.э., но воспроизводящий, как выяснилось позднее, фрагмент более древнего текста 3000–2500 годов до н.э. А уже с VIII века до н.э. методы реконструктивной хирургии широко применялись в Индии для исправления носа, ушей и щёк с использованием кожи с других частей тела (Dwivedi & Dwivedi 2007).

Зарождение пластической хирургии на Востоке объясняется тем, что в качестве казни там широко практиковали изуродование преступников. Стремясь избежать стигматизации, подвергнутые наказанию преступники обращались к врачам для исправления увечий. В Европу искусство индийских врачей попало в VIII веке в арабском переводе индийской «Сушруты» через Сицилийский эмират (827–902). Моё утверждение основано на том, что именно на Сицилии впервые в Европе начали практиковать пересадку кожи в XV веке отец и сын Густаво и Антонио Бранка, а вслед за ними братья Петер и Пауль Бояно (их также называли Вяянео) в Калабрии.

Опыт сицилийских и калабрийских врачей описывал как «итальянский метод» хирург и алхимик Леонардо Фиораванти (1517–1588). Его книгу изучил итальянский врач Гаспаре Тальякоцци (1545–1599) и с новаторской ясностью изложил и проиллюстрировал способы реконструкции изуродованной или оторванной части лица, а также сшивания оторванных конечностей в книге «Хирургия увечий с помощью трансплантатов» (Tagliacozzi 1597). Также он

изложил опыт исследований и собственной врачебной практики за тридцать лет, снискав славу пионера пластической хирургии. Его книга оставалась хрестоматийной на протяжении трёх веков.

Более тяжёлые увечья с потерей конечностей научились *протезировать* (πρόσθεσις), как это ни странно, в глубокой древности. Первые сведения об этом содержатся в древнеиндийской Ригведе (1700–1100 гг. до н.э.), где божественные близнецы Ашвин (покровители врачевания Аюрведы) снабдили железной ногой царицу Вишпалу, которая лишилась ноги в состязании Кхелы (Ригведа 1.116.15):

*«Так как нога была отрезана, словно крыло у птицы,
В решающий момент в состязании Кхелы,
Вы тут же приделали Вишпале
Железную ногу, чтоб она мчалась к назначенной
награде».*

Геродот сообщает о жреце-прорицателе Гегесистрате, который сбежал из плена спартанцев, отрезав себе ступню, чтобы вытащить остальную часть ноги из деревянной колодки, затем, исцелившись от раны, он приделал себе деревянную ногу (Геродот 1972: IX, 37).

А самые ранние достоверные сведения (а не из литературы) о протезировании были обнаружены в Древнем

Египте периода Нового царства (1550–700 гг. до н.э.). Археологи Мюнхенского университета Людвиг--Максимилиана в 2000 году при раскопках Фиванского некрополя недалеко от Луксора обнаружили женскую мумию с признаками прижизненной ампутации большого пальца ноги и протезом, сделанным из кожи животного и дерева с шарниром внутри для имитации движений плюснефалангового сустава, который позволял его владелице ходить босиком. Женщину идентифицировали как Табакетенмут, а её протез передали в Египетский музей в Каире (Nerlich 2000).

Революция в *пластической хирургии* (включая ортопедические операции) наступила во второй половине XX века с появлением опять же четырёх компонентов (словно заклинание эллинской тетрамонии):

- инструментов (шприц, атравматичная игла и шовный материал);
- компьютерной диагностики (МРТ, КТ и УЗИ);
- медикаментов (анестезия и антибиотики);
- лазерной технологии.

Пластические операции сейчас выполняются хирургическим путем для исправления, как врождённых, так

и приобретённых дефектов тела, включая протезирование: изменение формы лица (веки, губы, лоб, нос, подбородок, уши, шея, щёки), изменение формы половых органов (увеличение члена, изменение формы малых и больших половых губ), липосакция (бёдер, живота, ног и рук, шеи, щёк, ягодиц), омоложение рук, увеличение ягодиц, удаление грыжи и другое.

Развитие фармакологии и медицины привело к выделению из пластической хирургии *лечебной косметологии* — к ней отнесено удаление бородавок, липом, папиллом, родинок, последствий угревой сыпи и других наружных изъянов. Также к косметологии часто относят флебологию (лечение варикоза на ранних стадиях). Также в косметологии используют безоперационные методы лечения:

- *традиционная косметология* сейчас включает современные препараты для очищения, питания, тонизации и увлажнения кожи, осветления пигментных пятен и много другого;
- *инъекционные методы*: биоревитализация, ботулинотерапия, контурная пластика, мезотерапия, нитевой лифтинг, плазмотерапия, редермализация и другие;
- *физиотерапевтические методы*: ионофорез, лазерная терапия, магнитотерапия, массаж (включая ручной

и аппаратный), медеризация, миостимуляция, микротоки, прессотерапия, ультразвук, фототерапия, фракционная мезотерапия, электропорация и другие.

Результатом скрупулёзных манипуляций с преобразованием тела стала колоссальная сумма знаний, из которых следует, что не только мы стремимся измениться, но и внутри нас происходят изменения. Наше тело не только стареет, но и постоянно обновляется. Есть даже шутка о том, что если вы не виделись со своим знакомым несколько лет, то можете с ним не здороваться — перед вами уже совсем другой человек.

Впрочем, это всего лишь шутка, потому что ДНК остаётся неизменной и организм буквально клонирует клетки на замену старым. Самый продолжительный процесс регенерации — в костных тканях, они состоят из одних и тех же клеток на протяжении 10 лет. А вот печень не только чистит себя постоянным обновлением за 500 дней, но и очищает наш организм изнутри в соответствии со своей функцией. Клетки кожи обновляются каждые две-четыре недели. Волосяной покров тела остаётся неизменным в течение трёх лет у мужчин и шести лет у женщин, конечно, если они не делают эпиляцию. А чаще всего обновляются эритроциты в крови — за 120 дней, и на них приходится 86% всей регенерации организма. На эпителиальные клетки, выстилающие поверхность желудка и кишечника, приходится ещё 12% регенерации,

но зато они обновляются каждые 5 дней. И всего 1% приходится на единственное обновление, которое видно невооружённым взглядом: обновление клеток эпидермиса — кожи и волос. А некоторые клетки нашего тела, такие как клетки мозга, сердца и глаз, остаются неизменными всю жизнь, согласно исследованию «Ретроспективное датирование рождения клеток у людей» (Spalding et al 2005).

Разумеется, мы чувствуем процессы обновления, и фраза о том, что мы отдохнули и теперь чувствуем себя, как новенькие, имеет глубокие научные основания. Но гораздо больше нас заботит то, что мы чувствуем в отношении своего тела — насколько оно нас устраивает. Точнее, насколько хорошо его воспринимает наше окружение, поскольку в этом случае наше тело выступает как тело для других. Ситуацию усугубляет то, что мы постоянно меняемся, набирая и сбрасывая вес, что приводит к морфологическому разнообразию, когда мы живём в разных телах на протяжении жизни. Но нам далеко не всегда хочется видеть его изменения, чаще всего мы просто приспосабливаемся к тому телу, в котором оказались на определенном промежутке жизненного пути, экзистенциально соглашаясь с утверждением Сартра о том, что человек становится узнаваемым себе и другим *«лишь впоследствии, причём таким человеком, каким он сделает себя сам»* (Сартр 1990: 323).

Тело в политике

Тело оказывается включённым в политику ещё до рождения при обсуждении прав на аборт и суррогатное материнство, и остаётся включённым в политику даже после того, как теряет признаки жизни, пока происходит процесс установления причин смерти, а затем установления прав на посмертное использование тела, включая сам труп, его органы, кровь, останки, личные вещи и память умершего (мемориализация в захоронении или забвение).

Мишель Фуко называет политику в отношении тела *биополитикой*, в которой он соотносит социальные условия жизни с биологическими формами существования (здоровье, лечение, донорство) (Фуко 2010). Джорджо Агамбен видит в *биополитике* власть государства, от имени которого чиновники решают *кому, где и в каких условиях жить* (Агамбен 2011). Ашиль Мбембе переходит от *биополитики* к *некрополитике* — распоряжению смертью тех, кто действует от имени государства (плохое питание, ухудшение экологии, войны), и тех, кто действует сам

(потребление опасных продуктов, наркотиков, отказ от лечения, эвтаназия) (Mbembe 2019).

Права на распоряжение собственными телами вроде как находятся у их законных владельцев. Но на самом деле, они сильно урезаны и во многом ограничены тем, что не позволяют нам (ну, или некоторым из нас) распоряжаться телом по своему усмотрению: например, нельзя добровольно продать себя в рабство или совершить самоубийство посредством разбора себя на органы⁵³. Поэтому онтологическая проблема владения телом играет новыми красками в ситуации трансгуманизма: кто главный владелец тела — власть, общество или его обладатель?

Часть прав на наши тела имеется у военных, врачей, полицейских, чиновников и священников. Глубина регулирования этих прав по-разному оценивается не только в обществе в целом, но и в его *автаркиях* (αὐτάρκεια) меньшинств (профессиональных, религиозных, сексуальных, фандомных).

Всё началось с опеки над теми, кто в ней нуждался, но привело большей частью к насилию (физическому и моральному) над детьми, стариками, женщинами, ка-leками и сумасшедшими. Впрочем, отдельные категории

---

⁵³ Данное утверждение не является оправданием указанных действий или призывом к их совершению.

взрослых тоже лишились возможности распоряжения собственным телом: военным, заключённым, политикам, учителям и священникам запрещено наносить татуировки и участвовать в драках, оргиях, сексуальных манифестациях и некоторых шествиях, кроме того, им предписаны строгие нормы телесного поведения (походка, причёска, гримасы и жесты).

Появилось даже право на будущее тело, когда запретили аборты, заговорив о *правах эмбриона*. Удивительно, но с такими идеями носятся поборники «традиционных ценностей». При том, что не только само определение «традиционных ценностей» остаётся схоластичным и неконвенциональным, так ещё и в традиционных обществах нет и никогда не было, да и не могло быть подобных установок, поскольку они противоречат примордиальным *догматам* (*δόγματα*) о том, что жизнь начинается **только после рождения ребёнка**.

Но даже новорождённого признают не сразу. В глубокой древности ждали: выживет младенец или нет? Платон в диалоге «Теэтет» говорит, что новорождённого «полагается обнести вокруг очага и толком рассмотреть, не обманывает ли нас недостойное воспитания пустое и ложное порождение» (Платон 2019: 160 E). По свидетельству Схолиаста, этот ритуал проводился на пятый день после рождения ребёнка. При этом Аристотель

в «Истории животных» говорит ещё о большем сроке — только седьмом дне:

«Большинство [из тех детей, которые погибают], погибают до седьмого дня, поэтому и имена детям дают в то время, так как уже больше уверены в их сохранении (Аристотель 1996: XII-67).

В **Древней Персии** ребёнок получал имя на **3 день** после особых условий содержания, описанных в «Денкарде» (пересказе IX века «Авесты»):

«рождается ребёнок, в течение трёх дней для защиты от демонов, волшебников и ведьм следует разводить огонь ночью до рассвета и поддерживать его днём, а также чистые благовоения надеты на него» (Денкард 2024: VIII-XXXVIII-6).

В **Древнем Риме** имя давали только на **8 день** с учётом тех же опасений высокой смертности новорождённых в первую неделю жизни. *Наречение именем* было тем самым актом, который сейчас превращён в регистрацию с выдачей свидетельства о рождении. Интересно, что римляне выбирали всего из 18 имён, что гораздо меньше, чем у любых народов. К тому же, мальчикам и девочкам давали одни и те же имена. Но даже среди мальчиков собственное имя получали только четверо старших сыновей, остальные довольствовались порядковыми

номерами в качестве личного имени: Sextus (шестой), Octavus (восьмой), Decimus (десятый) и другие. Например, имя Квентина Тарантино такое же, как у его римского предка, родившегося пятым (Quintus). Имя старшей девочки было производным от имени отца: Августа, Антония, Корнелия, Ливия, Паула. Остальным дочерям с тем же именем добавляли порядковый преномен «вторая» (Secunda), «седьмая» (Septima), «девятая» (Nona), при этом первую из сестёр называли «старшей» (major), а последнюю «младшей» (minor).

В **Древнем Китае** новорождённому сразу давали молочное имя (жумин, наймин, эрмин), которое подчеркивало его индивидуальные особенности (чернявый, крепыш, улыбчивый, плаксивый и другие), но так его называли впоследствии только в кругу семьи. Истинное имя (мин, хуэй) давали по истечении **3 месяцев** отец или старший мужчина в семье в ходе храмового обряда наречения. А сам выбор имени был очень сложным и содержал множество предписаний и ограничений. При этом, при вступлении в брак молодые люди получали ещё одно имя — уже взрослого человека (цзы).

В **буддизме** (за исключением Китая, где до сих пор сохраняется древняя традиция) должно пройти **3 дня** после рождения младенца, после чего лама приходит в семью, чтобы совершить ритуал выбора имени, который завершается чтением сутры о благополучии ребёнка

с обращением к мандале «Банзарагша» (пять защитниц): в центре видья Махапратисара (белая), вверху слева — видья Махасахасра-прамардани (жёлтая); внизу слева — видья Махамантра-анудхарани (синяя); внизу справа — видья Махашитавати (красная); вверху справа — видья Махамаюри (зелёная).

В **исламе** на **7 день** после рождения ребёнка бреется голова и его выносят на подушке к мулле, который кладёт ребенка ногами в сторону Каабы и спрашивает родителей о предполагаемом имени, которое следует произнести трижды, после чего читается молитва. В честь наречения приносится в жертву животное, блюдом из которого в тот же день угощают родственников и соседей.

В **иудаизме** девочке имя дают в **ближайший после рождения день**, когда в синагоге читают свиток Торы (понедельник, четверг или субботу), а мальчика нарекают лишь на **8 день** во время церемонии обрезания, когда его таким образом представляют Всевышнему, подобно праотцу Аврааму.

Христиане тоже нарекают детей на **8 день** после рождения, подобно традициям римлян и иудеев, согласно которым получил своё имя Иисус Христос.

В **индуизме** на **10 или 12 день** (определяют астрологи) после рождения ребёнка проводится церемония

намакарана или *намадхя* — одна из 16 обязательных *санскар* (таинств) в жизни человека. Родители и ребёнок облачаются в новые нестиранные одежды. Отец разжигает огонь, возле которого расстилает траву и садится лицом на юг, а мать напротив лицом на север. Она протягивает ему прямо над огнём ребенка. Отец касается рукой углей и затем мажет голову ребёнку, и только после этого произносит его имя, заранее выбранное жрецом-астрологом.

Детей, умерших до наречения, повсеместно хоронят без подобающих человеку обрядов. А что касается мифов об умерщвлении увечных младенцев, которые есть у разных народов, то они не находят археологических подтверждений. Даже в тех местах Спарты, на которые указывают легенды об избавлении от уродов, ничего обнаружено не было. Мало того, известно, что в Спарте горбуны были среди всех слоёв общества, не говоря уже о тех, кто имел врождённые дефекты рук и ног.

А вот полноценность будущих граждан, о которой говорил Аристотель, чтобы они не оказались «ложным порождением», действительно, старались выявить и обеспечить здоровье с первых дней жизни. Постепенно сложился целый комплекс защитных мер новорождённых. А первые сведения о том, что впоследствии называли вакцинацией, относятся к X веку, когда в Индии и Китае были зафиксированы практики прививания здоровых людей

жидкостью из надувшихся пузырьков, взятых из волдырей у больных оспой.

Но настоящий прорыв в становлении вакцинации совершил французский биолог Луи Пастер (1822–1895), разработавший вакцины против *бешенства, куриной холеры и сибирской язвы*, а вместе с ними и саму методологию вакцинации. Он же разработал метод обеззараживания жидкостей путём нагревания, названный потомками в его честь *пастеризацией* (pasteurisation).

Превзошёл Пастера по количеству разработанных препаратов уже только в XX веке американский биолог Моррис Хиллеман (1919–2005), создавший более 40 вакцин, включая те, что до сих пор применяются против ветрянки, гемофильной палочки, гепатита А и В, кори, менингита, пневмонии и эпидемического паротита.

Сейчас вакцинация начинается с раннего детства и продолжается на протяжении всей жизни в виде сезонных прививок противовирусными препаратами или как превентивная мера при поездках в регионы с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой. Это привело не только к массовому опривычиванию вакцинации, но и превратило её в настоящий *фетиш*, наделённый магическими свойствами, которые позволяют идти наперекор судьбе и самой природе.

Стандартная медицинская процедура вакцинации подверглась настоящей сакрализации и превратилась в обряд новой «веры в науку», а по сути – в обряд *апотропеической магии*, создающей обереги от порчи и сглаза. При этом сам научный призыв к вакцинации с разъяснениями о том, что прививка формирует иммунитет к возбудителям серьёзных инфекционных заболеваний благодаря их введению в микродозах, стал восприниматься как *апокрифическая молитва* – религиозные тексты из молитв-заговоров с рецептами избавления от хвори народными средствами.

Таким образом, вакцинация стала одним из обрядов инициации в современном обществе, где воцарилась гражданская религия «веры в науку». Её адепты ярко проявили себя в пандемию Ковид-19, требуя остракизма – общественной изоляции и даже уголовного преследования тех, кто вполне разумно (как показало время) избегал вакцинации непроверенными средствами и отказывался носить маски.

Пандемийная истерия доходила до того, что требовали обязательной вакцинации даже для тех, кто уже перенёс это заболевание, хотя переболевшие всегда и с полным научным обоснованием считались получившими иммунитет. Но ВОЗ выпустила лженаучное заявление о том, что переболевших Ковид-19 нельзя считать защищёнными. И это при том, что вполне предсказуемые результаты

клинических исследований убедительно доказывали, что сыворотка из антител переболевших ковидом является лучшим средством профилактики.

А вот вред от поспешно сделанных вакцин с неясной этиологией вируса Ковид-19 оказался колоссальным, он вызвал настоящую пандемию тяжёлых осложнений, которые продолжают залечивать по сей день и даже предлагают курсы реабилитации. Вред от ношения масок тоже оказался намного сильнее пользы от них.

Но главное, как и в случаях с остальными эпидемиями в прошлом, большинство населения было резистентно к вирусу. По этой причине активность вируса прошла сама собой, так и не достигнув теоретически выведенных значений пика заболевания и надуманного порога вакцинации. Эти факты трактуют в свою пользу ковид-скептики, которых поспешно отнесли к рядам неформального антипрививочного движения.

Здесь надо сказать, что влияние ковид-скептиков, как и приверженцев ковид-паники, оказалось сильно преувеличенным. Введённые в XX веке национальные календари детских прививок по-прежнему выполняются в полном объёме и с каждым годом растёт их охват. Как растёт и число добровольно вакцинировавшихся от разных болезней взрослых, в том числе повторно.

Такая ситуация с вакцинацией сложилась потому, что прививки стали привычными — с них начинается принудительное форматирование каждого человека под визуальные, поведенческие и санитарные нормы общества. В XX веке помимо этих норм возникли перспективы гендеров — их формирования и скрытого существования. Всё началось с критики «всего двух биологических полов», которую возглавили феминистки в борьбе за права женщин в рамках зарождавшегося вокизма — протестного движения в поисках справедливости в социальной, расовой и половой политике.

Одной из первых в *апологии* (ἀπολογία) феминизма отметилась американская «антропологиня» Маргарет Мид (1901–1978). В книге «Мужское и женское. Исследование полового вопроса в меняющемся мире» (1949) она сравнила содержание социальных ролей у мужчин и женщин и то, как они их по-разному исполняют, создавая различные соотношения маскулинного и феминного в каждой из частных жизней. Собственно, стиль личной жизни — это и есть гендер — тот самый гендер, роста многообразия которого так страшатся традиционалисты всех мастей. При этом сам термин «гендер» нейтрален — так называют разные стили жизни. В этом смысле показательно, что гендер по-французски именно так и называется — *жанр* (genre), идентично греческому *стилос* (στῦλος) и латинскому *стилус* (stilus).

Разумеется, в текущем социальном прочтении гендер конфликтен, он разрушает заданную бинарность. Проблема его конфликтности в том, что вопреки неуместному биологизаторству он всё равно существует, причём во всём многообразии даже в патриархальной среде. Например, мужчины проявляют нежность — характерную черту женщин. Хотя нежность мужчин допускается только в отношениях с детьми и самыми близкими женщинами (мать, сестра, жена). Таким образом, даже отцовство (тождественно материнству женщин) — оплот домостроевской традиционности допускает ситуативный гендерный переход социальной роли мужчин. К этому нужно добавить, что возникающий в этом случае конструкт мужской феминности противоречит самой природе, в которой естественная роль забот о потомстве всегда ложится на женщин (Мид 2004).

А вот мужественность женщин, в отличие от женственности мужчин, всячески превозносится, причём в любых проявлениях. Именно на ней строится весь концепт феминизма. Есть даже обиходно-восхищённое выражение «баба с яйцами». Но есть и положительное воздействие феминизма, благодаря которому повсеместно установилось законодательное обеспечение равенства полов, и уже невозможно рассуждать об интеллектуальном неравенстве или моральной неполноценности женщин, как это констатирует в своей книге «Политика пола» американская феминистка Кейт Миллетт (1934–2017).

Но Миллетт призывает идти дальше — к деколонизации женщин в условиях «тотального патриархата». Она утверждает, что политика пола должна избавлять современное общество от таких оценочных характеристик женщин как *пассивность, невежество, покорность и добродетель*, подчёркивающих их зависимость от мужчин, обладающих совершенно иными характеристиками социального превосходства by default — *агрессивные, активные, умные и эффективные* (Там же: 26).

Сложившееся доминирование мужчин Миллетт объясняет сексистским аргументом о том, что мужчины ассоциируют свою власть с пенисом, существующим, по её убеждению, только для удовольствия. Именно поэтому мужчины придумали кастрацию, как физическую (с удалением тестикул), так и культурную (с утратой мужской роли в обществе), как она считает, чтобы лишать других удовольствия властвовать. К тому же она отмечает, что кастрацию мужчины всегда делали сами, не подпуская к этому женщин, поскольку явно получали удовольствие от созерцания однополых прикосновений к чужим гениталиям (Там же: 186).

Стремление женщин ко власти Миллетт объясняет «завистью к пенису» в тотальном патриархате: после рождения девочка осознает свою неполноценность, потому что у неё отсутствует пенис. По Фрейду она «рождается кастрированной». От этого осознания женщина чувствует

свою ущербность перед мужчиной и томится в ожидании заполучить себе пенис, чтобы завести ребёнка. В этом ожидании девочка тянется к отцу. Поэтому и в дальнейшем для женщины лучше, когда у неё рождается мальчик, — он тянется к ней. Такое влечение к родителю противоположного пола Зигмунд Фрейд называет Эдипов комплекс (Там же: 189).

Испанский исследователь политической истории тела Поль Пресьядо характеризует это как *«политический диспозитив, в который вы вписаны»* изначально (Пресьядо 2021: 14). Любые поправки в телесной политике он называет «гендерным переходом» в процессе «деколонизации тела» (Там же: 40), которая может проявляться у всех: когда хочется раздеться или надеть что-то необычное — мужчинам одежду из женского или женщинам из мужского гардероба, стать инфантильным или брутальным, феминным или маскулиным — всё это выглядит вызовом и подлежит сатисфакции в «цирке бинарного гетеропатриархального режима» (Там же: 25).

Здесь надо отметить, что Пресьядо — ученик французского философа Жака Дерриды (1930–2004), призывавшего мыслить не фиксированное «наличествующее настоящее», а возможное «различие» даже пока отсутствующего (Деррида 2000). Возможно, Пресьядо слишком прямолинейно воспринял наставление Дерриды, но уже со степенью доктора философии и в должности профессора

Университета Париж VIII он сам оказался на арене этого цирка (в его же определении), совершив трансгендерный переход из Беатрис в Поля, чтобы развеять представление о том, что транссексуальный человек всё равно остается гетеросексуальным:

«Позвольте мне развеять ваши сомнения: я сделал операцию и тщательно удалил себе в ходе долгих политических, практических и теоретических сессий тот эпистемический аппарат, который ставит моему телу и моим практикам диагноз патологии» (Там же: 81).

Судя по этой патетике, он вполне осознаёт, что такое возможно только в условиях медиализации и секуляризации, когда тело перестает быть богоподобным объектом в вечном статусе «невозможного превращения». Он утверждает, что только после массового отказа от религиозных догм и развития технологий появилось

«транстело, небинарное тело, за которым ни медицина, ни право, ни психоанализ, ни психиатрия не признают пока права говорить с экспертным знанием о своем собственном положении» (Там же: 17).

Пафос действий Пресьядо заключается в том, что он ставит проблему парресии (παρρησία) — выражения своей истины, даже если её корни кто-то видит в распушенности и бесстыдной откровенности. В этом он следует постулату

риторики Мишеля Фуко, вернувшему это понятие в современность из античных пассажей киников и эпикурейцев, а также Старого и Нового заветов Библии:

«говорящий выражает своё личное отношение к истине и подвергается риску, поскольку он осознаёт, что говорить правду — это его долг, чтобы улучшить или помочь другим людям (а также ему самому). В парресии говорящий использует свою свободу и выбирает откровенность вместо убеждения, правду вместо лжи или молчания» (Фуко 2008).

Надо сказать, что проблема голоса или точнее — социологии трансгендерных людей реально существует, поскольку их общее количество вместе с сексуальными меньшинствами существенно увеличилось в последнее время и оценивается ВОЗ в 0,3–0,5% от общего числа людей, что составляет порядка 25 миллионов человек. Хотя французский «философ тела» (как он сам себя называет) Бернар Андриё отмечает, что физиологические процессы всё-таки не следует индивидуализировать, поскольку «живой организм действует лично, а не как личность» (Andrieu 2010). Но в любом случае, огромное количество трансгендерных переходов привело к тому, что гендер сейчас признается конструируемой сущностью уже всеми, даже гетеропатриархальными консерваторами, как утверждает Пресьядо, поэтому в текущей сексуальной жизни

«установилось новое разделение на «цис»-людей (тех, кто идентифицирует себя с полом, приписанным им при рождении) и «транс»-людей (тех, кто не соотносит себя с этой категоризацией и использует практики перехода, идентифицируя себя как трансгендерную или небинарную персону) (Пресьядо 2021: 89).

Считается, что идея трансгендера родилась в Европе ещё во времена Древней Греции, в мифологии которой был Гермафродит (Ἑρμαφρόδιτος) и боги Олимпа, предававшиеся гомосексуальным утехам⁵⁴. Всё так. Вот только технологии гендерного перехода у эллинов не было. Роли женщин в лесбийском сексе не разделялись, да и мужчины оставались мужчинами даже в гомосексуальных связях. Эллины в этом не видели половых различий и не проводили социальной идентификации.

Гендерная неконформность во всех религиях тоже считалась грехом до конца XX века. При этом в авраамических священных текстах всё же встречаются различные упоминания женоподобных мужчин и мужеподобных женщин. Но нигде не содержится даже намёка на смену пола.

Первыми изменили своё отношение к трансгендерам общины реформистского иудаизма, когда Центральная

---

⁵⁴ Общественное движение ЛГБТ запрещено на территории РФ.

конференция реформистских раввинов Америки в 1978 году разрешила вступить в брак в соответствии с еврейской традицией человеку, перенёсшему операцию по смене пола. Затем, в 2003 году Комитет по еврейскому законодательству и стандартам одобрил закон, допускающий смену пола в случае гендерной дисфории. Но по-прежнему нет ни одного открытого трансгендерного раввина или студента-раввина в *ортодоксальном иудаизме*, потому что Тора прямо запрещает даже переодевание в одежду другого пола (Второзаконие 22:5) и повреждение половых органов (Второзаконие 23:1).

Первой из *исламских стран* в признании трансгендера стал Иран, где в 1987 году духовный лидер Ирана — аятолла Рухолла Хомейни (1902–1989) издал соответствующую фетву, чтобы помочь душе в неподходящем теле обрести сексуальную гармонию путём проведения хирургической операции, как сообщает об этом «Иранский журнал общественного здравоохранения» (Pirnia & Pirnia 2022). Но и задолго до фетвы Хомейни в хадисах (жизненных наставлениях мусульман) появилось описание «хунса» (гермафродита), в отношении которого было предписание о том, что

«такому человеку следует прикрывать от посторонних взглядов все те части тела, которые должна прикрывать женщина, а присутствуя на коллективной молитве, он

должен находиться в ряду между детьми и женщинами» (Хунса 1983).

Кроме того, есть хадисы с описанием «муханнас» или «мукханнатх» — людей, имеющих одновременно мужские и женские половые признаки, которые вполне подходят под современное описание трансгендеров. Например, Сунан Абу Дауда, где в главе 36 «О словах Всевышнего “Из числа мужчин, лишённых вожделения”» в Книге одежды (хадисы 4020–4158) сказано:

«В течение определённого времени к жёнам Пророка приходил один женоподобный мужчина /муханнас/, который, как считали, не испытывал влечения к женщинам»⁵⁵.

После фетвы Хомейни в течение тридцати лет (1987–2017) в Иране было сделано 1309 операций по смене пола, согласно данным исследования «Эпидемиология гендерной дисфории в Иране: первое общенациональное исследование» (Talaei and others 2022).

Вслед за исламом признание транссексуалов началось в христианстве. Как и в иудаизме, это произошло сначала в Америке, где Ассоциация унитарных универсалистов

---

⁵⁵ Сунан Аби Дауд. URL: <https://isnad.link/book/sunan-abu-dauda/26-kniga-odezhdy-hadisy-4020-4158/36-glava-o-slova--vsevyshnego-iz-chisla-muzhchin-lishyonnyh-vozhdeniya>

(UUA), объединявшая 150 тысяч прихожан, в 2002 году рукоположила в сан священника – первого открытого трансгендера в Солт-Лейк-Сити⁵⁶. В католицизме перемены начались только в 2018 году, когда Ватикан издал дикастерию с обновлением конгрегации вероучения в том, что

«транссексуал, который также прошел гормональную терапию и операцию по смене пола, может принять крещение на тех же условиях, что и другие верующие» (Nota riservata 2018).

В индуистской философии с давних пор существует понятие третьего пола – *третья-пракроти*, который описан в главе «об аупариштаке» в Камасутре (Ватсьяна 2000):

«Евнухи бывают двух видов – женоподобный и мужеподобный (1). Женоподобный подражает женщинам в одежде, речах, движениях, желаниях, мягкости, робости, простодушии, беззащитности и стыдливости (2) ... Мужеподобный же скрывает свое желание и, стремясь сблизиться с мужчиной, живет ремеслом массажиста (5)» (9.19).

---

⁵⁶ About the Unitarian Universalist Association. URL: <https://www.uua.org/about>

Третья-праkritи могли быть прислужой, массажистами и флористами, но их участие в религиозных церемониях считалось и считается до сих пор недопустимым в индуизме.

В буддизме решение проблемы гендерной дисфории видится в контексте общей концепции избавления от страданий с обращением к четырём благородным истинам в «Сутре запуска Колеса Дхармы». Сообщество трансгендеров возникло только в сангхе Таиланда, где их называют «катой» — по сути, это проституция мужчин-травести, возникшая с развитием туризма. Считается, что такая карма постигает тех, кто разрушал браки прелюбодеянием в прошлых жизнях. Катоям разрешено пребывать в образе женщин и делать операции по смене пола, но нельзя выходить замуж за мужчин.

Итак, трансгендеры есть и это неоспоримо. Поэтому само появление *гендерологии* (междисциплинарного изучения гендера) можно считать состоявшимся, а объект его изучения можно считать техногенным явлением, техногенной катастрофой или, если вы просвещённый консерватор, то рукотворным бедствием (*man-made disaster*). Появление трансгендеров стало возможным только сейчас, когда нашлось научное объяснение волатильности гормонального фона у обоих полов. С этим вынуждено было согласиться даже духовенство, которое постепенно смягчает позиции в новой постполовой реальности, разделяющей

историю человечества на до и после бинарности, как Линия Уоллеса – невидимая граница, разделяющая миры живой природы Азии и Океании.

Но сколько бы ни возникало гендерных репрезентаций в будущем, все они остаются в рамках общей, академически сложившейся антропологии. Измерение телесной политики по-прежнему складывается из оценки основных потребностей человека (со всеми его гендерами) – из поддержания здоровья и жизненного уклада, а также потребления материальных и духовных благ. При этом современную ситуацию сильно упрощает то, что сейчас многообразие этнокультурных стилей бытования людей сведено к единому глобальному приоритету западного образа жизни с тотальным евроремонтом в обустройстве жизненного пространства.

Превосходство западной модели обеспечивают индустриальные технологии, открывающие общий доступ к комфорту и процветанию. Эти технологии прогресса породили социальный феномен «массового человека» в определении испанского философа Хосе Ортега-и-Гассета (1883–1955). А сам массовый человек стал таким же продуктом мировой промышленности, как и товары массового спроса, которые он потребляет. Он подвержен внешней манипуляции в навязанном стремлении соответствовать общим представлениям о норме, моде и порядке. Хотя в отношении перспектив массового

человека Ортега-и-Гассет а posteriori отмечает, что «нет оснований отрицать достигнутый прогресс, но следует оспаривать веру в его надежность» (Ортега-и-Гассет 2002: 75).

Вместе с тем, если посмотреть на массификацию а priori, то выпуск товаров массового спроса выглядит вполне оправданно — как промышленная модель единовременного удовлетворения потребностей большого количества людей. Это единство желаний людей возникает от полного совпадения их потребностей, формируя массовый потребительский интерес.

Суть происходящего вполне соответствует аподиктическому силлогизму Аристотеля во «Второй аналитике» о необходимости *«признать истинным, что есть единое во многом, ибо если бы этого не было, то не было бы и общего»* (Аристотель 1978: 11.5). Таково исчерпывающее объяснение общности, которое применимо и в объяснении природы демократии, которую Аристотель видел в установлении общности через выявление единства интересов (замечу, далеко не всегда справедливых и прогрессивных). Возможно, именно поэтому действовать в интересах большинства оказалось не так уж и просто даже в условиях демократии.

Всё дело в том, что почти сразу из служителей высших смыслов демократии возникла теократия, которая

узурпировала право устанавливать порядок пользования демократической властью. Просто теократия появилась намного раньше демократии и сумела мимикрировать под неё: теос (θεός) возник в сознании людей ещё при анимизме – предтече всех верований и религий. Тайлор определил сущность анимизма как «тайноведение», указав на сущность священнодействия – распоряжения тотемами и телесными обрядами подношений даров (Тайлор 2021: 67).

Таким образом, ключевую роль в управлении обществом продолжало играть тело. Понятно, что эмпирически описать процессы этого периода невозможно: вся доречевая и раннеречевая история человечества конструируется нашими домыслами, но всё же главную роль тела в культурогенезе пока никто не отрицал.

Наблюдение за реакциями тела послужило научным материалом для русского физиолога Ивана Петровича Павлова (1849–1936) в изучении высшей нервной деятельности человека и животных. Он предложил концепт сигнальной системы, складывающейся из двух частей: *первая система* есть у животных и человека – это реакция на внешние и внутренние раздражители тела, а *вторая система* есть только у человека, она представляет собой смысловую интерпретацию того, что *видно, слышно и ощутимо* в ходе передачи своих впечатлений словами другому (Павлов 1951: 336).

Опираясь на теорию Павлова, русский историк Борис Фёдорович Поршнеv (1905–1972) в работе «О начале человеческой истории» делает важное уточнение ко второй сигнальной системе о том, что

«люди заменяют естественную среду искусственной, не-естественной — сферой культуры: производством звуков и телодвижений» (Поршнеv 1974: 226).

Британский теолог Уильям Остерли (1866–1950) в работе «Священный танец» провозгласил, что первобытный человек *«танцует, воздавал почести духам»* и *«делал своё тело пристанищем духов»* (Oesterley 1923: 25–26). Тайлор отмечал, что *«дикарям пляска представляется чем-то столь реальным, что они ждут от неё воздействия на внешний мир»*, используя её как *«орудие магии и религии»* (Тайлор 2021: 167).

Таким образом, религия началась с телодвижений, а первыми и главными из них стали *прогибание* и *склонение головы* перед вожаком, и в этом мы удивительно схожи с животными — они прогибаются перед сильнейшим в знак смирения с его лидерством (Дарвин 2001, Лоренц 1994, Заксер 2020).

Покорное склонение головы объясняет и сокровенное безмолвие в культовых обрядах, которые эллины называли *исихия* (ἡσυχία) — благоговейная тишина, ставшая

основой религиозных практик «благого молчания» или молчаливой молитвы. Её графическим обозначением стал упомянутый в предисловии *тетраграмматон* (тетραγράμματον) — написание имени бога одними согласными, чтобы его нельзя было даже произнести. Такая лексема в виде непроизносимого акронима служила мистическим оберегом от любых эпитетов и оговоров бога, возвышающегося над изречениями людей.

Впрочем, в первых сакральных практиках обращений к богам никаких проблем с изречением не было — все они были бессловесными. Но точно не бездумными, ведь духи и боги появились именно в их умах. Вот только остаётся загадкой, почему в первобытном мире возникла убеждённость в том, что выдуманные «духовные существа управляют явлениями материального мира и жизнью человека»? (Тайлор 2021: 265).

Поначалу были пляски с подпрыгиванием и выкриками, какие можно наблюдать у животных, они служили выражению всей гаммы чувств первобытного человека — его радости, злости, тоски, полового влечения. Из этих же телодвижений возникла акробатика — из сокровенных желаний всех поразить мыслеформой изящного выражения телом своих чувств. Поначалу именно акробатика стала высшей формой обращения к духам, выраженным в невероятных прогибах. В современных формах религиозных церемоний акробатики больше нет, но оставшиеся

позы поклонений индоктринально приучили нас в прямом и переносном смысле *прогибаться*, и сейчас это «постулируется как некая невысказанная догма», заключает Рене Жирар в рассуждениях о генезисе мифов и ритуалов (Жирар 1972: 63).

А впервые настоящее мастерство акробатов фиксируется в Шумерской цивилизации, где их называли хуппу (*huprû*). Сведения о них содержатся в царском архиве, датированном 2320 годом до н.э., который недавно обнаружили во время раскопок древнего города Эбла (сейчас городище Телль-Мардих в Сирии). В документах этого архива, хранящегося неподалеку от места раскопок — в соседнем городе Мари (Телль-Харири), содержатся детальные сведения о профессиональных хуппу при царском дворе: записи о вознаграждениях, выступлениях по несколько раз в месяц на религиозных праздниках, на разных мероприятиях — посвящённых благополучному возвращению царя из похода, приёмах послов и различных торжествах, — об всём этом подробно сообщают в своем отчёте австралийские археологи Хавьер Альварес-Мон и Ясмина Уикс (Alvarez-Mon, Wicks 2021).

Интересно, что в описании выступлений хуппу использовались всего два прилагательных и причастия: *mêlulu*, означавшее «играющий» или «действующий», и *nabalkutu*, означавшее «изворачивающийся», «переворачивающий (с ног на голову)», «переходящий (с одного на другое)»,

«парящий» и «катящийся». Хуппу могли быть только мужчины, потому что отсутствуют записи о женском роде этого подлежащего. Сведения о составе труппы и костюмах были обнаружены ранее на Арьянской чаше (датируемой VIII–V в. до н.э.) с изображением ансамбля музыкантов и упражнений хуппу, отгибających назад, балансирующих на ходулях и идущих на руках. Вознаграждение за выступление одного актера составляло один сикль, тогда как старшие актеры получали по два сикля, а руководитель труппы – 5 сиклей⁵⁷. Там же сказано, что между труппами существовала острая конкуренция, судя по жалобе придворного хуппу Пиради правителю Зимри-Лиму в письме из упомянутого царского архива (Alvarez-Mon, Wicks 2021).

Шоу акробатов оставалось неизменным даже спустя тысячелетие, судя по остракону, найденному в Дейр-эль-Медине – поселении ремесленников одного из Фиванских некрополей в Египте. На остраконе изображена девушка в набедренной повязке с обнажённой грудью. Изогнувшись через спину, она коснулась руками и волосами земли. Её образ настолько сильно отличается от канонов египетской живописи той поры не только позой, но и своей естественностью, что кажется каким-то фото-петроглифом. Хотя на самом деле – это необработанный кусок

---

⁵⁷ Для сравнения: за один серебряный сикль можно было купить 300 кг ячменя по сегодняшним меркам.

известняка, который я видел в Египетском музее Турина⁵⁸. Возможно, это был эскиз к настенной росписи одной из гробниц Долины Царей, который датируется XII–X веками до н.э. и относится к XIX–XX династиям Нового царства. Просто художник в творческом порыве изобразил одну из тех девушек, которые служили во дворце фараона танцовщицами, настолько реалистично, что после него это смог повторить только Эдгар Дега (1834–1917) уже три тысячи лет спустя.

Итак, отмечу особо, что танцы в Древнем Египте были отнюдь не развлечением, а составной частью культовых обрядов, в которых демонстрация акробатических трюков создавала атмосферу высокого искусства посреди сакральных росписей на стенах храмов, служивших прекрасной декорацией мистических церемоний (Osman, Ezz El-Din, Magdy 2023).

Пляски также были неотъемлемым атрибутом на похоронах. Считалось, что они создают особую церемонию входа в загробный мир. Такой практики не было у эллинов, но большинство народов устраивали танцы на похоронах

---

⁵⁸ Museo Egizio, Torino. Ostracone figurato che mostra una ballerina in una posizione acrobatica. URL: https://collezioni.museoegizio.it/en-B/material/Cat_7052/?description=&inventoryNumber=&title=Ostracon&cgt=&yearFrom=&yearTo=&materials=&Provenance=&acquisition=&epoch=&dynasty=&pharaoh= (дата доступа: 14.02.2024).

и сохранили эти традиции до наших дней — в Австралии, Африке, Индии, Китае, а также индейцы в Америке. Как в русской частушке: хоронили тещу — порвали два баяна.

Мистическое и религиозное начало танцев в обрядах наглядно демонстрирует Папирус Гринфилда (датируется 950–930 годами до н.э.) в Британском музее Лондона, представляющий собой древнеегипетскую Книгу Мёртвых. Среди 96 частей, содержащих рисунки и текст, есть фрагмент с изображением богини неба Нут, изогнутой в точности как танцовщица на упомянутом остраконе в Египетском музее Турина. В этой сцене бог воздуха Шу помогает богине неба Нут символически разделить небо и землю, напоминая об усилиях Атона при сотворении мира. Невероятный изгиб женщины символизирует неземное (небесное) преображение мира. Сюжет этого папируса наилучшим образом служит объяснению акробатических трюков танцовщиц в религиозных церемониях. Рефлексируя эти и другие схожие данные, Тайлор отмечает:

«В древней религии пляска сделалась одним из главных актов богослужения. Религиозные процессии двигались с песнями и плясками в египетские храмы, и Платон говорил, что всякая пляска должна быть, таким образом, религиозным актом. Так оно в действительности и было в значительной степени в древней Греции, где критский

хор, двигаясь размеренным шагом, пел гимны Аполлону, и в Риме, где на ежегодном празднестве Марса салийские жрецы пели и, ударяя в щиты, плясали по улицам города (Тайлор 2021: 168).

Здесь необходимо отметить, что римляне свои танцевальные практики перенимали от эллинов, достигших к тому времени небывалых высот не только в искусстве гимнастики, врачевания и гигиены, но и в хореографии, предвосхитив в ней всё разнообразие танцевальных жанров, которые известны сейчас. Но, как и в случае с гимнастикой, парадокс в том, что **понятия «хореография» у эллинов не существовало**. Этот термин впервые появился в учебнике «Хореография, или искусство описания танца посредством персонажей, фигур и демонстративных знаков» французского мастера танцев (maître de danse) Рауля Фейе (1660–1710) в 1700 году (Feuillet 1700).

Все танцы эллины делили на две категории – аполлонические (торжественные) и дионисийские (оргастические). **Аполлонические танцы** исполнялись группами, которые одновременно ещё и пели – их называли *хоры* (χορός). Сейчас хорами называют только поющие группы, а массовые танцевальные номера исполняет *кордебалет* (corps de ballet). Место для выступлений хора эллины называли *орхестра* (ὀρχήστρα). Хору и главным актёрам (протагонисту, антагонисту, дейтерагонисту и тритагонисту) надлежало принимать *схему* (σχῆμα) – позу и выражение

лица, создающие образ⁵⁹. Другой вид аполлонических танцев — примерное сражение в военной амуниции *пиррихий* (πυρρίχιος) исполнялось под аккомпанемент флейты на олимпийских и панафинейских играх. Но в «Пире мудрецов» Афиней (II–III века н.э.) называет *пиррихий* ещё и армейской практикой «разминки перед сражением», поднимавшей дух спартанцев.

Дионисийские танцы были полной противоположностью аполлоническим, в них не было никаких предписаний, они могли исполняться, как индивидуально, так и массово, и обычно во время пиров, по свидетельствам Аристотеля, Афиней, Геродота, Платона и многих других.

Кульминацией всех танцев был экстаз (ἔκστασις) — изменённое состояние, как самих танцоров, так и зрителей, поверивших в образ танца и испытывших восторг от него. В **аполлонических танцах** экстаз был сродни катарсису (κάθαρσις) — возвышению над действительностью, обожествлению образа; а в **дионисийских танцах** сродни оргазму (ὄργασμός) — иррациональному освобождению, экзистенциальной свободе от этики (ἦθος) в угоду эстетике (αἵσθησις). О том, как музыка «сильнее всякого

---

⁵⁹ Позднее это понятие заимствовали христиане, называя его «схима» — обязательство монахов соблюдать строгие правила аскетичного образа жизни, скромного поведения, простого питания и одного фасона одежды.

вина опьяняет тех, кто ею упивается», Плутарх пишет в «Застольных беседах»:

«Слушатели уже не довольствовались выкриками и отбиванием такта, вскакивали с мест и сопровождали эту музыку соответствующими телодвижениями, не походящими достоинству благовоспитанного человека» (Плутарх 1990: VII–V).

Интересно, что в отличие от гимнастики и скульптуры, мусические искусства эллинов не были восприняты в ходе эллинизации народами Востока. Во всяком случае, мне не удалось обнаружить следов их заимствований ни в Персии, ни в Индии, ни в Бактрии, ни в Согдиане и ни в Китае.

В Персии древнейшими свидетельствами танцевальной культуры стали два артефакта (V век до н.э.):

- пиала из обожжённой глины с изображением держащихся за руки шести чёрных женщин (хранится в Музее Лувра в Париже);
- печать из серого халцедона с танцующим персом, который держит руки над головой, одетого в штаны и тунику поверх кофты с рукавами и в тканевой шапке (хранится в Музее Гетти в Лос-Анджелесе).

Среди персов были распространены два типа танцев — хороводные (взявшись за руки) и линейные — групповые с одинаковыми движениями. **Хороводные танцы** устраивали на календарные праздники — Мехреган (в честь Митры), Ялда (накануне зимнего солнцестояния) и Новруз (день весеннего равноденствия). **Групповые танцы** устраивали по любым другим поводам, они сопровождалась пирами (Shay 1995). Пример таких танцев есть на позолоченной чаше из серебра времён сасанидов (V–VII век н.э.) с изображением снаружи полуобнажённых женщин — трёх танцовщиц и трёх музыканток, которую мне довелось увидеть в Национальном музее Ирана. Такие танцы по-сути были дионисийскими, если проводить аналогию с эллинами, судя по описанию Геродотом плясок на бесконечных пиршествах, которые продолжались даже во время падения Вавилона:

«В это время они по случаю праздника плясали и веселились до тех пор, пока слишком хорошо не узнали [свое ужасное положение]» (Геродот 1972: I-193).

В Индии преобладало ритуальное значение танцев, которое сохранилось до наших дней, оставаясь практикой мифологического контекста религиозных обрядов. Источником языка тела и жестов стали ритуалы жертвоприношений, описанные в Яджурведе — одной из четырёх индуистских Вед. Считается, что Всеведущий Брахма дал наставления: по телесным представлениям в «Яджурведе»,

чувствам в «Атхарваведе», чтению в «Ригведе» и пению в «Самаведе» (Бхарата 1996: 360).

Первые упоминания танцевального искусства индусов содержатся в трактате «Натьяшастра» мифического учителя танца Бхараты Муни. Вот только с датировкой этого произведения (от II века до н.э. до II века н.э.), как и с его автором, нет полной ясности. Исследовательница индийской культуры Капила Ватсьяян (1928–2020), с которой мне довелось общаться в ЮНЕСКО, пришла к выводу, что различные главы «Натьяшастры» писались разными людьми на протяжении продолжительного периода времени (Ватсьяян 2009: 18).

Использовать танец для общения с богами Бхарата начал после наставления Шивы (Ватсьяян 2009: 68). Традиционно Шива изображается с барабаном — источником первоначального импульса жизни *акаша* в одной руке и в другой руке — с разрушительным импульсом огня. Жесты других его рук зовут танцевать и в то же время предостерегают от излишеств в танце. Согласно индуистским воззрениям, мир был создан танцующим Шивой, поэтому обращение к нему должно быть соответствующим — в бессловесной молитве посредством танца или конкретной позы, которые сопровождаются *мудрами* (жестами), поэтому Шива также считается основателем йоги и медитаций. Танец Шивы мужской и женский

одновременно, но всё же считается, что он создал разные танцы для мужчин — *Тангава* и для женщин — *Ласья*.

Разделение на мужчин и женщин есть и в индийской акробатике: в уличных представлениях *маллахамба* мальчики выступают на шесте, а девочки — на канатах. Я делаю акцент на этом историческом факте, чтобы подчеркнуть, что именно Индия предвосхитила стриптиз, а попытки европейцев выдать кружение в танце за претечку танцев на пилоне выглядят на этом фоне малоубедительно. На Западе, действительно, появилось раздевание перед публикой в танце, но широкое распространение в питейных заведениях это получило только в конце XIX века. Сейчас у шеста большей частью мы видим женщин, а мужской стриптиз появился недавно.

Но вернёмся к описанию древних практик танцев на Востоке в Древнем Китае, где главной сакральной церемонией с телесными практиками были похороны, и это продолжается до сих пор, потому что родственники хотят собрать как можно больше людей и для этого приглашают акробатов и танцовщиц. Старейшие артефакты таких телесных практик относятся к династии Западная Хань (206–220 гг. до н.э.), они содержатся в эпиграфике и керамике с изображением стойки на голове, стойки на руках и сальто акробатов. Постепенно их стали использовать не только на похоронах — знать начала устраивать такие развлечения во дворцах (Gunde 2002: 24–25).

Во времена династии Тан (618–907 гг.н.э.) появляется усложнение – воздушная гимнастика с исполнением сальто во время ходьбы по канату, трюками с верёвкой и шестом, ходьбой на 3-метровых ходулях, человеческими пирамидами, конторсионной акробатикой и прыжками с обручем. В таких шоу самыми любимыми до сих пор остаются выступления двух акробатов в костюме льва в окружении девушек, вращающих цветные тарелки. Эти вращения создают воображаемый образ колыханий цветов на ветру (Chinese theories 2005).

Сохранившиеся акробатические искусства Китая были включены в Репрезентативный список НКН ЮНЕСКО, но почему-то по заявке Южной Кореи, а не Китая, и в корейской же интерпретации: *джултаги* – ходьба по канату (Jultagi 2011) и *намсаган нори* (Namsadang Nori 2009), представляющие собой акробатические представления бродячих артистов с куклами, пантомимой, танцами и хождением по канату (Кыласов 2021).

Другой интересный пример аналогичного переписвоения наследия есть в Мексике, куда конкистадоры завезли акробатическое искусство. Результатом этой трансформации стал ритуал *волагорес*, о котором в доиспанский период нет никаких сведений. Его бытование зафиксировано только с XVI века. Ритуал представляет собой вращение на столбе высотой 25–30 метров небольшой деревянной платформы, на которой сидит музыкант,

играющий одновременно на флейте и барабане, а снизу на тросах обеспечивают вращение этой платформы четверо, собственно — *воладорес*. Они олицетворяют четыре стихии: огонь, воду, воздух и землю. *Воладорес* совершают перевороты головой вверх и вниз на протяжении 13 оборотов вокруг столба, сначала поднимаясь, а затем опускаясь, что символизирует оборот земли вокруг солнца в течение года. Ритуал внесли в Репрезентативный список НКН ЮНЕСКО по заявке Мексики (Voladores 2009).

А самое масштабное переприсвоение наследия произошло в цирковом и танцевальном искусствах. В цирке возник *симбиоз* (συμβίωσις) всего, что возникло у разных народов в акробатике. Впрочем, такое переприсвоение не противоречит концепции происхождения обрядов, о чём убедительно написал Эрик Хобсбаум в сборнике «Изобретая традицию» (Хобсбаум 2000).

В современном виде цирк возник в конце XVIII века. Благодаря чрезвычайному разнообразию экзерсисов, акробатика занимает в нём доминирующее положение в сравнении с другими жанрами циркового искусства. Цирковая акробатика подразделяется на партерную (конторсионные упражнения на манеже) и воздушную (упражнения на канате или мостках под куполом), соответственно исполнителей называют партерными и воздушными гимнастами. Самое интересное, что представления с использованием колец и трапеции остались практически

неизменными с древнейших времён, и по-прежнему усложняются жонглированием, танцами и балансированием на узкой поверхности или канате. Сейчас исполнителей таких шоу называют эквилибристами.

А вообще, восприятие акробатики и гимнастики, как цирковой, так и спортивной, амбивалентно – они всегда понимались не только как индивидуальные возможности владения телом, но и как способ публичной демонстрации. Отличие спортивной акробатики от цирковых представлений заключается только в том, что в ней выступления оценивают не только аплодисментами, но ещё и баллами, и набравшие больше баллов оказываются на пьедестале.

Другим масштабным объектом переписывания стали танцы. Сейчас в любой стране есть возможность заниматься танцами любых народов мира. Проблема только в том, что весь этот национальный фольклор стал кривым зеркалом достоверных практики прошлого. После того, как народные танцы стали репертуаром государственных ансамблей песен и плясок, изменилась форма их бытования – вместо народных они стали артистическими. Хореография госплясок примерно одна и та же по всему миру, различия только в костюмах. С аранжировками народных госпесен то же самое – различаются только мелодии, слова и отдельные музыкальные инструменты, а звучат они примерно одинаково.

Ничего дионисийского в госплясках и госпеснях больше нет, сейчас в них только аполлонический официоз. Всё дионисийско-народное переместилось в ночные клубы глобальной поп-культуры — это и есть современный фольклор, согласно этнометодологии американского социолога Гарольда Гарфинкеля (1917–2011). И в этом фольклоре есть всё, что было в прошлом — страдания (рок-баллады, блюз, рэп, шансон) и весёлые песни (джаз, поп, рок). И не надо считать это всё примитивным, сводящимся к раскрепощению, как у первобытных людей, хотя бы потому, что неистовство первобытного танца — это миф постмодерна, потому что дикарям не нужно было раскрепощение.

Парные и одиночные танцы сейчас понимают как симуляцию секса. При этом индивидуальные танцы представляют собой одну из форм пребывания в транс, когда происходит демонстрация самоудовлетворения *in vivo*. Групповые формы сексуальной демонстрации типа танцы живота или бача-бази приросли множеством современных стилей — гоу-гоу, поппинг, стрип пластика (стрип-денс), стриптиз, тверк и другие. Эти массовые танцы по-прежнему олицетворяют оргиастическое единение — такое же, как сохранилось в плясках герметичных культур коренных народов (алхалалалай у ительменов, геревол у водабе, маллакхамб у индусов). Такова эротософия современного танца, в котором ещё сохранились аутентичный *экстаз* (ἔκστασις) и *наркотик* (ναρκωτικός).

Далее необходимо отметить, что танцы превосходят гимнастику и спорт по всем возможным параметрам — привлекательности, готовности, доступности, удовлетворенности, инклюзивности и, как следствие, массовости. Потому что танцы позволяют затронуть те функции тела, которые отвечают за удовольствие. Хотя их не задействуют в обыденной жизни, но их всё же можно сравнить с тем чувством, когда удаётся почесать между лопаток в той точке, до которой невозможно дотянуться — эллины её называли *акнестис* (ἄκνηστις). Прикоснуться к акнестису — высшее удовольствие, которое позволяет ощутить владение телом. Французский антрополог Марсель Мосс (1872–1950) в «Техниках тела» предьявил инструментальное объяснение этой радости от владения телом:

«Тело есть первый и наиболее естественный инструмент человека. Или, если выражаться более точно и не говорить об инструменте, можно сказать, что первый и наиболее естественный технический объект и в то же время техническое средство человека — это его тело» (Мосс 2011: 311).

Но тело нам служит не только инструментом для проживания жизни и ощущения радости бытия, а ещё и средством порождения мира вокруг себя, как утверждает чилийский биолог Франсиско Варела (1946–2001), что

«проживаемое тело, проживаемый психический опыт и проживаемая среда — части одного и того же процесса,

посредством которого человек энактирует свой мир (говоря языком феноменологии, «порождает мир») (Варела и др. 2023: 20)

Он считает, что

«такие идеи могут стать переходом к новой парадигме понимания того, чем являются тело и сознание в целом» (Там же: 33).

Таким образом, соглашаясь с Варелой, мы понимаем, что тело создаёт визуальные сигналы, которые воспринимает сознание, и сознание, в свою очередь, заставляет тело создавать всё новые и новые визуальные сигналы, которые доминируют в коммуникации. Российский антрополог Марина Львовна Бутовская приводит такие данные:

«информация, передаваемая словами, составляет лишь около 7% от общего объема информации, получаемой человеком, тогда как на долю невербальных сигналов приходится 93% (мимика, позы, жесты, касания, запахи составляют до 55%, а на долю голосовой паралингвистической составляющей приходится до 38%)» (Бутовская 2004: 12).

Невербальная коммуникация воздействует на вербальный контент и может полностью менять его содержание, утверждает российский лингвист Григорий Ефимович

Крейдлин (Крейдлин 2002). В исследовании мультимодальной семиотики коммуникации он предлагает топологию из 10 определений, характеризующих участие тела и его реакции в ходе высказываний, их звучания и звукового сопровождения. Я приведу их в упрощённом виде (Там же: 22):

паралингвистика — речевые смыслы;

кинесика — жесты в речи и вместо слов;

аускультация — характер звучания речи;

окулестика — воображение и движения глаз;

гаптика (такесика) — касания в ходе общения;

гастика — пищевые символы;

ольфакция — запахи и парфюм;

проксемика — дистанция при общении;

хронемика — продолжительность общения;

системология — предметы в общении.

Несмотря на всю многофакторность и сложные алгоритмы, коммуникации между людьми всё же оказались расшифрованы искусственным интеллектом, который научили не только распознавать людей, но и оценивать угрозы в их поведении. Обратной стороной такого прорыва технологий стала тотальная слежка и рейтинг благонадежности, предсказанный в антиутопии «1984» Джорджа Оруэлла.

А при помощи систем компьютерной томографии научились оценивать органы и ткани внутри человека с целью распознавания негативных процессов. Начало этому положила анатомия, возникшая из вскрытия трупов. Этим занимались все древние народы, а сейчас повсеместно используют эллинизм «анатомия», которого не было в Древней Греции, он появился только в 1316 году в одноимённом трактате профессора Болонского университета Мондино де Луцци (1270–1326) (Liucci 1541).

От анализа трупного материала перешли к изучению жизни внутри организма, которую мы называем опять же эллинизмом «физиология», но и этого термина не было в Древней Греции, он вообще имеет литературное происхождение, а его автор — французский писатель Оноре де Бальзак (1799–1850) — так он назвал в 1829 году свой роман «Физиология брака» о жизни в сельской глубинке.

Изучение живых органов и костей на новый уровень вывела рентгенография — исследование тела с помощью икс-излучения, которое разработал в 1895 году немецкий физик Вильгельм Рёнтген (1845–1923). А благодаря томографии (с чего началась эта ретроспектива), представление о живых органах и процессах внутри организма достигло апогея тем, что разительно отличалось от знаний по анатомии, полученных после вскрытия трупов.

Дальше появилась трансплантация, технологии которой начались с *протезов* (πρόθεσις) и косметических операций в античности, а привели к пересадке органов в XX веке. В результате, тела людей стали восприниматься как хранилища органов. Хотя, если быть точным, то в этом качестве они были предвосхищены ещё в механицистской метафоре тела Декарта.

А чтобы убедить людей делиться органами или завещать их после смерти, понадобилась психиатрия с её внушениями и самовнушениями, гипнозом и НЛП. Но сам эллинизм «психиатрия» появился тоже не у эллинов, а только в 1803 году в книге «Рапсодия (восторженная речь) об использовании психологической терапии для душевно больных» немецкого врача Иоганна Кристиана Рейля (1759–1813).

Ксенотрансплантация — межвидовая пересадка органов стала возможной благодаря генетике. Первым этот

эллинизм использовал венгерский граф Имре Фештетич де Толна (1764–1847). Он был заводчиком овец и в 1819 году описал способы сохранения и изменения наследственных признаков в книге «Генетический закон природы». Затем от изначального смысла «прародителя» (γενετικός – на древнегреческом) генетика пришла к технологиям модификации живых организмов и к межвидовым скрещиваниям.

А вообще, практика пересадки органов наделяет новым смыслом генологию, наполняя новым смыслом диспозитив Единого и Бытия. Основатель неоплатонизма, древнегреческий философ Плотин (205–270 н.э.) характеризовал Единое как Сверхбытие (ὑπερὸν), как будто бы предвещающая появление трансплантологии:

«вещи, положенные вместе природой, которые составлены из многого и называются соединениями, ты можешь освободить от эйдоса, соединяющего все [элементы] соединения; например, человека [разъять] на тело и душу, а тело – на четыре стихии. И когда ты найдёшь, что все стихии составлены из материи и оформляющего [её начала], – ибо материя стихий сама по себе бесформенна – ты станешь исследовать, откуда эйдос приходит в материю» (Плотин 2010: 263).

Французский философ Жиль Делёз (1925–1995), наблюдая высшее достижение трансплантологии – пересадку

сердца в 1967 году, когда ему самому вырезали лёгкое, и руководствуясь собственной установкой, что философия должна осмыслять события, а не рассуждать об их сущности, пишет в «Логике смысла» (1969):

«Это и есть дионисийская смыслопорождающая машина. Где нонсенс и смысл уже не просто противостоят друг другу, а, скорее, соприсутствуют вместе внутри нового дискурса. Такой новый дискурс больше не связан определённой формой, но он и не дискурс бесформенного: это, скорее, дискурс чистого неформального» (Делёз 2011: 146).

Появление в наши дни специальных хранилищ тел, органов и тканей, приготовленных для трансплантации, привело к идеологии забвения, потому что после деперсонификации органы доноров стали простой неформальной суммой сингулярностей. Идеология такого подхода снимает этические барьеры при заполнении хранилищ органами, открывая возможности для их поставок из зон военных конфликтов. Таким образом, наибольший интерес сейчас представляют уже не территории врага, а раненые и убитые, которых подвергают специальной обработке для извлечения органов, высокая добавочная стоимость которых с лихвой компенсирует траты на гонку вооружений.

Впрочем, политика всегда была телесно ориентированной, достаточно обратиться к анатомическому символизму её

апеллятивной лексики, выраженной в метафорическом употреблении частей тела (Чайко 1974) в ономастике положений, действий и ситуаций: глава государства, руководитель проекта, глаза и уши руководителя, организация (корпорация), быть на волосок, оказаться в заднице, указующий перст, толкаться локтями, повернуться спиной, сжать кулаки, сверкнуть пятками, надорвать пупок, показать язык, послать «в» или «на».

Образная дефрагментация тела предопределена священными мощами, поскольку мощи состоят из разных частей тела, но все они становятся равносвятными и уже не содержат внутри ковчегов тех коннотаций, которые были в телах святых при жизни. Словом, нет разницы в поклонении пальцу, ступне или локтю. Разъясняя этот феномен, британский антрополог Джеймс Фрэзер (1854–1941) приводит пример с японским императором Микадо — «воплощением богов, которые правят миром», и потому все продукты их жизнедеятельности неприкасаемы:

«Всем частям его тела приписывается такая святость, что он не отваживается обрезать себе ни волосы, ни бороду, ни ногти... Взятое у него... считалось украденным, но кража не могла повредить его святости и достоинству» (Фрэзер 2012: 205).

Я не случайно вспомнил этот фрагмент, он позволяет закончить эссе на самом важном аспекте телесности. На мой взгляд, сейчас происходит радикальная смена парадигмы в отношении святости, которая выражается во всех проявлениях «транс»: трансгуманизм, трансперсональность, трансгендер, трансплантология. Раньше достаточно было прикоснуться к святому, а сейчас возникает ощущение, что мы вот-вот захотим имплантации, чтобы никто не мог сказать, что «нет в тебе ничего святого».

Именно в этом возникает новая парадигма, которую сформулировал Агамбен: *«Не “Бог” — скорее: “только божественное может нас спасти”»*⁶⁰. Такое божественное многие из нас захотят приобрести как вещь — примерно, как раньше покупали мощи, так сейчас вместо них захотят покупать инъекции святости. Если моё предположение кажется вам чрезмерным, то я приведу цитату французского антрополога Бруно Латура (1947–2022):

«Ошибка, которую мы должны научиться избегать, заключается в невнимательном отношении к этим причудливым порождениям и игнорировании наиболее сомнительных, прихотливых и самых своеобразных понятий из предлагаемых акторами, следующих только за теми из них,

---

⁶⁰ Giorgio Agamben. Solo un Dio ci può salvare. Quodlibet. URL: <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-solo-un-dio-ci-pu-lvare>

которые распространены на задворках социального» (Латур 2014: 70).

Инверсией приобретений «частицы святого» может стать инкарнация выражения «что-то в тебе есть от» какой-нибудь знаменитости. В этом случае знаменитость вряд ли будет гнушаться продажей своего биоматериала. Возможно, это станет новым трендом политики тела: коммунистам понадобятся частички Ленина, чтобы стать настоящими «ленинцами», в ЛДПР будут ставить уколы всем желающим стать жириновцами и так далее.

Прорывы в познании тела непредсказуемы, а предсказуемо только то, что мы по-прежнему сочняем для них эллинизмы, вслед акробатике, аэробике, биологии, гастрономии, генетике, гимнастике, калистенике, психиатрии, физиологии, хореографии и прочему в этом духе.

Библиографический список

Литература на русском языке

Агамбен Л. (2011). Номос sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа».

Аристотель. (1978). Вторая аналитика (ПА) // Сочинения в четырех томах. Т. 2. Ред. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль.

Аристотель. (1996). История животных. Пер. В. П. Карпов. М.: Издательский центр РГГУ.

Арьес Ф. (1999). Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Пер. с фр. яз. Я. Ю. Старцев. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.

Бабур З. (1948). Бабур-наме. Пер. М. А. Салье. Под ред. М. Шевердина. Пред. С. А. Азимджановой. Ташкент: Госиздат УзССР.

Бабью А. (2014). Малое руководство по инэстетике. Пер. с фр. Д. Ардамацкой, А. Магуна. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Бауман З. (2008). Текучая современность. Пер. с англ. С. А. Комаров. М.: Питер.

Бахревский Е. В. (2019). История и современный образ масляной борьбы // Международный журнал «Этноспорт и традиционные игры». М.: Институт наследия. № 2 (2). С. 13–39.

Безант А., Легбитер Ч. (2005). Мыслеформы. Пер. с англ. Зайцев К. А. М.: Новый центр.

Блаватский В. Д. (1964). Боспорское царство. М.: Наука.

Бодрийяр Ж. (2015). Симулякры и симуляции. Пер. с фр. А. Качалова. М.: Издательский дом «ПОСТУМ».

Бутовская М. Л. (2004). Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М.: Научный мир.

Бутовская М. Л. (2022). Антропология пола. Эл. изд. М.: ДМК Пресс, 2022.

Бхарата. (1996). Натяшастра // Столепестковый лотос: Антология древнеиндийской литературы. Пер. с санскрита и древнетамильского. Сост., вступит. статья И. Д. Серебрякова. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.

Варела Ф., Томпсон Э., Рош Э. (2023). Отелесненный ум. Когнитивная наука и человеческий опыт. Пер. с англ. Киры Тулуповой М.: Фонд «Сохраним Тибет».

Василий Великий. (2008). Симфония по творениям святителя Василия Великого. М.: ДАРЪ.

Ваттимо Дж. (2002). Прозрачное общество. Пер. с ит. Дм. Новикова. М.: Издательство «Логос».

Ваттимо Дж. (2008). Эпоха интерпретации // Логос. № 4 (67). С. 120–128.

Ватсьяян К. (2009). Наставление в искусстве театра: «Натяшастра» Бхараты. М.: Восточная литература.

Ватсяяна М. (2000). Камасутра. Пер., статьи, комм. А. Я. Сыркина. СПб.: Издательский Дом «Нева».

Гален К. (2022). О назначении частей человеческого тела. Пер. Кондратьев С. П. М.: Издательство RUGRAM.

Герасимов М. (1949). Основы восстановления лица по черепу. М.: Советская наука.

Геродот. (1972). История в девяти книгах. Пер. и прим. Г. А. Стратановского, под общ. ред. С. Л. Утченко. Ленинград: Изд-во «Наука».

Гиппократ. (1936). Избранные книги. Пер. с греч. В. И. Руднева. Под ред. В. П. Карпова. М.: ТОО «Сварог».

Гребенкин А. Д. (1872). Таджики // Русский Туркестан: Сборник, изданный по поводу политехнической выставки / под ред. В. Н. Троцкого. М.: [Университет. тип.]. Вып. 2. С. 1–50.

Дарвин Ч. (2001). О выражении эмоций у человека и животных. СПб: Питер.

Д'Абано П. (2024). Гептамерон, или Магические элементы. М.: Академия исследований культуры.

Дворецкий Л. И. (2018). Исторические «Видения» Антони Левенгука // Антибиотики и химиотерапия. 2018. № 11–12. С. 55–62.

Делёз Ж. (2011). Логика смысла. Пер. с фр. Я. И. Свирского. М.: Академический проект.

Денкард. (2024). Сказания небесных мудрецов. Авеста. Перевод: А. Г. Виноградов. М.: Ridero.

Деревянко А. П. (2017). Три глобальных миграции человека в Евразии. Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН. Т. II. Первоначальное заселение человеком Северной, Центральной и Средней Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН.

Деррида Ж. (2000). О грамматологии. Пер. с фр. и вст. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem.

Дункан А. (1907). Танец будущего (Лекция). Пер. Н. Филькова; под ред. и с предисл. Николая Суслова. Москва: Типо-лит. К. И. Чероковой.

Дюран Ж. (1960). Антропологические структуры воображаемого. Пер. с фр. Носенок Богдана. URL: <https://castalia.ru/perewody/eranos-perevody/4019-zhilber-dyuran-antropologicheskie-struktury-v-oobrazhaemogo--glava-1-teriomorfnye-simvoly.html> (дата обращения: 29.01.2021).

Жиран Р. (1972). Насилие и священное. Перевод Г. М. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2000.

Заксер Н. (2020). Человек в животном. Почему животные так часто походят на нас в своем мышлении, чувствах и поведении / пер. с нем. Н. Ф. Штильмарк; под науч. ред. Е. А. Гороховской; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики.

Ибн Сина А. А. (1981). Канон врачебной науки. Т. 1. Перевод с арабского М. А. Салье, У. Т. Каримова, А. Расулева. Ташкент, ФАН.

Йегер В. (1997). Пайдейя. Воспитание античного грека (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем). Т. 2. Пер. с нем. М. Н. Ботвинника. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина.

История тела. (2012). Том 1. От Ренессанса до эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение.

История тела. (2012). Том 2. От Великой французской революции до Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение.

История тела. (2012). Том 3. Перемена взгляда: XX век. М.: Новое литературное обозрение.

Кант И. (1964). Опыт введения в философию понятия отрицательных величин // Том 2. Сочинения в шести томах. Пер. В. А. Фохта. Под общей ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Г. Я. Ойзермана. М.: Мысль.

Кардек А. (2011). Книга Духов. Пер. с фр.: Спартак Северин. Бразилиа: Международный спиритический совет.

Кёлер А. (2019). Облагораживание дикости шотландских Хайленд-игр и швейцарского фестиваля Уншпуннен как идея аристократов и политиков для доморожденных олимпиад // Международный журнал «Этноспорт и традиционные игры», № 1 (1). М.: Институт наследия. С. 33–62.

Кереньи К. (2007). Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни. Пер. с нем. А. В. Фролова (часть 1), А. Ф. Поповой (часть II). М.: Ладомир.

Клавдий Птолемей. (1996). Математический трактат, или Четверокнижие (первые две книги) // Знание за пределами науки: Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I–XIV веков / Сост. и общ. ред. И. Т. Касавина. М.: Республика.

Крейдлин Г. Е. (2002). Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение.

Кристева Ю. (2003). Силы ужаса: эссе об отвращении. Пер. с фр. А. Костикова. СПб.: Алетейя.

Кристева Ю. (2013). Семиотика. Исследования по семанализу. Пер. с фр. Э. А. Орловой. М.: Академический проект.

Ксенофонт. (1935). Сократические сочинения: Воспоминания о Сократе, Защита Сократа на суде, Пир, Домострой. Пер., статьи и комментарии С. И. Соболевского. М.; Л.: Academia.

Кыласов А. В. (2010). Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма: Эссе по истории спорта и олимпизма / А. В. Кыласов. М.: АИРО-XXI. С. 55–56.

Кыласов А. В., Нестеров П. В. (2016). Олимпизм и культурная преемственность: пересмотр ключевого момента в спорте // Вестник славянских культур. 2016. № 2 (40). С. 107–122.

Кыласов А. В. (2019). Традиционные игры и состязания вдоль Шелкового пути // Международный журнал «Этноспорт и традиционные игры». М.: Институт наследия, 2019. № 1 (1). С. 1–11.

Кыласов А. В. (2021). Традиционные игры и состязания в Списке нематериального культурного наследия ЮНЕСКО // Культурное наследие России. 2021. № 1. С. 11–15.

Кыласов А. В. (2023). Этноспорт. Руководство пользователя (трактат): монография. М.: «Спорт».

Кубертен П. (2011). Олимпийские мемуары: пер. с фр. А. Ю. Лестер. М.: Рид Групп.

Кэмпбелл Дж. (1998). Маски бога. Созидательная мифология. В двух тома. Пер. с англ. К. Н. Корсаков, Т. В. Науменко. М.: Золотой Век.

Лао-цзы. (2002). Дао Дэ Цзин. Книга пути и благодати (сборник). Пер. Померанцевой Л. Е., Хин-шун Ян. М.: Эксмо.

Латур Б. (2014). Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Лбова Л. В. (2005). Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы) / Отв. ред. Л. В. Лбова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ.

Леви-Строс К. (1962). Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. Пер. с фр. А. Б. Островского. М.: Академический проект, 2008.

Лиотар Ж.-Ф. (1998). Состояние постмодерна. Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.

Лоренц К. (1963). Агрессия (так называемое «зло»). Пер. с нем. Г. Ф. Швейника. М.: «Прогресс», «Универс», 1994.

Лосев А. Ф. (1996). Мифология греков и римлян. Сост. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль.

Луман Н. (1991). Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // СОЦИО-ЛОГОС: Пер. с англ., нем., франц. / Сост., общ. ред. и предисл. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. М.: Прогресс. С. 194–216.

Луман Н. (2004). Общество как социальная система / Пер. с нем. А Антоновского. М.: Логос.

Лысенко В. Г. (2020). Опыт йоги и медитации как предмет философии в Индии // Вопросы философии. № 3. С. 161–176.

Маффесоли М. (2012). У каждого свои трибы: от контракта к пакту (перевод с фр. Марии Пророковой) // Посредник. Массмедиа, общество и культура / Научн. ред. В. А. Подорога, отв. ред. А. А. Парамонов. М.: Р. Валент, 2016.

Мбембе А. (2025). Некрополитика (А. Антипов, Trans.). Еще один, 3(2). <https://anotheronejournal.com/index.php/journal/article/view/38> (Original work published 2024)

Медникова М. Б. (2004). Трепанации в древнем мире и культ головы. М.: Алетейа.

Миг М. (2004). Мужское и женское. Исследование полового вопроса в меняющемся мире. Пер. с англ.: М. Ошурков и др. М.: Росспэн, 2004.

Морозов И. А., Бутовская М. Л., Махов А. Е. (2008). Обнажение языка (кросс-культурное исследование семантики древнего жеста). М.: Языки славянской культуры.

Мосс М. (2011). Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. Сост., пер. с фр., предисл., вступит. статья, коммент. А. Б. Гофмана. М.: КДУ.

Наршахи. (2011). Та'рих-и Бухара. История Бухары // Абу Бакр Мухаммад ибн Джа'фар ан-Наршахи. Пер., коммент. и прим.

Ш. С. Камолиддина. Археолого-топограф. комментарий Е. Г. Некрасовой. Ташкент: SMIA-SIA.

Нафзави М. (1993). Благоухающий сад. Пер. Ю. Яхниной. М.: Полина М.

Нестеров П. В. (2024). Древние основания современной идеологии спорта: учебное пособие / П. В. Нестеров, А. А. Передельский. М.: Советский спорт.

Ницше Ф. (1990). Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. Сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьяна; Пер. с нем. Ю. М. Антоновского. М.: Мысль.

Ортега-и-Гассет Х. (2002). Восстание масс. Пер. с исп. А. М. Гелескул. М.: АСТ.

Павлов И. П. (1951). Полн. собр. соч. Т. III, кн. 2. М.-Л.: Изд. Академии наук СССР.

Павсаний. (2002). Описание Эллады. Пер. с древнегреч. С. П. Кондратьевой. В 2-х тт. Т. I–II. М.: АСТ, Ладомир. VII 23, 8

Парацельс. (2005). О нимфах, сильфах, пигмеях, саламандрах и о прочих духах (сборник). Пер. с лат. А. Шапошникова, Ю. Кулишенко. Пер. с нем. Д. Мироновой. М.: Эксмо.

Пиже Ж. (1932) Психология интеллекта. Перевод: А. М. Пятигорский. СПб.: Питер, 2003.

Платон. (2019). Диалоги. Пер.: Соловьев М. С., Ананьин С., Жебелев С. А. М.: Эксмо-Пресс.

Платон. (2007). Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко».

Плиний Старший. (2009). Естественная история. Кн. 7 / Пер. и коммент. А. А. Павлова // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Под. ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2009. № 17. С. 211–242.

Плотин. (2010). Эннеада. Пятая эннеада. Пер. с древнегреч. и послесл. Т. Г. Сидаша. СПб.: Издательство Олега Абышко.

Плутарх. (1990). Застольные беседы. Пер.: Боровский Я. М. Ленинград: Издательство «Наука».

По Э. (1924). Духи Смерти // Эдгар По. Полное собрание поэм и стихотворений. Пер. и предисл. Валерия Брюсова с критико-библиограф. комментарием. Москва-Ленинград: Гос. Изд. «Всемирная литература». № 36, МСМХХIV. С. 22.

Поршнев Б. Ф. (1974). О начале человеческой истории. М.: Мысль.

Пресьяго П. Б. (2021). Я монстр, что говорит с вами. Отчет для академии психоанализа / пер. с фр. К. Масс; под ред. В. Соловья. М.: No Kidding Press.

Редькин В. Н. (2019). Дисциплина этноспорт-стронгмен: альфа и омега мирового движения стронгмен // Международный журнал «Этноспорт и традиционные игры», № 1 (1). М: Институт наследия. С. 19–32.

Ригведа. (1999). Мандалы I–IV (2 издание, исправленное) подготовила Т. Я. Елизаренкова. М.: Наука.

Рикёр П. (2002). История и истина. Пер. с фр. И. С. Вдовина, А. И. Мачульская. СПб.: Алетейя.

Розенблум М. (2022). Темные архивы. Загадочная история книг, обернутых в человеческую кожу. Пер. Быкова Е. Д. М.: Бомбора.

Руф К. К. (1993). История Александра Македонского. М.: Издательство МГУ.

Саид Э. В. (1978). Ориентализм. Западные концепции Востока. Пер. с англ. А. В. Говорунова. Санкт-Петербург: Русский мир, 2006.

Сальникова И. В. (2021). Культовые предметы из сборов Приполярного этнографического отряда ИАЭТ СО РАН // Проблемы археологии,

этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 833–841.

Сартр Ж. П. (1990). Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат.

Сеченов И. М. (1895). Физиологические критерии для установки длины рабочего дня. Доклад в обществе любителей естествознания // Сборник для самообразования. СПб.

Сироткина И. (2017). Национальные модели физического воспитания и сокольская гимнастика в России // Социологическое обозрение. 2017. № 2. С. 320–339.

Сироткина И. (2021). Свободный танец в России: История и философия. М.: Новое литературное обозрение.

Слотердайк П. (2009). Критика цинического разума. Пер. с нем. А. Перцева; испр. изд-е. Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ.

Сухарева О. А. (1976). Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».

Тайлор Э. Б. (2021). Первобытная культура. Исследования развития мифологии, философии, религии, искусства и обычаев. Пер. Коропчевский Д. А. М.: Академический проект.

Тассулас Й. (2016). Боги-целители / Боги и герои Древней Греции: Каталог выставки. Науч. ред. Д. В. Журавлев, Г. А. Ломтадзе; пер. с англ. Н. В. Журавлевой, А. Д. Журавлева. М.: Исторический музей.

Теофраст. (1974). Характеры. Перевод, статья и примечания Г. А. Стратановского. Л.: Наука.

Толстов С. П. (1948). Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: Издание МГУ.

Филострат. (2022). О гимнастике. (Перевод с древнегреческого и комментарий И. П. Рушкина). Аристей XXVI: 63–105.

Фрай Р. Н. (2016). Бухара в Средние века. На стыке персидских традиций и исламской культуры. Пер. Лапикова О. И. М.: Центрполиграф.

Фрэзер Дж. (2012). Золотая ветвь: Исследования магии и религии. Пер. с англ. Рыклин М. К. М.: Академический проект.

Фуко М. (2008). Дискурс и истина. Пер. с англ. Андрея Корбута // Логос. № 2 (65). С. 159–262.

Фуко М. (2010). Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. Пер. Дьяков А. В. М.: Наука.

Хобсбаум Э. (2000). Изобретение традиций // Вестник Евразии. М., 2000. № 1 (8). С. 47–62.

Хунса. (1983). Энциклопедия фикха, 2-е изд. В 45 т. Кувейт. Т. 20. С. 21–32.

Хуэй-цзяо. (1991). Жизнеописания достойных монахов (Гао сэн чжуань). Пер. с кит., исслед., коммент. и указатели М. Е. Ермакова. В 3-х т. Т. I (Раздел 1: Переводчики). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы.

Чайко Т. Н. (1974). Названия частей тела как источник метафоры в апеллятивной и ономастической лексике // Вопросы ономастики / МВ и ССО РСФСР, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Свердловск: [УргУ], 1974. № 8–9. С. 98–106.

Шелов-Коведяев Ф. В. (2024). Надписи на солнечных часах из собрания Керченского музея // Археология и история Боспора: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (результаты новейших исследований памятников Боспорского царства), Керчь, 09–12 августа 2023 года. Симферополь: ООО “Антиква”. С. 148–158.

Элиаде М. (2000). Йога: бессмертие и свобода. Пер. с англ. С. Никшич (главы I–IV) и Д. Палец. Киев: София.

Якобсон Р. (1996). Язык и бессознательное / Пер. с англ., фр., К. Голубович, Д. Епифанова, Д. Кротовой, К. Чухрукидзе, В. Шеворошкина; ред. пер. Ф. Успенский. М.: Гнозис.

Литература на иностранных языках

Abu Salih. (1895). *The Churches and Monasteries of Egypt and Some Neighbouring Countries.* Attributed to Abu Salih, the Armenian. Translated by B. T. A. Evetts, M. A. Oxford: Clarendon Press.

Alban D. (2005). *Books Bound in Human Skin; Lampshade Myth?* Harvard Law Record. 11 November 2005.

Alterauge A., Meier T., Jungklaus B., Milella M., Lösch S. (2020). Between belief and fear – Reinterpreting prone burials during the Middle Ages and early modern period in German-speaking Europe. *PLoS ONE* 15(8): e0238439.

Alvarez-Mon J., Wicks Y. (2021). The world's first professional acrobats were flipping through the Middle East 4,000 years ago // *The Conversation Media Group Ltd*, Published: October 11, 2021: <https://theconversation.com/the-worlds-first-professional-acrobats-were-flipping-through-the-middle-east-4-000-years-ago-165968> (дата доступа: 14.02.2024).

Amorós F. (1821). *Gymnase Normal, Militaire Et Civil, Idée Et État De Cette Institution Au Commencement De L'année.* Paris: Impr. de P.-N. Rougeron.

Andrieu B. (2010). *Le Monde corporel. De la constitution interactive du soi* (préface d'A. Berthoz). Lausanne: L'Âge d'homme.

Anthony D. (2004). *Letters: Pierre de Coubertin – William Penny Brookes.* *Journal of Olympic History* 12, no. 2 (2004). P. 61.

Appadurai A., Robles-Anderson E. (2021). The Cosmos and the Polis // *Public Culture* 33(1):1–5.

Arcini C. (2009). Losing Face. The Worldwide Phenomenon of Ancient Prone Burial. In I.-M. Back Danielsson (ed.), *Döda personers sällskap. Gravmaterialens identiteter och kulturella uttryck*. Stockholm: Stockholms University, 187–209.

Arellano C. R., Leopold D. A., Shafiroff B. B. (1982). Tattoo removal: comparative study of six methods in the pig. *Plast Reconstr Surg*. Dec;70(6):699–703.

Aristotelis. (1903). *Ethica Nicomachea*. Recognovit Franciscus Susemihl; editio altera curavit Otto Apelt.

Arvin-Bérod A. (1996). *Les enfants d'Olympie, 1796–1896*. Paris: Editions du Cerf.

Bello S. M., Crété L., Galway-Witham J., Parfitt S. A. (2021). Knapping tools in Magdalenian contexts: New evidence from Gough's Cave (Somerset, UK). *PLOS ONE* 16(12): e0261031.

Bereket H. (2013). *Tuḥfe-i Mübārizi: Metin – Sözlük*, ed. and trans. Binnur Erdağ Doğuer. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları.

Borchardt J. K. (2002). The Beginnings of Drug Therapy: Ancient Mesopotamian Medicine. *Drug News & Perspectives*. 15 (3): 187–192.

Boysun. (2008). Inscribed in 3. COM on the Representative List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity (originally proclaimed in 2001). URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/cultural-space-of-boysun-district-00019>

Brotherston G. (2003). The year in the Mexican codices: the nature and structure of the eighteen feasts. *Estudios de Cultura Náhuatl*, 34, 67–98.

Cicero. (1927). *Tusculan Disputations* / J. E. King. Loeb Classical Library, 141. Cambridge, MA: Harvard University Press. P. 216–217.

Chinese theories. (2005). Theater and performance from Confucius to the present. Edited and translated by Faye Chunfang Fei. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2005.

Cordus V. (1640). *Pharmacopoea Augustana, auspiciis amplissimi senatus.* Wien.

Digester E. (1998). Lactantius, Porphyry, and the Debate over Religious Toleration. *Journal of Roman Studies.* 88: 129–146.

Diogenes Laertius. (1925). *Lives of Eminent Philosophers / Diogenes Laertius;* translated by R. D. Hicks. Volume II: Books 6–10. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1925.

Doniger W. (2016). *Redeeming the Kamasutra.* Oxford University Press.

Dwivedi G., Dwivedi Sh. (2007). *History of Medicine: Sushruta – the Clinician – Teacher par Excellence* (PDF). National Informatics Centre (Government of India).

Eichberg H. (1998). *Body Cultures. Essays on Sport, Space and Identity.* London: Routledge.

El Kadi G. (2007). *Architecture for the Dead: Cairo's Medieval Necropolis.* Photo by Alain Bonnamy. Cairo: The American University in Cairo Press.

Engels D. W. (1978). *Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army.* Berkeley.

Erasmus Roterodamus D. (1829). *Desiderii Erasmi Roterodami Colloquia familiaria et Encomium moriae Ad optimarum editionum fidem diligenter emendata, Cum succincta difficiliorum explantatione.* Editio stereotypa. Lipsiae [Leipzig]: Syntibus et typis Car. Tauchnitii.

Feuillet R.-A. (1700). *Chorégraphie, ou l'art de décrire la danse par caractères, figures et signes démonstratifs.* Paris: chez l'Auteur, et chez Michel Brunet.

Frank A. (2004). *Falun Gong and the threat of history // Gods, guns, and globalization: religious radicalism and international political economy /* edited by Mary Ann Tétreault, Robert Allen Denemark. Boulder, Colo: Lynne Rienner Publishers.

Fuller F. (1705). *Medicina Gymnastica: or a treatise concerning the power of exercise, with respect to the animal oeconomy: and the great necessity of it in the cure of several distempers.* London: Printed by John Matthews, for Robert Knaplock, at St. Paul's Church Yard. MDCCV.

Gao W., Feng W., Xu Q. et al. (2022). Barriers associated with the public use of sports facilities in China: a qualitative study. *BMC Public Health* 22, 2112.

Goux J.-J. (1973). *Économie et Symbolique: Freud, Marx.* Paris: Éditions du Seuil.

Gunde R. (2002). *Culture and Customs of China.* Bloomsbury Academic.

Guts Muths J. C. F. (1793). *Gymnastik für die Jugend: Enthaltend eine praktische Anweisung zu Leibesübungen.* Schnepfenthal: Erziehungsanstalt.

Gymkhana. Merriam-Webster.com Dictionary, Merriam-Webster, <https://www.merriam-webster.com/dictionary/gymkhana> (дата доступа: 14.02.2024).

Heidary A., Dolatshah N. (2012). Manifestations of Sufism, Chivaryl, and Shia Religion in Ancient Sport and Gymnasium of Iran. *JRSM* 2012; 2 (4): 57–71.

Hippocrates. (1957). *Ancient Medicine. Airs, Waters, Places. Epidemics 1 and 3. The Oath. Precepts. Nutriment.* Translated by W. H. S. Jones. Loeb Classical Library, 147. Cambridge, MA: Harvard University Press. P. 20–21.

Homrighausen J. (2015). When Herakles Followed the Buddha: Power, Protection, and Patronage in Gandharan Art. *Silk Road Foundation.* P. 26–35.

Human towers. (2010). Inscribed 5. COM on the Representative List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity. URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/human-towers-00364> (дата доступа: 14.02.2024).

Ifrah G. (1994). *Histoire universelle des chiffres. L'Intelligence des hommes racontée par les nombres et les calculs, tome 2.* Collection Bouquins. Éditions R. Laffont.

Jacques-Dalcroze E. (1921). *Rhythm, Music and Education*. Translated from the French by Harold F. Rubinstein. New York: G. P. Putnam's Sons.

Jahn F. L., Eiselen E. (1816). *Die deutsche Turnkunst, zur Einrichtung der Turnplätze dargestellt*. Berlin.

Jahnke R. (2002). *The Healing Promise of Qi: Creating Extraordinary Wellness Through Qigong and Tai Chi*. Chicago, Ill: McGraw Hill.

Jultagi. (2011). Inscribed 6. COM on the Representative List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity. URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/jultagi-tightrope-walking-00448> (дата доступа: 14.02.2024).

Kirkpinar. (2010). Inscribed 5. COM on the Representative List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity. URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/krkpinar-oil-wrestling-festival-00386> (дата доступа: 14.02.2024).

Kleiner F. S.; Mamiya C. J.; Tansey R. G. (2002) *Gardner's Art Through the Ages: The Western Perspective, Volume I*. Wadsworth Publishing.

Kramrisch S. (1954). *Art of India: traditions of Indian sculpture painting and architecture*. London: The Phaidon press, 1954.

Lafont-Pouloti E.-P. (1791). *Mémoire sur les courses de chevaux et de chars en France, envisagées sous un point de vue d'utilité publique, présenté à l'Assemblée nationale, au département et à la municipalité de Paris*. In-8°, XII-32 p., frontisp. Grave. Paris: Édition Vallat-La Chapelle.

Laks A., Most G. (2016). *Early Greek Philosophy*. 9 volumes. Loeb Classical Library, 524–532. Cambridge, MA; London: Harvard University Press. P. 224–225.

Langaney A. (1988). *Les hommes: Présent, passé, conditionnel*. Paris: Armand Colin.

Laugrand F., Oosten J., Trudel F. (2002). Hunters, owners, and givers of light: The tuurngait of south Baffin Island. *Arctic anthropology*, P. 27–50.

Lederman L., Teresi D. (1993). *The God Particle: If the Universe Is the Answer, What Is the Question?* Boston: Mariner Books.

Ling P. H. (1840). *Gymnastikens allmänna grunder* [The General Basis of Gymnastics]. Uppsala: Palmblad & Comp. 1834–1840.

Linssen R. (1958). *Zen living*. London: Allen & Unwin.

Liucci M. (1541). *Anathomia*, Marpurgi, Christian Egenolff.

Mannoni L. (1997). *Georges Demeny, pionnier du cinéma*. Douai: Pagine Editions.

Martino D., Tanner A., Defazio G., Church A. J., Bhatia K. P., Giovannoni G., Dale R. C. (2005). Tracing Sydenham's chorea: historical documents from a British paediatric hospital. *Archives of disease in childhood*, 90(5), 507–511.

Mbembe A. (2019). *Necropolitics*. Durham: Duke University Press.

Mensenvlees? (2011). Dennis Storm, Valerio Zeno en Gerard Spong – Proefkonijnen – 12.12.2011. BNNVARA: <https://www.bnnvara.nl/dewerelddraaitdoor/videos/242961>

Mercurialis. (1573). *De Arte Gymnastica*. Venezia: Apud Juntas.

Millett K. (1970). *Sexual Politics*. Garden City, New York: Doubleday.

Minen F. (2020). Ancient Mesopotamian views on human skin and body: a cultural-historical analysis of dermatological data from cuneiform sources. *Notes and Records*. 74119–130.

Migne J. P. (1863). *Patrologiae cursus completus. Series Graeca*. Lutetia Parisiorum. Vol. LI.

Namsadang Nori. (2009). Inscribed 4. COM on the Representative List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity. URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/namsadang-nori-00184> (дата доступа: 14.02.2024).

Nancy J.-L. (2005). *La décloison (Déconstruction du christianisme)*. Paris: Galilée.

Naul R. (2003). Concepts of Physical Education in Europe. *Physical Education: Deconstruction and Reconstruction – Issues and Directions* (ed. K. Hardman). International Council of Sport Science and Physical Education. Hofmann, pp. 35–52.

Neelis J. (2011). *Early Buddhist Transmission and Trade Networks: Mobility and Exchange within and beyond the Northwestern Borderlands of South Asia*. Leiden: Brill.

Nerlich A. et al. (2000). Ancient Egyptian prosthesis of the big toe. *The Lancet*, Volume 356, Issue 9248, 2176–2179.

NFP. State Council. Notice of the state council on distributing the National Fitness Plan (2021–2025). Available at: http://www.gov.cn/zhengce/content/2021-08/03/content_5629218.htm (дата доступа: 14.02.2024).

Nota riservata (2018) circa alcune questioni canoniche inerenti al transessualismo (21 dicembre 2018), Congregazione per la dottrina della fede, Città del Vaticano, Sub secreto pontificio.

Oesterley W. O. E. (1923). *The sacred dance: a study in comparative folklore*. Cambridge: University Press.

Osman S., Ezz El-Din D., Magdy H. (2023). Representations of Gymnastics in Ancient Egypt, Religious conceptions, Purpose to Sport Heritage // *The Scientific Journal of the Faculty of Tourism and Hotels, Alexandria University*, Vol. 20, Issue 1 (2023). P. 47–54.

Palmer C., Tano M. L. (2007). *Mokomokai: commercialization and desecralization*. New Zealand Electronic Text Centre.

Palmer D. (2007). *Qigong Fever: Body, Science and Utopia in China*. Kindle edition. London and Paris: Hurst & Co. and Centre d'Etudes et de Recherches Internationales.

Papakonstantinou Z. (2024). Sport Prizes in Archaic and Classical Greece: Funeral Games and the Great Panathenaia // Money and Honor in Ancient Athletics. Edited by Christoph Begass, Christian Mann and Marco Tentori Montalto. Franz Steiner Verlag. E-Book.

Paré A. (1573). Des monstres et prodiges, Malesherbes, Gallimard, 2015.

Pirnia B. & Pirnia K. (2022). Sex Reassignment Surgery in Iran, Re-Birth or Human Rights Violations against Transgender People? Iranian journal of public health, 51(11), 2632–2633.

Plautus. (2012). The Little Carthaginian. Pseudolus. The Rope / W. Melo. Loeb Classical Library, 260. Cambridge, MA: Harvard University Press. P. 432–433.

Pliny. (1942). Natural History / H. Rackham. Vol. II: Books 3–7. Loeb Classical Library, 352. Cambridge, MA: Harvard University Press. P. 644–645.

Pociello C. (1999). La Science en mouvements: Etienne Marey et Georges Demeny (1870–1920). Paris: PUF.

Porphyry. (303). Against the Christians. Fragments in English 2004. URL: https://tertullian.org/fathers/porphyry_against_christians_02_fragments.htm.

Radley D. (2024). Accidental discovery in Lake Pátzcuaro reveals pre-Hispanic treasures. Archaeology News Online Magazine. June 30, 2024. URL: <https://archaeologymag.com/2024/06/pre-hispanic-treasures-in-lake-patzcuaro/>

Rothstein H. (1847). Die Gymnastik nach dem Systeme des schwedischen Gymnasiarchen P. H. Ling. Berlin: Schroeder.

Shahar M. (2008). The Shaolin Monastery: History, Religion, and the Chinese Martial Arts. Honolulu: University of Hawai'i Press.

Sharma R. (2016). Sport of Mallakhamb: a traditional game of Indian culture. *Indian Journal of Physical Education, Sports and Applied Sciences* Vol.6, NO.1, January, 2016.

Shay A. (1995). Dance and non-dance: patterned movement in Iran and Islam. *Iranian Studies*, 28(1–2), 61–78.

Shorto R. (2008). *Descartes' Bones: A Skeletal History of the Conflict Between Faith and Reason*. New York, Random House.

Singleton M. (2010). *Yoga Body: The Origins of Modern Posture Practice*. New York: Oxford University Press.

Spalding K. et al. (2005). Retrospective Birth Dating of Cells in Humans. *Cell*, Volume 122, Issue 1, 133–143.

Taijiqian. (2020). Inscribed 15. COM on the Representative List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity. URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/taijiqian-00424> (дата доступа: 14.02.2024).

Tagliacozzi G. (1597). *De curtorum chirurgia per insitionem*. Venezia: Gaspare Bindoni il Giovane.

Talaei A., Hedjazi A., Badiyan Moosavi N., Dadgarmoghaddam M., Lotfinejad N., Khorashad B. S. (2022). The Epidemiology of Gender Dysphoria in Iran: The First Nationwide Study. *Archives of sexual behavior*, 51(4), 1881–1889.

Taylor M. (2025). An Analysis of Pre-Columbian Modified Human Bone Artifacts from the Western Gulf Coastal Plain of North America. *International Journal of Osteoarchaeology*. e3402. <https://doi.org/10.1002/oa.3402>

Trumpbour R. (2014). Stadiums, Arenas, and Audiences // *A Companion to American Sport History*. Book Editor(s): Steven A. Riess. P. 577–597.

Vale T. C., Cardoso F. (2015). Chorea: A Journey through History. Tremor and other hyperkinetic movements (New York, N. Y.), 5, tre-5–296.

Verma G. K., Darby D. (1994). *Winners and losers: ethnic minorities in sport and recreation*. London; Washington, D. C.: Falmer Press.

Vickers J. (2016). *The Acrobatic Body in Ancient Greek Society*. PhD Thesis. London, Ontario: The University of Western Ontario.

Voladores. (2009). Inscribed 4. COM on the Representative List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity. URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/ritual-ceremony-of-the-voladores-00175> (дата доступа: 14.02.2024).

Waille F. (2011). *Corps, arts et spiritualité chez François Delsarte (1811–1871). Des interactions dynamiques*, Lille, ANRT.

Welsch W. (1995). *Vernunft. Die Zeitgenossische Vernunftkritik und das Konzept der transversalen Vernunft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Wile D. (1996). *Lost T'ai Chi Classics of the Late Ch'ing Dynasty*. New York: SUNY Press.

Wujastyk D. (1998). *The Roots of Ayurveda: Selections from Sanskrit Medical Writings*. Penguin Books India.

Yoga. (2016). Inscribed in 11. COM on the Representative List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity. URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/yoga-01163>

Zander G. (1890). *Die Apparate fuer mechanisch-heilgymnastische Behandlung und deren Anwedung*. Stockholm: Ivar Haeggstroems Buchdruckerei.

Zarrilli P. (1998). *When the Body Becomes All Eyes: Paradigms, Discourses, and Practices of Power in Kalaripayattu, a South Indian Martial Art*. Oxford University Press.

Zhang Y. H., Rose K. (2001). *A Brief History of Qi*. Paradigm Publications.

Научное издание

КЫЛАСОВ Алексей Валерьевич
ПОЛИТИКА ТЕЛА:
антропология, история, философия

Редактор Алексеев А.А.

Корректор Прокопьева Т.Н.

Сверстано онлайн-сервисом Метранпаж

Художник Никоноров А.Г.

Подписано в печать 01.08.2025. Формат 60х90/16

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 22,0. Тираж 1000 экз.

Изд. № 378. Заказ № _____

ООО Издательство «Человек»

117312, г. Москва, ул. Ферсмана, д. 5а

Тел./факс: (499) 124-01-73

Сайт: www.olimppress.ru

E-mail: chelovek.2007@mail.ru